Социалистическая Советская Республика Белоруссии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год изд. II Вып. 5—6.

ВЕСТНИК

Народного Комиссариата Просвещения

Выходит один раз в месяц.

1922 г. № 3—4. Март—Апрель

Государственное Издательство Белоруссии.

МИНСК.
1922 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„Вестник Нар. Ком. Просвещения С. С. Р. Б.“

В 1922 г.

журнал выходит каждый месяц выпусками

от 3-х до 4-х печ. л.

В журнале помещаются статьи по вопросам Педагогики и белоруссоведения на русском и белорусском яз., наряду с информациями о деятельности Компроса и его местных органов.

В вышедших книжках журнала помещ. статьи:

Проф. Н. Н. Андреева, Н. Я. Бойкова, З. Бядулі. А. Н. Вознесенского, С. Я. Вольфсона, проф. В. Н. Ивановского, проф. В. М. Игнатовского, акад. Е. Ф. Карского, С. З. Каценбогина, Я. Коласа, Я. Лесика, проф. В. И. Пичеты, проф. И. М. Соловьева, А. В. Федюшина и др. авторов.

Выписывать можно из книжного склада Наркомпроса (уг. Захарьевской и Губернаторской ул.), кн. маг. Рабпроса (Захарьевская ул., рядом с Кирхой) и Госиздата (Петропавловская, 8).

Адрес редакции: гор. Минск, Наркомпрос, Уг. Захарьевской ул. и Архиерейского пер., дом Борща.

Социалистическая Советская Республика Белоруссии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год изд. II Вып. 5—6.

ВЕСТНИК

Народного Комиссариата Просвещения

Выходит один раз в месяц.

1922 г. № 3—4. Март—Апрель

Государственное Издательство Белоруссии.

МИНСК.
1922 г.

Содержание:

Беларускі аддзел:

На новом пути.

Прежняя политика в области народного образования была направлена к удовлетворению культурно - просветительных потребностей всего населения в целом. Школы, клубы и прочие культурно-просвет. учреждения росли стихийно по запросам и инициативе самых широких слоев населения, и все это переходило в ведение Народного Комиссариата Просвещения. Не было планомерности и систематичности в работе. Стихийность—характерная черта всякого революционного периода во всех областях Советского строительства,—особенно резко проявилась в области народного образования. Не было ни одной деревни, ни одного более—менее населенного пункта, который бы не открыл хаты—читальни, или культурно-просветительного кружка. Культурно-просветительные учреждения росли быстро, чуть ли не с каждым днем открывались новые и не было никакой возможности не только руководить их организацией, но даже точно учесть.

Во всем этом скрывалась глубокая положительная сторона,—инстиктивное стремление населения побороть веками накопленную тьму невежества, наверстать потерянное во времена тяжелого царского режима, шагнуть сразу на несколько десятилетий вперед, и если бы подо все это была подведена прочная материальная база, то вся Советская Федерация покрылась бы сетью образцовейших культурно-просветительных учреждений. К сожалению, этой материальной базы не было: все открываемые учреждения немедленно после открытия переходили на полное содержание государства и тяжелым бременем ложились на истощенный за период империалистической войны и истощаемый с каждым днем гражданской войной государственный бюджет. Их необходимо было содержать материально, снабжать культурно - просветительными силами и средствами и руководить их дальнейшей работой. Материальные рессурсы таяли с каждым днем, культурно-просветительные силы и средства распылялись, руководить работой в силу стихийного роста учреждений и отсутствия материальных рессурсов не было никакой возможности. Громаднейшие ад-

министративно-инструкторско-организационные аппараты не справлялись с этой работой. Учреждения, созданные и создаваемые в порыве революционного энтузиазма, вследствие отсутствия твердой материальной базы, недостатка культурно - просветительных сил и средств, отцветали, не успевши расцвести, и, великие числом, по качеству своему приближались к нулю. В этой массе учреждений в силу тех же причин постепенно глохли и старые культурно-просветительныя учреждения, перешедшие к нам в наследство от старой буржуазной эпохи. Мы сделали колоссально широкий размах но, размахнувшись, не рассчитали своих сил и средств и удар наш повис в воздухе.

Новая экономическая политика и переход к твердому государственному бюджету в числе прочих преимуществ имеют одно неоспоримое преимущество: это подсчет материальных средств и связанных с ними возможностей в различных отраслях Советского строительства. В громадном количестве учреждения, построенные на революционном энтузиазме, должны были рухнуть, как не имевшие под собой прочного материального фундамента. Началось свертывание работы и свертывание аппаратов. Сократительная политика, начатая почти одновременно с новой экономической политикой, продолжается до сих пор и будет продолжаться еще долгое время. Трудно, после такого широкого разлива, какой наблюдался в период революции, войти сразу в свои берега. Особенно трудно это сделать в области народного образования в стране, где ощущается острый недостаток в культурно-просветительной работе. А это сделать надо, и надо во что-бы то ни стало, иначе мы рискуем потерять и то, что еще в состоянии удержать.

Основой всякой работы, в том числе и культурно-просветительной, является твердая и вполне определенная материальная база и эту материальную базу необходимо ясно выявить и точно учесть прежде, чем наладить работу. У нас материальная база складается из средств, отпускаемых центром РСФСР, и средств, изыскиваемых на месте. При централизованной финансовой политике средства, отпускаемые Центром, в порядке общефедеративного государственного бюджета, являются основными средствами в работе народного образования и на них главным образом мы должны базироваться при постройке своего производственного плана. Тут прежде всего должна быть полная ясность и определенность, но к сожалению, до сих пор этой ясности и определенности нет, так как наш, так называемый твердый бюджет, оказался построенным неправильно и должен был пересматриваться к апрелю м-цу с. г. Он должен быть или увеличен, или уменьшен—и строить на нем производственный план пока

никак невозможно. Базироваться на ассигнованиях за январь, февраль и март тоже нельзя, так как к этим ассигнованиям имеются дополнительные, присылаемые в неопределенном заранее количестве и неодинаково каждый м-ц. Таким образом, средства отпускаемые Центром, не поддаются заранее точному учету, должны рассматриваться согласно телеграммы Наркомпроса РСФСР, как аванс к тем средствам, которые не выяснены еще самим Наркомпросом РСФСР и основой производственного плана служить безусловно не могут.

Переходя к средствам, изыскиваемым на месте, мы должны предварительно категорически опровергнуть и признать несостоятельным взгляд Наркомпроса РСФСР, который считает, что главным источником доходов для народного образования являются местные средства. Наркомпрос РСФСР, если он искренно так думает, жестоко ошибзется и эту иллюзию надо разрушить, как вредную. Представитель Наркомфина т. Краснощеков на последнем с'езде заведующих Губоно, частично должен был подорвать эту надежду Наркомпроса РСФСР на местные средства, заявив вполне откровенно, что ссылка на местные средства является ни больше, ни меньше, как отговоркой со стороны центра, ничего конкретного местам не дающей. Это заявление представителя Наркомфина, который безусловно в курсе дела в вопросе о местных средствах, необходимо иметь в виду и при составлении смет РСФСР хорошо запомнить и не обманывать себя на счет местных средств. Это не значит, конечно, что никаких местных средств быть не может; местные средства есть и частично будут использованы и для целей народного образования, но расчитывать на них главным образом безусловно не приходится. Самым серьезным источником доходов для народного образования из местных средств является местный бюджет, куда отнесены расходы по народному образованию на оплату технического персонала и некоторые виды хозяйственных расходов. Это является серьезной подмогой государственному бюджету, но и этих даже расходов местный бюджет не выдержит. На с'езде зав. Губоно почти все заведующие выступили с резкой критикой отнесения оплаты технического персонала за счет местных средств, доказав этим самым, что местный бюджет с этими расходами не справится. Если мало упоминалось о хоз. расходах, то только потому, что со времени революции почти никакие хозяйственные расходы крупного масштаба не производятся и все к этому достаточно попривыкли. Местный бюджет дать много не может и серьезной помощи народному образованию не окажет. Население за время войны обнищало, отвыкло платить какие бы то ни было

налоги (за исключением крестьян) и все это создает весьма мрачные перспективы в области местного бюджета. Расчитывать, что местный бюджет сможет покрыть другие расходы по народному образованию, кроме тех, которые отнесены к местному бюджету официально, определенно не приходится.

Вторым источником дохода для народного образования на местах по мысли центра должен быть школьно-целевой налог, который при своем осуществлении мог бы быть солидной материальной базой для народного образования. Но он у нас, в Белоруссии, не проводился, как не проводился нигде во всей Федерации, по вполне ясным и понятным причинам. Нуждается не только Комиссариат Народного Просвещения, но нуждаются и другие не экономические комиссариаты, работа которых, как напр. Ком. Здравоохранения имеет не меньшее государственное значение, чем работа Наркомпроса. И раз вводит целевой налог Наркомпрос, почему не ввести его Здравохранению, почему не стать на этот путь и другим комиссариатам, нуждающимся в средствах? Таким образом получился бы не школьно-целевой налог, а целый ряд целевых налогов, вводимых различными комиссариатами по своему усмотрению. Стать на этот путь Белорусской республике не пришлось, иначе получилась бы полная неразбериха и все налоги до одного не имели бы успеха Государство проводит единый общегражданский денежный налог и часть этого налога пойдет на покрытие расходной сметы местного бюджета, т. е. тех расходов по народному образованию, какие опять таки уже предусмотрены в местном бюджете. Таким образом, школьно-целевой налог не проводился и проводиться не будет, а общегражданский налог является определенной доходной статьей общефедеративного бюджета и частично покрывает расходы по местному бюджету

Третьим, весьма основательным источником доходов в пользу народного образования является волостное натуральное самообложение в деревнях и районное самообложение населения в городах и крупных местечках. Результаты этого самообложения еще полностью не известны, так как оно еще не закончилось и в некоторых местах только что налаживается. Но уже из того, что сделано, можно с определенностью сказать, что, самое большее волостное натуральное самообложение сможет удовлетворить пайком по нормам Совпрофбела культурно-просветительных работников в деревнях, которые из общегосударственного фонда пайков не получают. Расчитывать на то, что волостное натуральное самообложение покроет значительную часть расходов по народному образованию помимо пайков—не приходится. Районное самообложение в городах и ме-

стечках у нас в Белоруссии прошло лучше, чем в других местах Федерации, но значительных результатов тоже не дало. На средства школьно-хозяйственных советов, руководивших районным самообложением населения, мы смогли поддерживать тепло в наших школах города и произвести весьма незначительный мелкий ремонт. Выделить же из их сборов сумму на оплату местного состава наших учреждений нам не пришлось. Школьно-хоз. советы должны и будут продолжать свою работу, превратившись в более широкие общественные организации, ставящие своей целью помочь школе; свои сборы они могут производить периодически через определенные довольно продолжительные промежутки времени, самооблагая население примерно два раза в году (в начале и в середине учебного года), но быть аппаратом, постоянно, выкачивающим средства от населения по мере потребности в этих средствах, они не могут. Значительная часть населения при частых и обременительных сборах, незаинтересованная непосредственно в школе, откажется от помощи культурно-просветительным учреждениям и по отношению отказавшихся придется применять принудительные меры, что превратит школьно-хоз. советы в бюрократические налоговые аппараты.

Из всего сказанного необходимо сделать соответств. выводы.

При общем весьма тяжелом экономическом положении всей Советской Федерации, государство, не отказываясь от лозунга всеобщего, обязательного и безплатного обучения, обслуживает культурно-просветительные нужды не всего населения в целом, а только организованного пролетариата (всех членов профсоюзов) и беднейшую часть крестьянства.

Школы, где обучаются дети пролетариата и беднейшего крестьянства, должны быть поставлены не хуже в смысле оборудования, чем школы до-революционного времени, с применением методов и принципов трудового обучения и осуществлением педагогических идей, выдвинутых революцией.

Материальной базой для культурно-просветительных учреждений, обслуживающих пролетариат и беднейшую часть крестьянства, должны быть абсолютно все средства Республики, предназначенные для народного образования и получаемые, как из центра в порядке общефедеративного государственного бюджета так и изыскиваемые на месте.

Культурно-просветительныя нужды остальной части населения обслуживаются государством по мере возможности и исключительно *за счет этого населения*.

Как практически провести указанные положения в жизнь, —об этом в следующий раз.

А. Балицкий.

К вопросу о единой трудовой школе.

После октябрьской революции 1917 г. у нас во всех сферах общественной жизни были проведены радикальные реформы. В области народного образования реформа выразилась во введении, так назыв. „единой трудовой школы“ Несомненно, что реформа эта была начата и даже проведена тогда, когда еще конкретного, твердого и окончательного, представления о том, что именно жалательно в этой сфере, выработано не было. Поэтому основные идеи реформы продолжали обсуждаться и видоизменяться и после ее проведения в жизнь в ее первоначальной, далеко не продуманной форме, навеенной иногда утопически идиллическими настроениями ее авторов и осуществителей. По этой же причине неоднократно менялось за последние годы понимание духа и смысла этой новой школы. И эти колебания, эта неустойчивость еще не изжиты и сейчас; поэтому не мешает остановиться еще раз на этом вопросе: каждый голос может оказаться здесь не бесполезным.

Обычно „Трудовую школу“ противополагают „учебной“ или „книжной“ т. н. школе. Мы убеждены, что наиболее существенное различие между типами школ выражается противоположением не „трудовой“ и „книжной“ а „профессиональной“ и „образовательной“ школ. Оставив в стороне классическую древность, возьмем тот непрерывный процесс общественного развития новых народов, который начался со средних веков. Бедное материальными и духовными средствами общество, не могло сначала „воспитывать“ человека, „образовывать“ его: оно брало человеческий материал и прямо готовило его к известным категориям профессий, общественных функций. К хозяйственной, земледельческой ремесленной и т. п. деятельностям готовила семья, мастерская, цех; к профессиям „письменным“ готовила школа — школа специальная, *профессиональная*. Готовить к этим профессиям, требовавшим уменья читать и писать не только на родном языке, но и на латинском, семья—сама—неграмотная—не могла, — приходилось обращаться к специалистам этого дела... Однако и такая чисто профессиональная школа не могла не затрагивать человека, как целого, не могла не развивать в нем некоторых внутренних сил, некоторых активностей,—и постепенно в этой школе начинали появляться „образовательные“ элементы. Вначале средневековая школа готовила к профессиям духовного лица, канцеляриста, юриста, врача, учителя, т. е. ко всем тем специальностям, для которых нужна была латинская грамота. Но уже скоро она стала выпускать людей с тонко-развитой способностью различения понятий —острых диалектиков, „схоластических логиков“... Это было уже первым „образовательным“ достижением ранее чисто профессиональной технической школы. В эпоху Возрождения обшая резкая реакция на средневековые формы жизни и мысли приводит к замене этого средневекового типа школы другим—гуманистическим. Начиная с итальянских педагогов—Верджерио, Витторино де Фельтре и др. через Монтэня, Раблэ, через Ратихия и Амоса Коменского, через Локка и Руссо, наиболее яркого выразителя этого движения, идеи Возрождения овладевают всем полем педагогики, перекидываясь из Италии во Францию, Англию, Германию. В Германии же, или по крайней мере, на немецкой почве, создается в XVIII в. и общая теория „образовательной“ школы.

Это и представляется нам глав-

*) *Прим. Ред.* Статья помещается, как излагающая личное мнение самого уважаемого автора.

ным руслом эволюции школы: школа была сначала узко „профессиональной“, а потом стала „образовательной“. И современная школа может быть, конечно, только *образовательной*.

„Образование“—перевод немец. Bilding—термин, появившийся в Германии в XVIII в. Он обозначает внутреннее формирование человека, развитие его сил и способностей, придание ему „образа“, определенного, упорядоченного духовного строя. Это как бы „обтесывание“ человека („раз“ значит *удар*: отсюда разить, поразить, сразить и т. д., а также такие выражения, как „дать раза“, т. е. ударить; первоначально имелись в виду, конечно, „образы“, вырубаемые топором—в роде плотницких орнаментов на постройках; Bill также, вероятно, в родстве с Beie-топор). Эта идея внутреннего формирования человека дала в XVIII веке в Германии два главных потока, негуманистический и поток „трудовой“, связанный с именем Песталоцци. Неогуманизм поставил в центре „образования“ *культурную традицию*; неогуманисты, во главе с Фр. Авг. Вольфом и его школой, исходили из идеи использовать лучше образцы и образы прошлого для формирования человека, как такого, а для этого сначала восстановить, воссоздать эти образы при помощи *исторической науки*, исторического изучения. Это великое движение создало немецкую науку в ее историческом отделе, создало историю языка, литературы, искусства, философии, религии, а позже и хозяйства, экономики, права и т. д. И мало того, что создало—оно в значительной степени *напитало* общественную атмосферу и повседневный идейный обиход немецкой нации соответствующими мыслями или, по крайней мере, сознанием важности и значения таковых и уважением к ним. Песталоцци взял за основу „образования“ другой элемент: он постарался возвысить до образовательного уровня *профессионально-трудовую жизнь* представителя широких народных масс (для деталей укажу мою статью „И. Г. Песталоцци, великий филантроп, народник, педагог“, помещенную в VII вып. „Педагогической Академии“, коллективного труда, выходившего под общей редакцией А. П. Нечаева, там же статья Н. П. Смирнова о Фр. Авг. Вольфе и неогуманизме.*) „Трудовая школа“ восходит в наибольшей степени именно к Песталоцци, понимавшему ее, как школу *образовательную*, *внутренне* формирующую человека через сознательное отношение его к его собственной трудовой деятельности и к трудовой жизни окружающей его народной среды. Это отнюдь не узко-профессиональная школа; ее задача не прямая подготовка к той или иной профессии, а именно возведение материала и деятельностей, связанных с профессией, до значения средств общего развития человека. В своей совокупности два эти направления немецкой образовательной школы охватывали все основные стороны дела. Несомненно, что в развитии человеческой личности имеют значение и место эти два элемента: прошлое и настоящее, — культурный капитал, нажитый человечеством и воплощенный в науке искусстве, праве и нравственности, религии, основах общественности и т. д., с одной стороны, и с другой — положение человека в общем строе трудовой жизни своего народа, своего класса и всего человечества. И здесь недопустама никакая односторонность. Как нельзя забывать культурной традиции, так нельзя пренебрегать и трудовой стороной дела.

Между тем, несомненно, у нас—под влиянием резкой и быстрой демократизации общественного строя—была одно время склонность выдвинуть в ущерб культур-

*) Прим. Ред. См. также: Н. Я. Бойков. Идея трудового обучения у Песталоцци. Минск 1921 г.

ной традиции узкотрудовой элемент, понимаемый с одной стороны ие в образовательном, а в какомто самодовлеющем профессиональном специфически классовом смысле, а с другой—в смысле почти исключительно физического труда и соответствующих профессий.

Конечно, для этих крайностей были психологические основания в истории образовательного дела. Школа ,,культурной традиции" пополнялась *в новое время* почти исключительно представителями ,,командующих классов" (в *средние века* было не так: тогда в школу имел широкий доступ всенародный элемент), и потому усвоение культурной традиции и *работа над ее воссозданием, сохранением, пропагандой* и т. д. казалась многим делом ,,буржуазных классов". На самом деле, конечно, это не так: в сохранении, обогащении, приращении этого капитата, в его максимальном распространении в народе заинтересован и *пролетариат*. Надо не ,,выливать вместе с водой из ванны и ребенка", а овладеть этим культурным богатством, как таковым,—подчиняясь требованиям, вытекающим из содержания этого богатства, а не пытаясь декретировать его отмену и постановку на его место совершенно нового *содержания*, которое должно неизвестно откуда взяться. Известный лозунг: ,,мы солнце старое потушим, мы солнце новое зажжем" должен обозначать не *отмену содержания* науки, добытой прошлыми веками, а отмену исключительно классового *использования* этой науки. Между тем, классовое недоверие к прежнему использованию науки и умственного труда приводило, в силу естественного, популярного смещения и перенесения понятий, и к низкой оценке умственного труда, как такового. Выходило так, как будто пролетариату умственный труд вообще не нужен,—будто в будущем обществе не будет техников, ученых и т. д. (хотябы даже из представителей пролетариата). Мне лично пришлось слышать в забавной форме эти взгляды на одном импровизированном митинге под Москвой, в селе Богородском, в июле 1917 г. Один солдат, выступавший на митинге, поносил все ,,образованные" профессии, говоря, что он не хуже инженера мог бы мосты строить, и закончил такой тирадой: ,,вот, положим, бухгалтер... нешто он работает? только что раза два в день перенесет большую книгу с одного стола на другой... а остальное время он что делает? —только пишет"... И это было у нас не только настроением низов: ,,вспомним, что Л. Толстой вывел в одной из своих маленьких комедий чорта, убеждающего народ с колокольни долгой речью... И когда от утомления чорт начинает шататься и стукаться головой о косяки пролетов колокольни, в толпе слышатся возгласы: ,,гляди! гляди! *головой работать начал!*"...

Ясное дело, что низкая оценка умственного труда, как такового, дело временное, крайность, увлечение, и с нею надо расчитаться. Пролетарскому обществу труд этот нужен не в меньшей, а в еще большей степени, чем он был нужен обществу прежнего времени Труд этот необходим, во-первых, для целой массы *профессий*, без которых не сможет обойтись и это общество. Во-вторых, труд этот необходим и *каждому* члену такого общества—в целах полноты развития его личности, в целях ,,образовательных". Далее, труд этот должен отразиться самым благоприятным образом на отправлении членами общества всех других функций и профессий, в том числе и не связанных прямо с *высшими* формами умственного труда (что касается низших и даже средних форм такого труда, то несомненно нет ни одной профессии, которая не нуждалась бы в них). Наконец, труд этот и вырабатываемые им навыки внутренней дисциплины, систематичности, а также понимания чужой психики, других форм культурной жизни, других эпох, на-

родов, общественных складов должны благотворно отразиться на нравственном настрое человеческой личности, на широте общественного понимания, симпатий и сознательных антипатий человека.

Соответственно этому, может и должна существовать, *на ряду* с „трудовой школой" профессионально-функционального типа, и трудовая школа научно - образовательная, как таковая. Она конечно, будет отличаться от старой школы: в ней будет иной дух, иное общественное *настроение*, иной классовый состав учеников, чем в той; в ней будет культивироваться и иное, сочувственное отношение к той, другой школе; но в ней должны быть использованы об'ективные источники культуры, как таковые. И с нашей точки зрения, и сейчас возможены и необходимы, *среди других типов школ*, и школы научных—как типа школ *исторических* так *и математико - естественно-научных*, наконец, *технических гимназий*, т. е. школ, возводящих к *научным* началам принципы техники (как такие школы проектировал, напр., Кершенштейнер.) И все это будут тоже „трудовые" школы,—ибо наука есть тоже труд, и не малый, как это знает всякий. „Единство" трудовой школы надо понимать, мы убеждены, в смысле ее *духа*, социального настроения и однородности состава учащихся а не в смысле однообразия типов даваемого образования. Нужна взаимная оценка, взаимное понимание и уважение деятелей разных типов школ, сознание многообразия общественных нужд и заданий жизни и отзывчивости на *все*... Без высокой оценки научной культуры и поддержания ее в рамках школьной системы неизбежно понизится уровень научной мысли в народе, исходящей из „научных" школ, и, что еще хуже, образуется пропасть между умственными верхами народа (они, конечно, будут же существовать в силу и индивидуальной, и общественной потребности) и профессионально-трудовой массы народа, вырастет взаимное непонимание... И думается, эти наши мысли— не просто плод односторонности, выработанной „профессионализмом науки", а и нечто большее, чем увлечение специалиста: в них учитывается нечто общественно-необходимое.

Проф. **В. Иваковский.**

Работа учителя в школе.

II.*)

Организуя школу, как лабораторию первого научного труда учащихся, мы понимаем роль учителя в ней, как *организатора* этой научной работы. А организация последней отнюдь не может сводиться к преподаванию, „прохождению того или иного отдельного предмета", изолированного в общей системе знанию. Истинное органически усвоенное знание, как мы видели, всегда предполагает умение приобретать его, пользуясь научными приемами систематического наблюдения и исследования, и приводит к построению своего мировоззрения, направляющего деятельность созревающей личности. Так достигает этого знания сознательно мыслящий человек,—на путях к достижению его находится и учащийся в нормальных условиях школьной работы.

Науку, говорили мы выше, нельзя выучить, знание нельзя получить при пассивном к нему отношении. И потому нелепо ставить детей в

*) См. Вестник Нар. Ком. Прос. Январь 1922 г. № 1 (3).

такое положение учеников, имеющих дело с прежним учебником, как с суммой придвосхищенных знаний, и с учителем, такое знание переводившим в сознание детей. Процесс обучения есть всегда в известной степени акт самообучения, самообразования,—и еще Атос Коменский требовал такой школьной системы, чтобы учителя меньше учили, а ученики больше учились.

Главным стимулом к такому самообучению в школе естественно служит постоянное убеждение учащихся в том, что жизненное знание внутренно связано, оно не есть внешняя сумма школьных предметов, а их цельное об'единение и согласованность. А в этом как раз заключается одно из главнейших затруднений для современного, так мало подготовленного для работы в новой школе учительства—ввести учащихся в цепь цельного познавания. Ведь до сих пор наш учитель был или слишком мало подготовлен к тому, или являлся только односторонним специалистом определенного предмета. Преподаватель *предмета* преодолевал в нем педагога, не только методически, но и педологически подготовленного к своему ответственному делу. И если учитель начальной школы мог в своей личности совмещать ту совокупность сведений, какая полагалась для его ученика, и мог непосредственно связать их для последнего в нечто целое, то, в силу своей неподготовленности педагогической, он редко умел это сделать. Звенья единой цепи знания у него оставались разобщенными, наука превращалась в отрывочные сведения.

Комплексный метод обучения, осуществить который стремится новая школа, исходит из того, что всякий акт познавания не есть только логический процесс нашей мысли—он тесно связан и с эмоциональными и волевыми переживаниями. И чем меньше ребенок, тем непосредственнее представлены у него эти процессы, тем цельнее сама его личность. Он тесно сливает себя с реальным миром, он подчиняет его явления в своем действии, его внутренние и внешние интересы непосредственно переплетены.

Задача комплексного метода таким образом может быть понятна в двух направлениях: связать сумму разновременно получаемых знаний в цельное понимание процессов жизни (в их связях и взаимоотношениях) и само это знание связать с его жизненными интересами и его действенным поведением.

Само построение учебного плана должно исходить из этих предпосылок. Его главная цель не в том, чтобы дать законченный цикл сведений, нужных во всей последующей жизни учащегося, а в том, чтобы на материале близких и соответствующих интересам детей того или иного возраста знаний, развить их силы и научить применять эти знания к жизни. Эта строго педологическая точка зрения, которая игнорировалась в построении учебного плана в прежней школе, всегда помогает учителю ближе встать к запросам детского ума, воздействуя на все силы его личности.

В пределах учебного плана, в процессе его разработки с детьми, периодически выдвигаются те или иные *центральные темы*, концентрирующие главное внимание их и методически разрабатываемые в естественном согласовании прежних „предметов". Возьмем несколько типичных примеров из разных областей и покажем, как именно может быть применен комплексный метод обучения.

1. *Начальная группа.*

Осеннее время. Так изменилась жизнь природы в ее красках и приспособлении организмов. Центральная тема двух недель *лес осенью*.

В ряде экскурсий дети производят много своих наблюдений, срав.

нивая картины осени с летней природой. Как изменилось растительное царство, как птицы приспосабливаются к новому времени... Для естествознания здесь много обширных тем, систематически, путем наблюдений прорабатываемых с детьми. Но и для обогащения их языка, развития речи в устном рассказе, стихе, как много эстетики может быть вложено в их рассказ, описание, сочинение. Впечатления от созерцания осенних красот ищут выражения в красивом и точном слове.

Но этот же материал просится и на детский рисунок, вызывающий своеобразное настроение. И вот прежние предметы: уроки естествознания, языка, рисования, пения не обособляются, а сходятся к одному центру, идут от одних впечатлений. Мне вспоминается детский сад в Москве, превратившийся в руках чуткой садовницы в ряд осенних картин. Из подмосковского парка дети вернулись с с разноцветными листьями, которыми убрали свою комнату и разукрасили свои головки. И сами разрисовали много золотых и краснеющих листочков и веток. Устроили в углу найденное опустелое гнездышко, и стали лепить и плести нечто подобное. Пели осенние песенки. Кружились в играх, подобно осенним листочкам. Слушали сказку с осенними фоном настроения. Ее же драматизировали. Это поистине был праздник осени: осень чувствовалась во всем—ее краски и формы слишком захватили детей!

Вспоминается и другая картина—в Цюрихской народной школе. Группа детей в шесть—семь человек, окруживши свой рабочий столик, доделывали модель своего родного озера. Была предложена тема: составить эту модель, напоминающую озера, берег и самый город, амфитеатром забегающий в горы. Сначала были только—стекло на столе и груда сырого песку на нем. Не сразу выходило. Не раз дети бегали на берег, всматриваясь в окружность озера, измеряли, высчитывали шагами длину улиц, бульваров, много спорили, проверяли, измеряли и только в результате больших усилий поняли, что научились смотреть, и познали свой город, озеро, горы,—их формы соотношения.

II. *Старшая группа.*

Центральная тема: Русская жизнь в эпоху Бориса Годунова. Одна московская школа II ступени разработала ее так. Свои занятия по эпохе ученики резюмировали в постановке пушкинской трагедии, потребовавшей не мало напряжений и знаний, входящих в быт эпохи. Всесторонне изучен был исторический момент, столь тревожный и драматический. Вскрывался подлинный быт эпохи: постройки, домашняя утварь, костюмы. Старая Москва—ее Красная площадь, Кремлевские палаты, храмы—все это нужно было воспроизвести на сцене: ученики сами готовили декорации, шили костюмы—мастерская ручного труда, художественная студия была завалены нужной и интересной работой. Изучался пушкинский язык, композиция пьесы. Искусство и наука об'единились в технике театрального дела—эффект являлся поучительный.

В одной из Петроградских гимназий мне пришлось видеть аналогичную постановку комедии Мольера. Быт Франции XVII века наглядно воскресал в сознании учащихся—тонкое знание особенностей Мольеровского языка завершало изучение эпохи.

Мы знаем хороший обычай многих коллегией Англии—всем учреждением ставить ту или иную пьесу Шекспира. Вся школа принимает здесь участие в постановке, резюмируя распределенную работу всех групп в течение же одной недели.

Чаще всего возражают против комплексного метода, применяемого к изучению математики. Но и здесь согласование вполне дости-

жимо. Наглядная геометрия служит основой в занятиях ручным трудом. Измерение площадей реально используется при планировке работ в поле, саду, огороде и школьном дворе, а также при изготовлении различных моделей. Без математики не обойдутся ни физика, ни география, ни экономика. Сама математика ценна методом, точностью—истинное знание чаще формулируется в математических положениях: она неразрывно связана с наукой и практикой жизни.

Применение комплексного метода в школе естественно требует большой подготовки со стороны учителя. Она не может быть сведена к поверхностному энциклопедизму или диллетантизму. Учитель прежде всего является педологом, знающим особенности душевного мира детей и умеющим в своей работе отправляться от интересов и запросов учащихся. В своих собственных научных интересах он не может быть только односторонним специалистом, ему самому необходимо усвоить определенное миропонимание, достающееся изучением родственных наук, уметь ориентироваться в вопросах понимания природы, душевного строя личности и окружающей общественной среды. Ценна его техническая подготовка в черчении, рисовании или ручном труде. Вместе с своими учениками он всегда сумеет тогда воплотить известное знание в рисунке, чертеже, схеме, придать ему наглядную реальность и выразительность. Вопрос не сводится к тому, чтобы каждый учитель смог руководить всеми занятиями детей данной группы. Это трудно осуществимо, а для среднего педагога равносильно поверхностному энтиклопедизму. Совместно с другими педологами он должен так согласовать свою работу с детьми, чтобы эта работа разных лиц вела к одной цели и давала возможно более цельное и об'единенное знание.

Проф. **И. Соловьев.**

(Окончание следует).

Почему необходим и как возможен сельско-хозяйственный уклон народной школы?

При решении вопроса об организации народной школы имеет в высшей степени важное значение вопрос об ее реальной основе,—о реальной основе народного образования. Здоровая педагогическая мысль всегда реалистична. Она исходит из того положения, что жизнь творит школу, и ищет основ для школы не на облаках,—в идеалистических мечтаниях, а на земле,—в реальных условиях социальной и экономической обстановки.

В истории Западно-Европейской педагогики вопрос о реальной основе народной школы был поставлен еще первым представителем идеи народного образования,—Г. Песталоцци, и важно то, что Песталоцци, педагог, как нельзя более близко стоявший к жизни простого народа, педагог—народник, мыслит народную школу построенной на профессиональной основе. Эта мысль, в частности, проводится в педагогическом романе Песталоцци

„Лингард и Гертруда". Народная школа, построенная на профессиональной основе и приспособленная к реальным условиям общественных состояний, к реальным потребностям жизни производительных классов—вот основная тема этого романа. В своей „Лебединой песне", выставляя неоднократно положение, что „жизнь образует", — жизнь творит, Песталоцци выдвигает принцип, что „способы элементарного образования во всем их об'еме следует привести в согласие с положением и обстоятельствами каждого ребенка и потому применять их неодинаково к каждым состояниям." (§ 131)

И, как указывается во „Взглядах и опытах Песталоцци", у его метода применительно к усовершенствованию профессиональной способности ученика, имеется та особенность, что он связывает ребенка со всеми его ближайшими условиями,—связывает его с реальными неизбежными отношениями". (§ 54).

В дореволюционной Российской империи вопрос о реальной основе народной школы возникает чуть-ли не с самых первых попыток к организации народной школы. И уже, начиная с этих попыток, в течении всей истории русской педагогической мысли у лучших ее представителей, особенно у Л. Н. Толстого и С. А. Рачинского, сказывается глубокое недовольство установившеюся системою народной школы, как системою школы, не связанной с реальными потребностями народа. В самом деле, чисто литературно-словесная система образования, какая практиковалась в земских, министерских и церковно-приходских школах, едва-ли стояла в связи с реальными потребностями и реальными условиями жизни народа-пахаря. Школа с такой системой была по существу своему quasi-народною школою.

Оторванная от реальных условий жизни народа, бывшая русская народная школа не могла быть и орудием народной культуры. Нельзя, в самом деле, не согласиться с тем, что русский народ был и остается весьма отсталым в культурном отношении и эта его культурная отсталость нашла себе яркое выражение в позорных фактах голода 1891 г. и 1921 г.

И уже до революции, в частности, в связи с проявлениями народной некультурности, представителями педагогической и общественной мысли,—педагогами-теоретиками и публицистами, а также деятелями народного образования высказывалась мысль о реформе народной школы на сельско-хозяйственной основе.

Так, еще в 1881 г. С. А. Рачинский писал в своих „Заметках о сельской школе": „Основной, повсеместный промысел нашего сельского люда, наиболее нуждающийся в поднятии, наиболее страдающий от недостатка положительных знаний и умений у кормящихся им—есть земледелие. Нам

прежде всего нужны крестьянские земледельческие школы".

Опыт самого Рачинского с организацией народной школы на реальной основе земледельческого быта,—школы в с. Татеве Смоленской губ.—хорошо известен.

А вот что писал известный философ-публицист В. С. Соловьев по поводу этого опыта после катастрофы 1891 года и в связи с нею, правда подходя к не менее известной „победоносцевской" идеологии Рачинского с критической точки зрения и отвергая ее, писал собственно по поводу опыта насаждения сельско-хозяйственного образования через народную школу: „Я не педагог и не знаю, какими способами и по какой системе народная школа должна исполнить свое назначение, т. е. воспитывать образованных земледельцев, но несомненно, что ее назначение именно в этом" „(Народная беда и общественная помощь"). Неоднократно мысль о реформе народной школы на сельско-хозяйственной основе высказывалась и деятелями земств; даже делались попытки к такой реформе. *)

В теперешней Советской Федерации эта мысль о сельскохозяйственной основе народной школы встречает почти общее признание со стороны деятелей народного образования, находя для себя выражение в формуле: *народная школа в сельских местностях должна иметь сельско-хозяйственный уклон.* И это вполне понятно. Население Советской федерации в подавляющем большинстве занималось и занимается земледелием,—и в будущей системе возрождающегося мирового хозяйства, при неминуемой дифференциации отраслей мировой индустрии, Восточной Европе суждено стать земледельческой страной, если можно так выразиться, фермой мирового масштаба. Чтобы эта страна не стала „навозом для удобрения" немецкой и всякой другой какой-либо культуры, а фермеры—простыми батраками, необходимо, крайне необходимо, чтобы школа стала орудием агрикультуры.

Современный голод, охвативший Поволжье, *этот голод*, как нельзя более, настойчиво выдвигает требование реформы школы народной школы на сельско-хозяйственных началах.

И это требование сохраняет свое полное значение для Белоруссии, как страны, преимущественно земледельческой, страны, отличающейся поразительно слабым развитием фабричной промышленности и за небольшими исключениями (Минск, Бобруйск, Вильна), не имеющей крупных городских центров. Если для местностей с сильно-развитой промышленностью и для городов еще может быть принят тип индустриально-фабричной школы, если здесь народная школа может быть мыслима поставленной в тесную связь с фабричной системой, где по словам

*) См. ст. Н. Ярошевича „Сельское хоз. в народной школе" в ж. „Шк. и Культура Сов. Бел"., 1921 г., № 1—2.

К. Маркса „дан зародыш будущего воспитания, которое соединит производительный труд с обучением и гимнастикой“, то для района с преобладающим, или даже почти сплошным земледельческим населением единственно реальным типом народной школы следует признать тип сельско-хозяйственный.

Важность сельско-хозяйственного уклона Белорусской школы признана и 3 Всебелорусским С'ездом Советов при обсуждении вопроса о народном просвещении (см. резолюцию С'езда).

Но,—что значит сельско-хозяйственный уклон школы и при каких условиях он возможен?

Отвечая на этот вопрос, автор одной ненапечатанной статьи, статьи именно на тему „О сельско-хозяйственном уклоне народных школ в Белоруссии“, говорит. „Принимая во внимание, что начальное образование для большинства сельской молодежи является окончательным, необходимо во что бы то ни стало провести в жизнь вопрос о включении в программы народных школ предметов с.-х. цикла. Необходимо сделать последний и конкретный шаг—ввести преподавание сельского хозяйства в школьный обиход, сделать его таким же обязательным предметом, как география, история, или математика“.

Какое примитивное, упрощенное понимание сельско-хозяйственного уклона школы!

Суть дела совсем не во введении обязательного преподавания сельского хозяйства в школе. Подобно тому, как обязательное преподавание ручного труда еще не делает школу трудовою и мыслима трудовая школа без специальных классов ручного труда, обязательное преподавание сельского хозяйства, как особого предмета, еще не гарантирует сельско-хозяйственного уклона всей постановки школьного дела и, как мы увидим ниже, такой уклон возможно мыслить и при отсутствии в программе школы указанного предмета.

Этого мало:—когда автор говорит: „принимая во внимание, что начальное образование для большинства сельской молодежи является окончательным, необходимо... и т. д., он допускает двойную ошибку. Во первых, стоя на уровне понимания дореволюционного времени, он рассматривает начальную народную школу, как окончательную для большинства сельской молодежи, по-видимому, согласно с убеждением, что выше-начальное образование является для большинства сельской молодежи не нужной, а с точки зрения крепостической идеологии, и прямо вредной роскошью. Во вторых, автор положительно смешивает общеобразовательную сельскую школу со школою профессиональною. И то, и другое—ошибочно. Не для того народ сбросил с себя ярмо старого режима, чтобы оставаться в темноте невежества, или на

уровне начального образования. Интересы всего государства, интересы всего общества интересы культуры требуют, чтобы большинство сельской молодежи нашло пути из начальной школы к продолжению своего образования. Прежние культурные классы выродились, или вырождаются, опустились и обнищали и материально, и духовно; интелигент из дворян, духовенства и купцов сыграл свою роль, на смену ему идет интелигент нового типа крестьянин и рабочий. Как же при таких условиях возможно допустить, чтобы большинство сельской молодежи оставалось только на ступени начального образования? И если бы даже допустить, что для большинства населения общее образование будет ограничено пределами семилетки, интересы экономического возрождения настоятельно требуют организации по примеру Западной Европы широкой сети дополнительных школ профессионального типа с сокращенным курсом обучения. С другой стороны, народная школа на профессиональной основе не есть тоже, что профессиональная школа. Правда, что при постановке вопроса об индустрально-фабричном или сельско-хозяйственном уклоне школы заходит речь и о профессиональном образовании. Правда, что до-революционные идеологи воспитания, находя существовавшую тогда систему народного образования неудовлетворительной, выдвигали вопрос об организации профессиональных сельско-хозяйственных школ, в свое время и организованных департаментом и министерством земледелия (в б. Минской г.—Марьино-Горское нисшее с.-х. училище, преобразованное уже во время революции в среднее, и Озаричская нар. с.-х. школа). Также и С. А. Рачинский, говоря о необходимости крестьянских земледельческих школ, имеет в виду организацию профессиональных сельско-хозяйственных школ, „по крайней мере по одной на уезд“ („сельская школа“ стр. 116). Но сама-то Татевская школа Рачинского, хотя и назначалась им для воспитания образованных земледельцев и была построена на сельско-хозяйственной основе, вовсе не была профессиональною земледельческою школою, и по собственному признанию Рачинского соединение элементарной и технической школы является ненужным (Там же, стр. 117). Вот что опять-таки говорит о своих Нейгофском и Станцевском опытах организации элементарной школы на профессионально-практической основе Песталоцци. „Земледелие, домашнее хозяйство и ремесло не могли быть моею целью, развитие человечности было этой целью, для достижения которой я смотрел на земледелие, домашнее хозяйство и ремесло, как лишь на вспомогательное средство“. („Взгляды и опыты“ § 15). Едва-ли правильно будет смотреть на современную школу, сельскую или городскую с сельско-хозяйственным уклоном просто, как на нисшее сельско-хозяйственное училище

Между первым и вторым типом школы существует значительная разница по цели, в зависимости от чего стоит и их различная структура. Профессиональная сельско-хозяйственная школа, как школа специальная, имеет пред собою узкую и ограниченную цель, —подготовку специалистов в рамках известной профессии, в данном случае—агрономов; общеобразовательная народная школа с сельско-хозяйственным уклоном должна ставить пред собою задачу общего образования земледельцев, образования специально приспособленного к условиям их профессии и особенностям их быта. *Воспитать агрономически мыслящею поселянина*,—вот как мы могли бы определить цель этой школы. Детальнее раскрывая эту цель, мы могли бы сказать, что народная школа в земледельческой стране должна образовывать личность питомца чрез развитие в нем познаний и навыков, ценных в агрономическом, отношении, и с приспособлением методов образования к особенностям земледельческого быта.

Какие же типические особенности организации школы предполагаются выставленным положением?

Для воспитания мышления учащихся в агрономическом направлении имеет весьма важное значение требование, чтобы предметы образовательного курса имели самое близкое отношение к особенностям сельскохозяйственной жизни с ее реальными отношениями. Если в силу принципа комплексивности преподавания все проходимое в школе должно быть об'единено в своих элементах и приспособлено к одной центральной теме, то в школе с сельско - хозяйственным уклоном предметы образовательного курса могут быть об'единены одной центральной темой: сельское хозяйство. Исходный и конечный пункты преподавания в такой школе должны лежать в об'ектах и условиях непосредственно окружающей ребенка сельско-хозяйственной обстановки. Сельское хозяйство здесь не особый предмет преподавания, а *тема, которая разрабатывается на всех предметах*. Сельская природа, сельско-хозяйственная деятельность, отношения земледельческого быта и т. п. в различных вариантах должны найти себе место в каждой обучающейся группе и почти на каждом уроке.

Все это вполне естественно и понятно. Такая постановка обучения в сельской школе подсказывается и принципом психологизации элементарного образования, по которому основы этого образования должны быть взяты из данных, непосредственно окружающих ребенка. Это требование было выставлено еще Писталоцци, впервые поставившим вопрос об элементарном образовании на единстьенно правильную психологическую почву. „Естественный процесс развития наблюдательной способности“, говорит Песталоцци в своей „Лебединой песни“, „дол-

жен быть связан с истинным положением индивидуума, наблюдательность которого должна быть развита. Его влияние на развитие этой способности вполне зависит от того, в каком виде представляются . ребенку предметы среди действительной его обстановки. Искусство элементарного образования может увеличить эти явления количественно, оно может возвысить их привлекательность...,но оно должно это делать лишь в полном согласии с образом действий, которого придерживается сама природа в деле доставления ребенку предметов для наблюдения, а она при этом сообразуется с истинным и действительным положением, обстоятельствами и условиями, в которых находится ребенок, наблюдательность которого должна быть развита посредством впечатлений, производимых этими явлениями и при помощи пользования ими.

В тоже время и естественный процесс развития способности речи связан с действительным положением, обстоятельствами и условиями индивидуума, у которого способность речи должна быть развита.

Естественный процесс развития мыслительной способности в свою очередь связан с наличностью предметов для наблюдения и со степенью ясности, с которой они усвоены развивающим свое мышление индивидуумом."

„Поверхностность наших рутинных упражнений", замечает Песталоцци, „обыкновенно склоняет нас к бессмысленной болтовне о предметах, которые должны бы нас учить. Если ребенок не понимает того, что он должен учить, и все-таки должен показать, что он понимает это, то это естественно приводит к бессмысленной болтовне. Самое его учение становится обучением болтовне относительно того, чего он не понимает. Вследствие этого и болтовня об этом становится настоящим подслащиванием той скуки и тоскливости, которые по необходимости причиняют человеческой природе всякое непонятное преподавание. Психологически верно и легко объяснимо, как можно таким путем дойти до того, что в конце концов будешь с увлечением говорить о вещах, которыми пришлось заниматься до отвращения долго и с большим трудом, без всякой возможности понять, что они такое и к чему служат. („Лебединая песня", §§ 86—89).

Н. Бойков.

(Оконч. в след. кн.)

Культурная работа библиотек.

Азбучной истиной звучит, конечно положение, что 1) задачи библиотеки значительно шире простой выдачи подписчикам книг и 2) что библиотека не только тем разнится от книжного магазина, что в ней, в противоположность последнему, книги выдаются как бы на прокат, временно; задачи библиотек, конечно много шире и многограннее: в них должна вестись *культурная* работа. Виды этой работы я и хочу обрисовать. В дальнейшем изложении я буду касаться главным образом Минской Пушкинской библиотеки, единственной из местных библиотек, где в настоящее время такая работа ведется. Вот виды этой работы.

1. *Продвижение книги к читателю.* Одним из больных мест всякой библиотеки, несомненно печальным, является „стояние" некоторых авторов, спрос на которых равен почти нулю. Так напр. Шеллер-Михайлов, Салтыков-Шедрин, Огарев, „Дневник писателя" Достоевского, Державин, Ломоносов и т. д. чрезвычайно редко спрашиваются, несмотря на многие несомненные достоинства этих авторов. Конечно, причины этого „застоя" ясны, прежде всего несовременность, а иногда и язык, но с библиотечной точки зрения это факт чрезвычайно отрицательный: в библиотеке ни одна книга не должна стоять на полке без движения, хотя бы и самого слабого. Мерой борьбы с подобным застоем книги является рекомендация ее читателям. В Пушкинской библиотеке эта рекомендация ведется следующим образом: вывешивается портрет „забытого" писателя и приводятся наиболее сильные по красоте и содержанию места из сочинений данного автора; через некоторое время достаточное, однако, для того, чтобы не быть замеченным публикой, портрет заменяется портретом другого „неходкого" писателя с соответственными цитатами и т. д., пока не будут перебраны все мало ходкие сочинения. Желательны были бы, конечно, доклады о каждом таком писателе, но, к сожалению, это роскошь не по времени.

2. *Привлечение читателя к книге и помощь ему.* В основных чертах соответствует первому пункту—продвижению автора к публике, сопровождаясь иногда (в известных случаях) рекомендацией книг по известным вопросам. Для подобной рекомендации во всякой библиотеке должны иметься т. наз. „рекомендательные списки", а также указатели, перекрестные каталоги и списки (каталоги) книг по данному вопросу, имеющихся вообще на книжном рынке (каталоги издательств).

3. *Продвижение читателя к полке,* преследует чисто педагогические цели. Во первых, читатель, знакомясь с полкой, знакомится с классификацией книг, знакомится таким образом с общей системой наук, со взаимным расположением, конфигурацией и взаимоотношением научных отделов, отражающих каждый тот или иной запрос человеческого ума, ту или иную ступень человеческой культуры. Правда, мы в настоящее время не располагаем классификационной системой, которая гармонически примиряла бы практику с научностью, но принцип в библиотековедении таков, что правильная классификационная система, будучи жизненной в практическом отношении, должна быть строго научной и в теоретическом. Во вторых, продвижение читателя к полке имеет то педагогическое значение, что читатель, предоставленный самому себе, проявляет личную инициативу в выборе пособия и в этом выборе, конечно, прежде всего отражаются его индивидуальные особенности. „Я знаю, что ты читаешь и я ска-

жу, каков ты", вот что может сказать библиотекарь, внимательно наблюдающий за каким нибудь подписчиком. Статистика книг и подписчиков является могучим орудием при этом, ибо каждый, читая помимо того, что ему *нужно*, читает еще и то, что он *хочет*. *Что* он читает и *как* читает, библиотекарь может легко и точно установить при том помимо самого читателя (а это „помимо" иногда имеет очень важное значение как один из надежднейших ключей к душе человека.) К сожалению должен сказать, что продвижение читателя к полке при настоящих условиях дело почти не возможное. Люди, взбудораженные и согнанные с насиженных мест войной и революцией, еще не осели, нравы огрубели и потому, как ни стыдно сознаться, разучились обращаться с книгой (факты!) но говоря отвлеченно, такое продвижение читателя к полке есть основная культурная задача библиотекаря.

4. *Работа с детьми*. Эта работа составляет насущнейшую потребность дня. В этом отношении Пушкинская библиотека, при полном отсутствии специальных средств (даже бумаги) и при чрезвычайной скудности общих своих рессурсов, проделала большую работу. Дети сорганизованы в клуб, руководство которым находится в очень опытных руках специалистки-фребелички, с правлением из детей-же и собственным органом (журнал). Собрания клуба происходят один раз в неделю и занятия проходят по программе, заранее выработанной самими детьми. Руководительница ведет с ними беседы, но все дело поставлено так, что инициатива *всегда исходит от детей*. Клуб ставит пьесы в своей инсценировке, приготовляет самостоятельно декорации и костюмы и устраивает литературные собеседования. Летом предположены экскурсии. В журнале помещаются стихи, рисунки, иногда довольно художественные, и рассказы, произведения членов клуба. В зале детского отдела имеется доска, на которую дети записывают непонятные им слова, ответы на которые дает руководительница, затем пишут названия книг, которые они хотели бы прочесть, а также и свое мнение о прочитанной книге. Успех клуба виден из того, что *все* дети подписчики, а таковых до 500, состоят в нем членами, при чем принудительного вступления, конечно, нет.

Такова в общих чертах культурная работа в частности в Пушкинской библиотеке очерченная мною, конечно, кратко, но дающая тем не менее ясное представление о том, каким важным культурным очагом является библиотека. Суб'ективные (недостаточная квалификация большей части персонала) а равным образом, об'ективные условия, т. е. тяжелое материальное положение библиотек *с каждым днем все ухудшающееся*, не позволяют развить всей работы в должном об'еме и многое еще не делается из того, что желательно было бы сделать, а то что проводится, не имеет прочной базы под ногами в виде необходимых материальных рессурсов как-то: притока свежих и новых книжных пополнений (с мая прошлого года в библиотеки гор. Минска не поступила ни одна новая книга и ни один современный журнал), бумаги, карандашей и т. д. и т. д. Но все же можно надеяться, что раз начатое дело не остановится, а разовьется, превращая библиотеку в действительное место отдыха и верного помощника для всякого любознательного ума.

К. Гурвич.

Школьная реформа в Польско-Литовском государстве в последней четверти 18-го века.

В последней четверти XVIII столетия в истории образования в Польско-Литовском государстве наступает решительный перелом. Образование юношества из частного предприятия различных монашеских орденов становится одною из главных забот правительства и получает государственное значение. Дело реформы школьного образования началось по следующему поводу. Ко второй половине XVIII столетия иезуиты вооружили против себя почти всю Европу. 16 августа 1773 года папа Климент XIV издал буллу об уничтожении ордена во всех европейских государствах.[1]

Был положен конец существованию ордена иезуитов и в Польско-Литовском государстве, где после иезуитов осталось огромное наследство в виде богатых монастырей, обширных земельных фундушей и роскошных благоустроенных школьных зданий. Уничтожение иезуитского ордена совпало с крупными политическими событиями в Польше. В это время Польша потеряла несколько своих воеводств, прилегавших к Пруссии, Австрии и России, по первому разделу Польши. Этому разделу Польши нужно было придать хотя бы внешний вид добровольной уступки захваченных земель, почему был назначен в мае (17) месяце 1773 года сейм (продолжавшийся до марта месяца 1775 года), который должен был войти в переговоры с представителями трех держав и подписать уступку фактически уже потерянных польских земель.

На этом же сейме (по предложению литовского подканцлера Иоахима Хрептовича) было решено обратить многочисленные иезуитские имения в специальный фонд, предназначенный для образования и воспитания юношества. Для того, чтобы надлежащим и более правильным образом уладить распределение поиезуитских имений, сеймом 1773—5 годов было учреждено несколько комиссий: 1) раздавательные комиссии (kommissya rozdawnicza)[2] 2) судебная, для разрешения возможных судебных процессов на почве распределений поиезуитских имений и 3) эдукационная комиссия для заведывания школьным образованием и воспитанием. Безусловно, важнейшим учреждением сейма 1773—5 годов была эдукационная комиссия. Это было первое в Европе Министерство Народного Просвещения. Комиссия по идее ее учреждения должна была ведать всем учебно-воспитательным делом в Польско-Литовском государстве.

Непосредственно после учреждения этих комиссий назначенные сеймом люстраторы отправились по всем иезуитским монастырям Короны и Литвы для ликвидации иезуитского имущества.

Обычно церковное здание бывшего иезуитского монастыря передавалось местному римско-католическому епископу, а все имущество: инвентарь и земельные угодья переходили в распоряжение эдукационной комиссии. Существовавшие при этих монастырях школы на время (до преобразования их по уставу эдукационной комиссии) оставлялись в прежнем виде, при них оставались префекты и потребное число учителей.

Дальнейший ход ликвидации иезуитского имущества состоял в

---

[1]) Булла „Dominus ac Redemptor noster"...... Достойно внимания, что папа в этой булле советует имущество уничтоженного ордена употребить на развитие народного образования.

[2]) Сеймом были учреждены 2 раздавательные комиссии: для Польши и Литвы.

следующем. Раздавательная комиссия не вполне добросовестно отнеслась к своему делу, допустив злоупотребления в распределении иезуитских имений[1]). В целях устранения этих злоупотреблений на сейме 1776 года были уничтожены раздавательные и судебная комиссии и полное распоряжение поиезуитским имуществом было предоставлено эдукационной комиссии. —„Учреждаем", говорилось на этом сейме, „в Варшаве комиссии для воспитания шляхетской молодежи под покровительством его королевского величества... С настоящего времени все академии, гимназии, академические колонии и все публичные училища, не исключая ни одного, как равно и все меры, направленные к усовершенствованию наук и образованию шляхетской молодежи, передаем в распоряжение комиссии"[2]) И действительно, очень скоро доходы комиссии возросли до 2.311.000 злотых, тогда как раньше они были определены люстраторами в размере 300.000 злотых.[3]) Разница, как видим, весьма значительная! Вскоре же в эдукационную комиссию разные лица стали подавать письменные доклады о том, что необходимо немедленное и коренное преобразование учебных заведений в Польско-Литовском государстве. Вместе с этим предлагались и проэкты этих преобразований. Из всех проэктов подобного рода выделяется один, поданный в 1774 г. монахом—пиаром Поплавским[4]).

Автор—бывший учитель и префект пиарских школ в Варшаве, —лицо причастное к педагогическому делу, высказывает оригинальные и новые для того времени мысли. Воспитание, говорит Поплавский, должно быть, как можно более, естественным и должно основываться на изучении „естества", т.-е. естественных наук, математики, науки о праве натуры и о естественной нравственности. Греческий язык должен считаться совершенно излишним, а латинский может быть полезным постольку, поскольку дает возможность приобретать некоторые полезные сведения у древних классических авторов. Необходимо возможно большее моральное руководство воспитанниками. Прежний язык преподавания — латинский, непременно должен быть заменен польским. Все направление школьного образования должно иметь в виду благо отечества. Эти педагогические идеи Поплавский прилагает ко всем типам учебных заведений.

Характерна заключительная часть проэкта Поплавского, в которой он обращается к польскому народу. Указав на господствовавшие в то время безпорядки на сеймах, несправедливость в судах, неисполнительность высшего правительства и чиновников, своеволие шляхты и другие ненормальности государственной жизни Польши,

---

1) Напр., председатель Литовской раздавательной комиссии епископ Игнатий Масальский особенно беззастенчиво распоряжался иезуитскими имениями в свою пользу. Большую часть поиезуитского имущества он раздал своим родственникам. При этом поиезуитские имения оценивались очень дешево. В результате получилось крайнее падение школьного дела. Эдукационная комиссия не имела достаточно средств, учителя оставались без жалованья. Школьные здания разрушались (Lukaszewicz, Historya szkol..., t. II, p. 248.

2) Lukaszewicz, op. cit, t. II, p. 245 et squ: Костомаров (последние годы Речи Посп., стр. 96—97) Эта комиссия постоянно должна была находиться в Варшаве и состояла из 8 лиц: виленского епископа Масальского (председатель), Плоцкого еп. кн. Понятовского, Гнезненского воеводы Сулковского, литовского подканцлера Хрептовича, литовского писаря Игнатия Вотоцкого, генерала подольских земель кн. Адама Чарторыйского, ордината Андрея Замойского и старосты коназицкого Потоцкого.

3) Костомаров, соч. стр. 92—97.

4) „O rosporządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi obywatelskiej. Rrojekt, podany kommissyi edukacyi w marcie 1774 r. Проэкт этот был напечатан в Варшаве в 1775 году и занимает 184 стр. (Кружановский. Учебные заведения в русских областях Польши, в период ее разделов, Киевская Старина, 1882 года, февраль, стр. 269.)

автор затем спрашивает: где источник такого упадка? Ответ может быть только один. Следствие имеет известную причину, и плод всегда выростает из семени. Все эти потери и страшные последствия произошли, говорит Поплавский, от пороков во всем строе нашего общественного управления. Естественно, прежде всего должно стараться исправить то, что является главным источником зла. „Ты, несчастный народ, согрешил установлением дурного управления, ты и страдаешь от него; устройством же надлежащего управления ты поднимешь свое благополучие и станешь высоко счастливым. К этому же ничто не приведет тебя так верно и успешно, как надлежащее народное образование и воспитание".

Проэкт Поплавского в кратких, но выразительных словах показывает характер и все направление дальнейшего реформированного образования в Польше. По своему характеру новое образование навсегда и безповоротно должно было отказаться от прежнего схоластицизма и получить жизненное практическое значение. По направлению оно должно было стать национальным, должно было дать государству преданных граждан. Таким образом политика и школа оказывались тесно связанными между собою. Этот проэкт Поплавского, очевидно, произвел большое впечатление на общество и достиг того, на что был расчитан. При дальнейшем обозрении внутреннего строя школ польско-литовского государства, состоявших в ведении эдукационной комиссии, мы увидим, что идеи Поплавского в значительной степени были усвоены школьными реформаторами.

Пока должны были подготовляться наставники в подведомственные эдукационной комиссии школы, учителями в них предполагалось оставить попрежнему монахов: экс-иезуитов, пиаров и базиман. Но при новом положении вещей над школами в Польско-Литовском государстве был учрежден тщательный правительственный надзор. Для этого, в 1780 году, в школьном отношении Польша была разделена на две провинции (коронную и литовскую) и 10 отделов (округов)[1]: великопольский, малопольский, мазовецкий, полесский, литовский, украинский, волынский, жмудский, русский, и пиарский[2]) В каждом округе была учреждена одна главная школа (szkoła wydziałowa) из 6 классов с семигодичным курсом[3]) и несколько подокружных школ (szkoły podwydziałowe)[4]) Главною школою в Литовской провинции была Виленская Академия, а в Польской—Краковская.

Для более правильной постановки учебно-воспитательного дела в школах Польско-Литовского государства эдукационная комиссия занялась выработкой одного общего для всех школ устава. При участии лучших педагогических сил того времени (Колонтая и Пирамовича) в 1781 году был составлен проэкт этого устава и разослан по всем школам для опроса педагогов на местах относительно пригодности его. Затем, когда были собраны отзывы об этом проэкте устава, применительно к ним, в мае месяце 1783 года был выработан, утвержден, и введен в действие новый школьный устав.[5])

В это же время, согласно новому уставу, эдукационная комиссия предполагает завести школы для про-

---

[1]) Indulgentiae, brevia, decreta... p. II, pag 63 et sqn.

[2]) В заведывании у последнего находились все школы пиарского ордена.

[3]) Для 5-го класса обычно назначалось два года.

[4]) Соответствующие нашим прежним уездным училищам. Оне состояли из трех или более классов.

[5]) По смыслу этого устава все учебные заведения провинции были подчинены главной школе (Виленской или Краковской академии).

стого народа по приходам.[1]) Сообразно с изменившимся взглядом на значение школьного образования, как средства к воспитанию просвещенных и полезных граждан для государства, эдукационная комиссия произвела реформу в составе преподаваемых предметов. Оставив в общей школьной программе гуманитарное и классическое образование, комиссия ввела новые науки: естествоведение, физику, садоводство и земледелие. В школах должно было обращаться внимание и на физическое развитие учащихся; для этого рекомендовались прогулки и физические упражнения.

Новый школьный устав отразился и на положении белорусских униатских школ, находившихся главным образом в ведении монахов—базилиан. После изгнания иезуитов базилиане остались без главных своих конкурентов на педагогическом поприще. Как и следовало ожидать, у них явилась мысль заменить для Польши изгнанных иезуитов. Без сомнения, базилиане не могли мечтать (по крайней мере на первых порах) покрыть всю Польшу сетью своих школ, так как у них не хватило бы для этого научных средств, затем, на ряду с базилианскими школами в Польско-Литовском государстве существовали хорошо организованные школы доминиканские и пиарские. Да и в оставленных иезуитами коллегиях продолжали обучение экс—иезуиты. Базилиане могли мечтать лишь о более широкой просветительной деятельности в Литве и русских областях Польско-Литовского государства, т. е. в части Белоруссии и Украины. Поэтому вскоре же после изгнания иезуитов базилиане в 1774 году через двоих своих уполномоченных (Илария Комарницкого и Пасхазия Лещинского) обратились к королю с просьбою уступить им некоторые поезуитские здания. В свою очередь базилиане обязывались принять на себя воспитание польского юношества, что прежде преимущественно исполняли иезуиты. Базилиане ссылались на некоторую свою педагогическую опытность и заслуги в области просвещения западно-русского юношества. У них уже были свои школы, где училась светская молодежь: Жировицкая, Владимирская коллегия, Бучачская школа, Гощанская коллегия, Сверженская семинария, Любарская школа, Шаргородская, Уманская, Борунская, Якобштадская. Во всех этих школах было достаточное количество учащихся. Некоторые из них имели 500 учеников (Владимиро-Волынская) и только в гощанской коллегии обучалось 100 воспитанников. Базилиане, заявили, что они „вполне могут учить и исполнять те обязанности, которые исполняли и отцы иезуиты, если милость его королевского величества и пресветлых станов дозволит им навсегда перейти из своих монастырей, находящихся в тех местах или вблизи их, с фундушами и с назначением только содержания для профессоров в коллегии. Именно базилиане просят разрешить им перейти в литовской провинции: из монастыря Брестского в коллегиум Брестский, из монастыря Минского в коллегиум Минский, из монастыря Новогрудского в коллегиум Новогрудский, из монастыря Гродненского в коллегиум Гродненский, из монастыря Пинского в коллегиум Пинский; в коронной провинции: из монастыря Семенецкого в коллегиум Барский (на Подоле): из монастыря Каменецкого на Подоле в коллегиум Каменецкий, из монастыря Луцкого на Волыни в коллегиум Луцкий, из монастыря Овручского (в киевском воеводстве) в коллегиум Овручский из монастыря Трипурского (в киевском воеводстве) в коллегиум Житомирский, из монастыря Любельского в коллегиум Любельский. Базилиане-профессора могут быть присланы в Винницкий коллегиум (Брацлавского воеводства), если по милости

---

[1]) О деятельности эдукационной комиссии в первые годы ея существования см. у Лукашевича (Historija szkol, t. II).

его королевского величества и пресветлых станов будет назначено необходимое содержание каждому лицу, нужному для того места, и если дозволено будет отыскивать давний фундуш базилианский, бывший прежде в Виннице. Точно также могут быть присланы базилиане в Острожский коллегиум на Волыни, если согласно фундации, данной князьями Острожскими базилианам и потом поступившей в собственность отцов иезуитов, будет отдано ордену имение Сураж с принадлежностями.

Кроме того, в Литовской провинции базилиане обязывались содержать школы (без перехода в поиезуитские монастыри и коллегиумы) в следующих местах: в Антополе (Брестского воеводства), в г. Вильне, в Свержани (Новогрудского воеводства), в Череи (Оршанского повета, по ту сторону кордона), в Казимире (Речицкого повета) и в Ушаче (Полоцкого воеводства). В заключение базилиане просили разрешения перенести их коллегию воВладимире из собственного здания в поиезуитский Владимирский коллегиум[1]).

Но просьба базилиан оказалась несвоевременной, так как учрежденная правительством для ведения школьным образованием и воспитанием эдукационная комиссия недумала закрыватьсуществовавшие иезуитские коллегии. Комиссия подчинила эти коллегии своему надзору точно так же, как и школы базилианские.

Были и другия причины того, что базилианам эдакуционною комиссией переданы были не все просимые ими поиезуитские школьные и монастырские здания. Базилиане встретили некоторое противодействие со стороны лиц, стоявших близко к новому школьному правительству и школьному делу. Среди польского общества того времени высказывались суждения, неблагоприятные для униатов. Первый раздел Польши вооружил против России поляков. Не только православные подданные Польско-Литовского государства, открыто искавшие помощи и защиты у единоверной России от религиозных преследований, но и униаты стали возбуждать к себе недоверие и опасение в возможности измены. Не избежали подобной участи и базилиане—эти достойные подданные польского правительства. Весьма характерное суждение по поводу известного нам ходатайства базилиан о передаче в их ведение поиезуитских коллегий и монастырей в областях Польши с русским населением принадлежит генеральному визитатотору, ревизовавшему в 1774 году школы в коронной Польше, и представлено было им повидимому, в том же году в эдукационную комиссию вместе с отчетами своей ревизии. Этот визитатор писал следующее: „Пока живы экс-иезуиты, школы, (бывшия иезуитския) могут продолжать свое существование, но когда этих наставников не станет, школьное дело будет клониться в них к упадку. Кажется будет полезным в известной мере, если некоторые поиезуитские костелы и коллегии придется отдать базилианам, которые так же, как и пиары, способны к преподавательской деятельности. Базилиане, обитая в этих монастырях, могли бы уделять некоторое, хотя бы и незначительное, денежное пособие школьным учителям. Но что могло бы быть полезным в воеводствах люблинском, краковском и других, то может принести некоторый вред в других воеводствах; русском, подольском, волынском и, особенно, киевском и брацлавском—вследствие преобладания там греческого обряда и близости русских границ. Посему представляется более безопасным, чтобы в тех воеводствах, где есть много русского населения, костелы и школы находились в ведении духовенства латинского обряда. Когда не станет экс—иезуитов, и будет

---

[1]) Н. Петров. Очерк истории базилианского ордена (труды Киевской духовной академии 1871 г., III, стр. 155—156).

трудно достать других искусных учителей, то в эти школы должно будет назначить достойных и способных учителей из разных монашеских орденов, но ректорами в эти школы должно назначить лиц из белого духовенства (латинского обряда). При таких условиях в школах этих наставниками могли бы быть и базилиане".[1]

Однако, комиссия нашла возможным отчасти исполнить просьбу базилиан, и они получили в разные времена несколько поиезуитских зданий и школьных фундушей[2]) В 1781 году к базилианам перешел барский поиезуитский коллегиум,[3]) в 1783 году Овручские поиезуитские школьные здания;[4]) около этого же времени базилианам был передан и острожский поиезуитский монастырь;[5]) в 1786 году базилиане получили Владимирские поиезуитские здания.[6])

Эдукационная комиссия побуждала базилиан открывать и новые школы для светского юношества. Так, например, не без влияния Эдукационной комиссии были учреждены школы в Березвече (в 1773 г.), в Каневе (около 1783 г.) и др. Как подчиненные эдукационной комиссии, базилианские школы, естественно, должны были организовать свою жизнь по уставу, выработанному этою комиссией для школ Польско-Литовского государства. Все базилианские светские школы были преобразованы в трехклассные, четырехклассные, пятиклассные или шестиклассные училища. Соответственно этому в них проходилась и учебная программа В конце XVIII века количество шестиклассных школ достигло до 14, а именно: Барская, Любарская, Уманская, Качевская, Острожская, Овручская, Шаргородская, 1) Владимирская, Полоцкая, Витебская, Пустынская, 2) Жировицкая, 3) Березвечская и Борунская 4).

(*Продолжение следует*)

А. Савич.

[1]) Архив Минист. Нар. Просв. Карт. 888. Дело № 35156, стр. 27. Ярым противником передачи базилианам поиезуитских школ был и генеральный школьный визитатор в 1782 г., участник школьных реформ кс. Головчиц (Арх. Мин. Нар. Просв. Карт. 888. Дело № 35157, стр. 20—22)

[2]) Lukaszewicz, op. cit. t II, p. 166 et sgu

[3]) Сборник материалов для истории просвещения в России, т. I. стр. 801—803. ср. 674 стр.

[4]) Архив. Униатских митрополитов кн. IV, № 211, артикул 34, лист 265 об. и 266.

[5]) Н. Петров, (Труды Киевской дух. акад. 1871 г., стр. 156

[6]) Lukaszewicz, t IV, p. 273—274.

Из литературы по вопросам педагогики.

А. Г. Калашников. Наука и школа для труда. Москва 1921 г. 76 стр.

А. Г. Калашников—один из немногих педагогических писателей революционного периода по общим вопросам педагогики, писатель, отличающийся тонким пониманием проблем, стоящих перед современной школой. В своей небольшой брошюрке под заглавием „Наука и школа для труда" он ставит вопрос о сущности новой школы, которая должна соответствовать социальным потребностям момента. Говоря про основной нерв современного школьного строительства, автор отмечает: „Современное производство имеет основную тенденцию своего развития в направлении к возможно более глубокой его индустриализации: индустриализм является залогом культуры будущего, и

основной предпосылкой прогресса общества в настоящем; индустриализм или политехника, современного производства—*это есть общеобразовательная база* школа социалистического общества" (стр. 23).

При каких же условиях осуществима новая организация школы?

Среди других факторов строительства школы А. Г. Калашников справедливо придает особенное значение личности педагога.

В противоположность учителю старой школы, роль которого зачастую сводилась к простому умению сообщать ученикам ранее усвоенные им сведения, педагог новой школы должен быть „организатором школьного коллектива, руководителем групповых занятий и при том высоко знающим человеком" (стр. 24).

Для него весьма важно, специализировавшись в определенной области научного метода, работать в отрясли труда, представляющей приложение этого метода. „*Не быть рабом книги*",—вот весьма важное требование для учителя. Вместе с тем важно, чтобы он имел общее трудовое миросозерцание и, не замыкаясь в своей специальности, мог установить связь с другими специалистами (стр. 27 и сл.)

Др. мед. Мария Монтессори. Дом ребенка. Метод научной педагогики, применяемый к детскому воспитанию в доме ребенка. Пер. со 2-го итал., испр. и доп. издания. Со многими рисунками и таблицами. С предисловием П. М. Соловьева. Изд. 4-е Москва 1920 VIII+209.

Вопрос об организации дошкольного воспитания,—вопрос об общем методе, и учреждениях этого воспитания можно признать и теперь еще злободневным и в значительной степени нерешенным вопросом не только для Восточной, но и для Западной Европы. В частности, в Советской федерации, в связи с переустройством общества на социалистических началах и особенно усилившимся в революционный период интересом к педагогическому делу, проблема дошкольного воспитания выступила на передний план. Но именно про Советскую то федерацию в отношении к вопросу о дошкольном воспитании можно сказать, что „воз и ныне там". Практика дошкольного воспитания далеко не блещет своим совершенством, находясь в руках почти что неподготовленных руководительниц, учреждений для дошкольного воспитания, детских садов и очагов, весьма мало. Хромает и теория: За время революции не издано ничего сколько-нибудь значительного в этой области.

Видно, русская педагогическая мысль еще не созрела для самостоятельного теоретического, по крайней мере, рассмотрения дошкольной проблемы. Вот почему приходится и в революционную эпоху переиздавать переводные произведения заграничных авторов.

Книга М. Монтессори переиздается уже 4-й раз. Это об'ясняется несомненно особенностями книги. А главная особенность книги М. Монтессори состоит в том, что ею сказано, в известном смысле, „новое слово" в области педагогики. В настоящее время, Фребелю обыкновенно противопоставляется М. Монтессори и „фребельская" практика детского сада сменяется „монтессориевской".

Идеи М. Монтессори, как отмечается в предисловии к 4-му изданию, интересны с двух точек зрения —*социальной*, во первых, и чисто-научной, *методической*, во вторых.

Опыт Монтессори был применен впервые при организации „домов ребенка" для детей рабочих. Casa dei Rambini, открытая сначала 6 января 1907 г. в Риме на vie dei Masi, а через несколько месяцев в квартале Сан-Лоренцо и одном из рабочих кварталов, это — детский сад нового типа, представляющий „школу внутри дома". „Многим последователям Монтессори ее дело представляется именно в таком социально - реформаторском смысле, как длительная педагогическая работа с детьми пролетариата".

Но труд Монтессори есть вместе

с тем и научно-педагогическое исследование.

„Новое слово" Монтессори в методическом отношении сводится к утверждению той мысли, что путь к воспитанию нормального ребенка идет от приемов, применяемых при воспитании детей идиотов и слабоумных. Этот путь — укрепление и изощренное развитие у детей органов внешних ощущений.

Новизна педагогических идей Монтессори в свое время привлекла к ее книге напряженное внимание, но эта новизна уже сама по себе должна была послужить причиной споров. О Монтессори на Западе уже выросла порядочная литература. Голоса западно-европейских педагогов разделились: нет согласия в вопросе о Монтессори и среди русских педагогов; напр. Ю. Фаусек восторгается учреждениями Монтессори, а Тихеева вынесла от них отрицательное отношение.

Несомненно одно: в методе Монтессори есть не мало ценного, но есть немало и спорного.

Педагогу, который пожелал бы познакомиться с идеями Монтессори, можно порекомендовать со вниманием прочесть предисловие И. М. Соловьева.

„Читатель сам убедится", пишет он „как много остроумных и проникающих в душу ребенка приемов ею придумано для пробуждения сенсорных и моторных сил детей и какая радость замечается в детях, когда они непосредственно сознают в себе новую душевную полноту, когда с каждой новой работой они сами превращаются в творцов экспериментаторов, проникающих в неизведанные области своего душевного мира и мира внешнего...

Но при детальном рассмотрении всех приемов, применяемых Монтессори в целях более интенсивного изощрения детской восприимчивости возникает главный принципиальный вопрос: не может ли быть тут и опасной стороны? Желательна ли вообще и нужна эта искусственная упражняемость органов восприятия? Для детей *отсталых*, *слабо одаренных* действительно необходимы подобные приемы, но ребенок нормальный, а тем более способный, талантливый нуждается в них гораздо менее. Для детей с пониженным слухом, быть может, и будут полезны эти „уроки тишины", которым придает такое большое значение наш автор, но нужны ли они для ребенка с нормальным слухом?

Вместо разумной, естественной педагогики не получается-ли здесь исскуственной дрессировки? Повторяем: рискованно переносить методы, примемяемые при воспитании детей ненормальных, отсталых к детям развивающимся нормально."

С подобным же вопросом к методе Монтессори приходит и С. А. Левитян в своей вышедшей в революционную эпоху брошюре: „Педагогические идеи Гербарта и Монтессори" (Дрессировка детской души.)

Современное педагогическое сознание как-то ни мирится с насильственным околачиванием—дрессировкой живого и подвижного детского возраста.

4 е издание книги Монтессори по примеру прежних изданий вышло со многими рисунками, но, видимо, вследствие падения техники, рисунки с технической стороны очень слабы.

Н. Ф. Золотницкий. Живая природа в школе Г. И. Москва 1920. Пособие с производству наблюдений над живой природой в школе и дома. С 100 рис. Изд. 2 е 219 стр. Естествознание в современной школе по справедливости признается центральным предметом. Именно познание природы должно быть положено в основу при выработке миросозерцания и научных методических навыков детворы и молодежи. В частности, на уроках природоведения полагается начало для развития навыка наблюдения у ребенка, будущего самостоятельного исследователя природы.

Но для того, чтобы природоведение действительно достигало своей цели, необходимо, чтобы оно преподавалось наглядно, а учени-

ки упражнялись в практике наблюдения.

Между тем, в этом отношении дело обстоит не всегда удовлетворительно.

„Преподавая природоведение в школе, говорит Н. Ф. Золотницкий, в предисловии к своей книге в ее первом издании, „нередко находишься в затруднении, как бы пояснить читаемое живыми примерами и что бы такое предложить ученикам, что бы побудить их заняться и заинтересоваться наблюдениями. Особенно это часто случается с преподавателями, которые недостаточно знакомы с аквариумами, вивариумами и комнатным цветоводством практически".

Некоторые преподаватели так и не могут найти выхода из этого затруднения и очень часто преподавание природоведения, интереснейшего предмета в курсе школы первой ступени, сводится к сухому иногда и безжизненному рассказу учителя и зубрежке по учебнику.

„Между тем", замечается в книге, „примеров и наблюдений можно найти всегда очень много и стоит только начать, как они сами собой будут напрашиваться".

Такие примеры и темы для наблюдений и собраны в книге—сборнике статей.

Собранные в книге статьи первоначально были написаны с целью возбудить интерес к наблюдениям природы и занятию аквариумом и цветоводством среди любителей и, насколько известно автору, выполнили свое назначение. (Спец. изд. „Аквариум любителя.)"

Еще выпуская книгу первым изданием, автор высказывал надежду, что его очерки посодействуют в немейьшей мере той же цели и в школьной среде.

Предположения автора относительно пригодности и интереса его очерков для школы и дома, как отмечается в предисловии ко 2-му изданию, вполне оправдались. 1-е издание, несмотря на тяжелое переживаемое нами время, разошлось так быстро, как трудно было ожидать. Вот почему явилось второе издание. Оно значительно пополнено. Включены 4 совершенно новых очерка: „Проявление начатков чувств и сообразительности у инфузорий", „Жизнь под льдом", „Мышь малютка" и „Цветущие ветви зимой", а также некоторые очерки изменены.

В книге Н. Ф. Золотницкого собрано всего 56 статей, в которых затронуты целые сотни отдельных тем для наблюдений.

Значительная часть статей (24 №№) посвящена аквариуму, та же тема затрагивается и в статье, служащей введением „Аквариум, как летнее занятие для учеников и подростков".

В своей статье „Что делать в школе с аквариумом"? автор совершенно справедливо отмечает особенное значение для школы устройства аквариумов.

„Природоведение для основательного усвоения учениками преподаваемых в нем об'ектов требует живого материала, и при том не спустя долгое время после об'яснения его на уроке, а в тот же момент, когда идет о нем речь. Тогда только урок и может возбудить к себе интерес, тогда только и можно надеяться, что он будет усвоен, а не зазубрен.

Но для нашей школы, особенно северной, постоянное получение такого материала немыслимо. Откуда его взять, когда у нас едва два учебных месяца бывает в теплое время года, а остальные приходят среди холодов зимы, когда весь животный и растительный мир погружен в спячку и закован в лед.

Еще в лучшем положении находится растительный мир. Тут может придти на помощь теплица, могут помочь и комнатные растения. Но где взять живых животных? И вот приходится чертить, рисовать на доске, а необладающим даром рисованья и прямо таки только довольствоваться демонстрацией помещенных в книге рисунков.

А между тем, чего проще устроить аквариум"?..

И действительно, из предыдущей статьи можно видеть, что устроить

незамысловатые примитивные аквариумы черезчур просто. Стоит только взять небольшие банки от варенья и высокие стаканчики, которые ставят зимой между рамами,—банки и стаканчики, стоющие не более 10—15 коп. штука!

И сколько ценного образовательного материала даст хотя бы такой незамысловатый аквариум!

Что, кажется, представляет собой какая-нибудь капля воды, одна капля, а между тем вглядитесь в нее в микроскоп, и вашим взорам откроется целый мир, мир существ, которые также живут, питаются, плодятся и даже борются за существование, как и мы, как и весь видимый окружающий нас животный и растительный мир.

Вот перед вами в одной капле воды едва различимый простым глазом кусочек, обломочек растения. Всмотритесь, что вокруг него происходит.

Он весь облеплен мельчайшими живыми существами, которые снуют и туда, и сюда, сталкиваются, и расталкиваются, то кружатся, как в водовороте, то приплывают, то уплывают... (стр. 77).

Это один только пример из сборника (статья „Капля воды"), а в нем целый ряд других подобных же примеров,—красочных и поучительных!

Кроме аквариума большую помощь при преподавании естествознания оказывают террариум, вивариум и инсектариум.

Вопросу о них посвящена вторая часть книги. Здесь дан материал на такие темы: „Древесницы в террариуме", „Ящерицы в неволе", Еж в неволе", „Белка", „Мышь-малютка" „Как узнают время животные". В специальной статье автор останавливается на значении в школьной жизни инсектариумов.

„Есть не мало педагогов", пишет он которые считают коллекционирование насекомых детьми очень полезным, но мне представляется, что для детей это-просто жестокая забава. Вот почему мне казалось бы, что и целесообразнее, и во много раз интереснеее было бы, если бы ученики занимались не просто ловлей и жестоким насаживанием животных на булавка, а поймав их, помещали бы в террариумы—вивариумы и наблюдали бы за их жизнью, превращением, кладкой яичек,—вообще уходом за этими животными.

Совершенно прав в этом отношении автор!

Кроме чисто моральных соображений здесь играет роль и практическая польза наблюдений живых насекомых,—особенно, вредных, каковы напр. саранча, бабочка - монашенка, комар - анофелес.

Где же практичнее и полезнее устроить такого рода вивариумы, как не в школе, где ознакомившиеся с вредным насекомым ученики могут сделаться его истребителями не только во время пребывания в ней, но и по ее окончании?

Как же устроить, спрашивает автор в статье „Инсектариумы и их устройство", помещение для насекомых? Устроить, отвечает он, очень просто. Надо сделать такой ящик, длина которого может быть различна, смотря по желанию и затрачиваемым на него средствам, но ширина не более $1^1/_2$ и даже 1 аршина. Задняя стенка этого ящика должна быть деревянной и украшена, смотря по надобности, растениями или туфом, боковые же должны быть сделаны из тонкой проволочной сети; а передняя из стекла. Крыша может быть тоже стеклянная, или же проволочная. Наконец, дно может быть сделано из жести, из кирпича или даже просто из дерева.

Таков остов вивариума, для каждого же вида насекомых в нем можно сделать некоторые также довольно незамысловатые приспособления.

Так, напр., для бабочек на дно нужно положить земли, засеяв ее мелкой травой, лучше всего тимофеевкой, для стрекоз на дне надо устроить при помощи большого подоконника или противня нечто в роде болотца, пустив в него плавать водяные растения и обсадив кругом осоками, тростником, или вообще

водяными растениями, для ос задняя стенка виварнума должна быть сделана из старых досок, покрывающие волокна которых легко отделялись бы; из них они будут строить гнезда; для устройства формикария, т. е. жилища для муравьев, необходимо посадить в глубине елочку, или другое какое-либо хвойное деревцо, а на дно переместить небольшой муравейничек, только целиком, выкопав его возможно глубже...

Как видится, устроить все это очень просто,—была бы лишь охота! Разумеется, что и тем для наблюдения в виварнуме не придется искать с большим трудом.

В книге рассмотрены такие темы: „Жизнь муравьев в неволе", „Палочники и их содержание", „Моя медведка", „Выкормка шелковичных червей", „Школьный улей," „Коечто о корме насекомых".

Последняя, третья часть книги посвящена вопросу о комнатных растениях.

Комнатные растения, зеленеющие а иногда и цветущие и зимою, вовремя вьюг и морозов, могут и украсить классную комнату, и дать материал для полезных уроков. Таковы в частности луковичные ратения, на что обращается внимание в книге.

Кроме того, с растениями можно произвести ряд интересных опытов. Таков напр, опыт с цветущими ветвями зимой, или с выгонкой сирени зимой.

„Ничто так не красит комнаты, не придает ей уюта, как букеты цветов или цветущих ветвей - особенно зимою, когда на дороге снег, морозы, вьюга, а в домах благодаря отоплению разлита приятная теплота. Цветы в это время, конечно нетрудно приобрести в любом цветочном магазине, но куда как приятнее вывести самому цветущие ветви. А сделать это очень легко.

Такими ветвями могут служить прежде всего ветви орешника, ивы, вербы, сирени, черемухи, вишни, ракитника и т. п.

В конце января их надо срезать (не ломать) и, опустив в вазу, банку или даже бутылку с водой в теплой комнате, а еще лучше в кухне, менять эту воду через каждый два—три дня, самые же ветви ежедневно спрыскивать.

При перемене воды следует брать ее конечно, комнатной температуры. Тогда ветви начнут быстро развиваться и через месяц, много шесть недель, покроются цветами". (стр 200)

Не так уже трудно вырастить и сирень зимою.

Интересны также опыты с воскресающими растениями, каковы иерихонская роза, астерискус, селагинелла.

А вот еще опыт:

„Вероятно, не раз многим из нас приходилось видеть за последнее время, что пасхальные яйца подавались на стол не прямо на блюдце или в корзиночке, как это делалось прежде, а в корзинке, поросшей свежей зеленой травкой, что выглядит очень красиво.

Это делается очень просто. Берется противень, или даже деревянный ящичек и кладется на дно их тонкий слой земли и сеется овес. Посев ставится на светлое окно и по временам поливается. Семена быстро выходят и через два—три дня у вас получается очень хорошенькая, вся покрытая зеленью, посудинка" (стр. 217).

Это—опыт из серии опытов с интересными весенними культурами,—посевом быстро всходящих семян,—овса, ржи, садового кресса льна ит.п. В книге приводится ряд и других интересных подобных же опытов.

Таким образом, заканчивает Золотницкий свою книгу, „мы имеем целый ряд опытов, которые можно легко проделать во всякой школе и получить крайне любопытные и занимательные результаты". (стр. 219).

Несомненно, что изданием своей книги автор оказал большую услугу преподавателям природоведения,—и вообще учителям новой школы.

Желательно, чтобы книга получила самое широкое распространение и применение в школе и при домашнем обучении.

Н. Б.

Новые работы по истории Белоруссии.

(Окончание).

Историческими судьбами Белоруссии в эпоху после разделов Польши занимался в последнее время и покойный *П. Н. Жукович*, работа которого затрагивает те же вопросы и проблемы, которых касался Мосцицкий в вышеназванной*) работе, но с той лишь разницей, что исследования П. Н. Жуковича основаны на архивном материале большой ценности и важности. Работа П. Н. Жуковича, можно сказать, насыщена фактическим материалом, который, видимо подавлял самого автора, впервые прикоснувшегося к историческим вопросам более позднего времени и при том выходящим за пределы прежних монографических работ автора, которые все были посвящены вопросам духовной культуре на Литве и Белоруссии.

Статьи автора под заглавием „Западная Россия в царствование Павла I“, стали появляться на страницах „Журнала Министерства Нар. Просв.“, начиная с июля 1916 г. В предыдущие годы на страницах того же журнала появились очерки, посвященные той же эпохе, но только в царствование Екатерины II. Исследование П. Н. Жуковича затрагивает вопросы, которые уже обсуждались в нашей исторической литературе, но только не на основании архивного материала, при чем все исторические рассуждения преломлялись сквозь призму определенного политического мировоззрения, служившего часто препятствием к правильному уразумению характера и существа изучаемых исторических явлений. Работа П. Н. Жуковича, написанная на основании архивных материалов Сената и Государственного Совета, в высокой степени документальна, и, при наличии у автора определенной русской политической ориентации, она не затушевывает и не очерняет никаких жизненных явлений, касающихся прежней Речи Посполитой и, в особенности, руководящего класса—шляхты. В своих статьях П. Н. Жукович касается административных распоряжений Павла I, положения дворянства, к которому Павел I, проявлял благосклонное отношение, выразившееся в возвращении секвестрованных имений и пожалований не только на территории Западной России т. е. Украины, Литвы и Белоруссии, но и Великороссии. Новые русские помещики, у которых земли были отняты и возвращены прежним польским владельцам, получили соответствующие земельные компенсации. Были и новые пожалования. Всего было пожаловано новым помещикам 61.728 души. Глава о крестьянстве дает очень отчетливую картину положения крестьянства, которое и при Павле I, оставалось без изменения. Разумеется, эта политика и не могла быть иной при наличии господства дворянства и крепостного права в области социальных отношений. Мало того, положение крестьянства даже стало хуже, благодаря введению новых налогов и рекрутских наборов. Автор сообщает очень интересные сведения о крестьянских волнениях в Белоруссии, голоде в Белоруссии, а также разъясняет, почему указ Павла I от 5 апреля 1797 г. о трехдневной барщине не только не мог быть благоприятен для социально-экономического положения крестьянства, но даже в некоторых случаях мог ухудшить экономическое положение крестьянства. В главе „о купечестве и мещанстве“. П. Н. Жукович, сообщает интересные данные о городской политике Павла I, оставившего в действии жалованную грамоту городам от 21 апреля 1785 г. С другой стороны, им приведены очень интересные

*) См. Вестник Нар. Ком. Просв., в 2. ноябрь 1921 г.

данные о положении евреев, которых польская шляхта об'являла единственным источником разорения крепостной массы. Следующие главы посвящены школьному делу. Автор дает сведения о школьной политике правительства, положении училищ базилианского и доминиканского орденов, польских училищ и Виленского университета. Все эти сведения отличаются новизной и свежестью материалов. Наконец, две последние главы посвящены положению „православной и римско-католической церквей". И тут множество новых фактов, дающих яркую характеристику юридического и бытового положения церквей обеих вероисповеданий. Все эти очерки П. Н. Жуковича, конечно, широко будут использованы всеми теми, кто интересуется историческими судьбами Белоруссии в XVIII и XIX веках.

Работа *Ю. В. Татищева* „Вильна и литовские губернии в 1812—1813 г.", Вильна, 1913 г. стр. 355 содержит в себе обстоятельный исторический очерк о событиях указанной эпохи на территории Литвы и Белоруссии, с дополнением подлинных документов, впервые опубликованных и для истории края имеющих первостепенное значение. Издание снабжено указателями личных имен и географических названий. В современной литовско-белорусской историографии следует отметить пробуждение интереса к литовско-белорусским городам, которых уже раньше касались отдельные исследователи исторических судеб литовско-белорусского государства. Так *Ф. В. Клименко* опубликовал работу „Западно-русские цехи в XVI—XVIII в., Киев 1914 г. 11+166, за которую автор был удостоен золотой медали по постановлению историко-филологического факультета университета св. Владимира в Киеве. Работы пр. Владимирского - Буданова и В. Б. Антоновича касаются административной жизни города по магдебургскому праву, вследствие чего труды указанных исследователей отличаются односторонностью. Клименко в своей работе стремится дать картину внутренней жизни города и предметом своего изучения взял цехи, о которых в литературе и источниках были разбросаны различные сведения, но которые до сих пор не подвергались систематической исследовательской обработке. Интерес к работе г. Клименко усугубляется еще тем, что автор изучает западно-русские цехи на фоне цехового строя Западной Европы, что позволяет отказаться от тех безжизненных и абстрактных схем, к которым прибегали немецкие исследователи при изучении городского строя в средние века. Мысль автора о том, что изучение цехового строя только возможна в связи с изучением эволюции экономической жизни страны, совершенно правильна, но в работе она скорее чувствуется, чем реально осуществляется. В работе автора нет никакой исторической перспективы. Факты и явления различных исторических моментов постоянно смешиваются. Разумеется, в методологическом отношении такое смешение является совершенно недопустимым. Не ясен взгляд автора на происхождение цехов. Говоря о заимствовании цеховых статутов из соседней Польши, автор, однако, нигде не сравнивает статуты западно-русских цехов с польскими, а между тем оригиналы статутов далеко не всегда сходятся с их копиями. Автор отмечает недовольство шляхты ремесленными организациями, будто бы способствовавшими поднятию цен на товары, но указание автора, и при том вполне справедливое, что увеличение цен на товары—следствие падения ценности денег, опровергает справедливость жалоб шляхты, которые можно назвать только „сословными причитаниями". Остается также без ответа вопрос, который может быть поставлен читателем, о значении цехов в народно-хозяйственной жизни Литвы—Белоруссии и о влиянии цехов на развитие мелкой обрабатывающей промышленности города. Во всяком случае, работа Ф. В. Клименко—большой шаг впе-

ред по изучению литовско-белорусского города, который, несомненно, ждет своего исследователя, при чем метод изучения должен быть совершенно иной. Следует отказаться от монографического изучения жизни городов на протяжении всей территории литовско-белорусского государства. Необходимо, монографическое изучение исторических судеб каждого города в отдельности. Методологически это крайне необходимо, и на этот путь давным давно стала западно-европейская историография. Такого же метода держится и новейший русский исследователь французских городов Н. Оттокар в своих „Опытах по истории Французских городов в средние века" (Пермь, 1919 г.) Литовско-белорусские города стали предметом исследовательской работы и *А. С. Грушевского*, напечатавшего очень интересную работу под заглавием „Города в. княжества литовского в XIV—XVI в. Старина и борьба за старину". Киев, 1918 г., стр. 246. А. С. Грушевский—крупный исследователь по изучению истории литовско-белорусского государства. Работы автора очень ценны свежестью материала и постановкой вопроса.

Предмет исследования А. Г. Грушевского, обстоятельно разработанный в новой работе уже отчасти был затронут в трудах М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского и др. Но автор, собравший огромный материал, разбросанный по различным изданиям, дал удивительно полную и отчетливую характеристику города в его до магдебургском состоянии. Наблюдения автора над изучаемым процессом очень ценны. Любой исследователь литовско-белорусских городов будет от них отправляться. Но вот какой упрек методологического характера можно сделать автору. Борьба за старину и политика против старины находится в самой тесной зависимости с эволюцией народного хозяйства в в. к. литовском. Правда этот вопрос еще ждет своего исследователя, но автор сам собрал так много фактов экономического характера и так много занимался вопросами народно-хозяйственного характера, что общая эволюция народного хозяйства, ключ к пониманию правительственной политики относительно городов, могла бы быть им представлена и изображена, хотя бы последующие монографические работы и внесли бы кое какие существенные поправки в наблюдения автора общего характера. Тот же автор в журнале „Україна" Киев 1917/к 3 и 4, напечатал интересную статью, касающуюся экономического быта XVI века. Краткий очерк историографии по изучению Белоруссии позволяет констатировать наличие весьма повышенного научного интереса к историческим судьбам белорусского народа в отдельные периоды его исторического развития.

Изучение Белоруссии привлекает к себе все больше и больше внимания. Параллельно историографическому оживлению, заметно также усиление деятельности по изданию источников, относящихся к истории литовско-белорусского государства, что, разумеется, можно только приветствовать, так как, благодаря ряду прекрасных археографических изданий, источники первостепенной исторической важности стали доступными широкому кругу исследователей белорусской старины в те или другие моменты исторического развития белорусского народа. Главнейшим источником для изучения исторических судеб литовско-белорусского государства является так называемая *„Литовская метрика"*, хранящаяся в архиве б. министерства юстиции. Научного описания метрики до сих пор не было. Этот пробел необходимо было восполнить, и управляющий отделением литовской метрики *С. К. Шамбинаго* приступил к составлению научного описания литовской метрики при ближайшем участии П. Г. Бережкова. В первом томе „Описания" [1]) помещено научное описание

[1]) Описание документов и бумаг, хранящихся в М. Ар. Юстиции кн. 21

восьми книг литовской метрики, начиная с пятой книги, так как книги третья, четвертая и часть пятой уже изданы в „Русской Историческской Библиотеке“. Первая же книга в виде приложения издана полностью. Описанье составлено безукоризненно и является настольной книгой для всякого, кто занимается Литовско-белорусским государством. Археографическая комиссия приступила к изданию документов, касающихся истории литовско - белорусского государства. Ею для литовской метрики было отведено несколько книг. „Русской исторической библиотеки“, в которых были изданы отдельные книги записей, судебных дел, публичных дел, где напечатаны сеймовые документы, начиная с 1544 г., наказ старостам и державцам, уставы на волоки, лесной устав—все источники первостепенной важности для социальной, экономической и политической стороны жизни Литовско - белорусского государства. Помимо этого издан реестр войска, попись 1528 г., имеющая первостепенное значение для изучения истории шляхетства. (Рус. Ист. Бнб. т. XX, XXVII, XXX, XXXIII) Наконец, Русское Ист. Общество издало акты, относящиеся к войне 1812 г., имеющие отношение к белорусской территории и крайне важные для понимания военных событий и отношений, развивавшихся на территории Белоруссии (Сборник Рус. Ист. Общ. т. 13,9).

Проф. *В. Пичета.*

Минск 12 декабря 1921 г.

В Народном Комиссариате Просвещения.

Циркуляры и распоряжения Главсоцвоса.

1) 9 марта за № 1424 разослан циркуляр всем У. О. Н. О. и Культотделам о том, чтобы по сокращении учреждений Главсоцвоса (школ, детских домов и садов) обязательно в первую очередь принимать в эти учреждения детей рабочих, красноармейцев и беднейших крестьян.

2) 9 марта за № 1734 разослан всем подведомственным учреждениям циркуляр о сокращении учреждений (школ, детских домов и садов). Циркуляром этим раз‘ясняется, что при сокращении следует руководствоваться нижеследующим: а) в основу сокращения учреждений принимать школьную сеть 1914 года; б) ни в коем случае не сокращать учреждений возрождающихся культур (Белорусской, еврейской и т. п., сокращение таких учреждений может быть допущено только с разрешения Наркомпроса) в) При сокращении штатов культурных работников обязательно оставлять более квалифицированных работников и работников возрождающихся культур (белорусской и еврейской) г) школы оставлять в более населенных местах и имеющих пригодное помещение.

3) 10 марта за № 1470 циркуляром затребованы от подведомственных учреждений сведения о том, сколько детей членов профсоюзов обучается в школах.

4) 13 марта за № 1531 циркуляром указано всем подведомственным уч-

реждениям об освобождении от платы 25 проц. учащихся детей членов профсоюза, обучающихся в 3 и 4 группах бывших школ II ступени.

5) 15 марта за № 1608 циркуляром предложено всем подведомственным усреждениям представить на утверждение Главсоцвоса списки всех шкрабов, кои ведут преподавание в 3 и 4 группах бывших школ II ступени.

6) 15 марта за № 1617 разосланы всем подведомственным учреждениям планы на постройки зданий для 7-ми и 4-х летних школ.

7) 30 марта за №№ 2193, 2194, 2195 сделано циркулярное распоряжение всем УОНО, УОЗ и Усобеса о присылке по трое слепых детей для помещения в школу слепых.

8) 2 апреля за № 2192 разослано циркулярное распоряжение об обязательном прошнуровании и пропечатании всех денежных, продовольственных и инвентарных книг.

9) 30 марта за № 2190 сделано циркулярное распоряжение подведомственным учреждениям о том, чтобы летние каникулы начались не ранее 1 июня.

10) 30 марта за № 2191 сделано циркулярное распоряжение всем подведомственным учреждениям о том, что весенние каникулы будут продолжаться с 8 по 23 апреля.

11) Телеграммою за № 103 затребованы сведения от уездов о количестве имеющихся в уездах детских домов, воспитателей и лиц технического персонала.

12) 4 апреля за №№ 2291, 2305 разослан циркуляр о сокращении детских домов, коим предлагается сокращение произвести в следующем порядке: а) в первую очередь снять детей с сухого пайка, затем возвратить детей из детских домов, кои имеют родителей, их родителям, б) принимать в детские дома детей совершенно безприютных, в) в детских домах содержать детей только до 15-ти летнего возраста, г) по сокращении детей в детских домах сократить и обслуживающий их персонал соответттвенно количеству содержащихся в домах детей, а также и сократить самые дома, распределив детей так, чтобы их было от 30 до 60 детей в доме.

13) На заседании коллегии Главсоцвоса состоявшемся 31 марта с. г., постановлено: а) Наст. учебный год закончить 1-го июля и учебные занятия в будущем учебном году начать 1 сентября, поручив школьным инструкторам выработать план окончания этого учебного года и летних экскурсий, а также инструкцию о переходе учащихся из одного класса в следующий или окончания учения в 7-ми летней школе и форму удостоверения для всех учащихся, как в примитивных школах, так и в 7-ми летних и 3 и 4 группах бывших школ II ступени, б) все дефективные учреждения, как имеющие обще-государственный характер, с 1-го апреля принять в ведение Главсоцвоса.

Положение об обязательной помощи школе родителями учащихся.

В связи с новой экономической политикой и переходом всей Советской федерации на твердый государственный бюджет, который не дает возможности обслуживать за счет Республики культурно-просветительные нужды всего населения в целом, устанавливается, как временная мера, в городах и крупных местечках (с населением более 3000 жител.) обязательная помощь родителей учащихся школе на следующих основаниях:

1) Все родители детей, обучающихся в школах, не входящие в профессиональные об'единения Республики, вносят заведующему школой в начале каждого м-ца определенную сумму денег, устанавливаемую по полугодиям Народным Комиссариатом Просвещения, или его органами на местах, которую заведующий вносит в Госбанк на текущий счет школы под квитанцию.

2) Родители учащихся, состоящие членами Профсоюзов, а также дети красноармейцев освобождаются от непосредственных взносов на нужды Народного Образования.

3) Родители учащихся, не входящие в профессиональные об'единения, но не могущие по своему материальному положению оказывать помощь школе, подают о сем заявления в районные школьно-хозяйственные Советы с приложением документов, доказывающих их неплатежеспособность.

4) Районные школьно-хозяйственные Советы, рассмотрев каждое заявление в отдельности и удостоверившись в неплатежеспособности родителя учащегося, вносят на каждого из них положенный взнос из средств, собранных в порядке самообложения, в ту школу, где обучается ребенок неплатежеспособного родителя.

5) Настоящее положение проводится в жизнь не во всех школах сразу, а постепенно, по мере выяснения платежеспособности родителей учащихся каждой школы, и касается главным образом школ, реорганизованных из бывших гимназий.

6) Школы, где введена временная помощь родителей, считаются по прежнему школами государственными со всеми вытекающими отсюда последствиями, при чем категорически воспрещается всякое отступление без ведома Наркомпроса или его органов на местах от общепринятой программы или учебного плана, а равно и вмешательство родителей в дела школы.

7) Порядок расходования денежных сумм, собранных от родителей учащихся, определяется особой инструкцией.

8) По отношению к школам возрождающихся культур, как-то—белорусской, и еврейской, это положение приемлемо только в последних 3-х классах.

9) Настоящее положение проводится в жизнь после циркулярного распоряжения Наркомпроса или его органов на местах на имя каждой школы в отдельности.

Замнаркомпрос *Балицкий.*

Завед Гласоцвосом *Кореневский.*

Инструкция о порядке сбора сумм в школах с родителей учащихся и способах расходования их.

1. Размер помощи с каждого родителя учащегося устанавливается с 1 марта с. г. в 3 руб. зол. для первых четырех классов и 4 руб. зол. для последних трех классов.

Примечание: Деньги вносятся советской валютой по курсу дня взноса, установлен. Наркомфином.

2. Деньги расходуются школьным советом на нужды школы, в первую очередь на оплату личного состава.

3. Всякий расход собранных с родителей учащихся сумм произво-

дится не иначе, как в каждом отдельном случае с разрешения Наркомпроса или его органов на местах.

4. Для точного учета означенных сумм каждой школой ведется денежная приходо-расходная книга.

5. По истечении каждого месяца, но не позже 5 числа, школьным советом представляется в Наркомпрос или его органы на местах приходо-расходная отчетная ведомость с приложением всех оправдательных документов по форме, установленной органами Наркомпроса на местах.

Замнаркомпрос *Балицкий.*

Завед. Главсоцвосом *Кореневский.*

Инструкция Финансового управления Наркомпроса о порядке составления требовательных ведомостей на выдачу жалованья сотрудникам учреждений и предприятий, подведомственных Наркомпросу.

Для урегулирования и своевременной выдачи жалованья устанавливается следующий порядок, коим надлежит неуклонно руководствоваться:

1) Требовательные ведомости составляются по установленной форме за подписью заведывающего учреждением или председателя школьного совета в 3-х экземплярах, из коих один экземпляр остается в соответствующем Главке, а два представляются в Финансовое Управление.

2) Требовательные ведомости составляются на основании существующих ставок, утвержденных отделом нормирования труда союза.

3) В требовательные ведомости включается весь наличный состав сотрудников, действительно работавших в данном учреждении; школьным работникам и лекторам выписывается за фактически проработанные часы.

4) Лицам, работающим в нескольких учреждениях по совместительству выписывается полный оклад по основной должности и 50% по совмещаемым должностям.

Примечание: этот пункт не распространяется на преподавательский персонал и научных сотрудников.

5) Председатели Главков или уполномоченные ими на то лица после тщательной проверки ведомостей во всех отношениях, скрепляя своими подписями, группируют их по роду учреждений, представляют в финансовое управление для оплаты никак не позже 15 числа каждого м-ца.

6) Всякого рода дополнительные и другие ведомости, не поступившие по каким бы то ни было причинам к вышеозначенному сроку в финансовое управление в текущем м-це не оплачиваются, а присоединяются к ведомостям следующего месяца.

7) Жалованье по ведомостям на все учреждение получает заведывающий учреждением или уполномоченное на то лицо, под росписку на описях.

8) Требовательные ведомости с росписками получателей возвращаются в Финотдел не позже недельного срока со дня получения денег.

9) Не выданное по каким либо причинам жалованье или излишнее выписанное вносится в Наркомфин на восстановление соответствующего кредита под квитанцию, какозая прилагается к ведомости с росписками.

10) До возвращения ведомости с росписками в получении жалованья за предыдущий м-ц, следующее жалованье ни в коем случае не выдается.

11) Ответственность за неточное выполнение настоящей инструкции падает на заведывающих учреждениями и соответствующие Главки.

Замнаркомпрос *Балицкий.*

Завед. Финуправ. *Эвенчик.*

ИНСТРУКЦИЯ

о порядке расходования авансовых сумм.

Для урегулирования и рационального расходования авансовых сумм устанавливается следующий порядок:

1) Со всеми требованиями на получение предметов хозяйственного или другого т.п. характера оборудования, пособий, ремонт надлежит обращаться через соответствующие Главки исключительно в Снабупр Наркомпроса, которому вменяется в обязанность по мере возможности безотлагательно выполнять все требования. В случае отказа Снабупра в отпуске требуемого, может быть выдан аванс с разрешения соответствующего Главка и санкции Снабупра.

2) Аванс на хозяйственные расходы выдается в сумме не свыше 10.000.000 рубл., а на мелко-хозяйственные не свыше 3.000.000 руб. считая по курсу (100.000 р.)

3) Аванс в счет жалования выдается в исключительных случаях в размере не превышающего месячного оклада.

4) Выдача авансов по одному учреждению на одну и ту же надобность нескольким лицам не допускается, для чего Главки обязаны выделить по каждому учреждению одно лицо, занимающее хозяйственную должность, уполномоченное на получение авансов.

5) По израсходовании аванса подотчетное лицо составляет авансовый отчет в 2-х экземплярах и приложив оправдательные документы, доставляет в соответствующие Главки на утверждение. Главки проверив отчеты по существу и с точки зрения рационального расходования сумм и скрепив таковые своими подписями, препровождают в Финансовое Управление для соответствующих записей.

6) Оправдательные документы как-то: счета, расписки и т. п. должны быть написаны чернилами четко и аккуратно с указанием адреса и фамилии продавца.

7) На всех оправдательных документах должна быть пометка учреждения о заприходовании купленного предмета или материала в соответствующие материальные, инвентарные и друг. книги учреждения.

8) Авансовые отчеты составляются немедленно по израсходовании аванса по имеющейся в Финансовом Управлении форме, причем все графы должны быть обязательно заполнены с указанием, когда, откуда, по какому документу и в каком размере был получен аванс.

9) Оправдательные документы должны быть пронумерованы, прошнурованы или подшиты к авансовому отчету.

10) Никакие подчистки и поправки без оговорок не допускаются.

11) До представления авансового отчета в израсходовании предыдущего аванса, новый аванс ни в коем случае не выдается.

12) Авансовые суммы расходуются по прямому своему назначению, т. е. на ту надобность, на которую были получены. Ни на какие другие надобности, без разрешения распорядителя кредитами аванс расходоваться не может.

13) Аванс выдается и расходуется исключительно на нужды предусмотренные сметой.

14) Перерасход по авансовым отчетам ни в коем случае не допускается.

15) Остатки не израсходованного аванса вносятся в Наркомфин на восстановление соответствующего кредита, квитанция о внесении прилагается к авансовому отчету.

16) Авансовый отчет в оправдание авансового отчета представляется не позже 2-х недельного срока со дня получения аванса.

Замнаркомпрос *Балицкий.*

Завед. Финуправлен. *Эвенчик.*

СВЕДЕНИЯ

о числе учреждений и работников Просвещения, состоящих на Госснабжении в 1922 г. после сокращения.

Название отделов, в непосредственном ведении которых находятся учреждения.	Управл. аппар.		Акцентр.		Соцвос.		Политпросвет.		Профобр.		Итого.	
	Учрежд.	Раб. просв.	Учрежд.	Раб. просв.	Учрежд.	Раб. просв.	Учрежд.	Раб. просв.	Учрежд.	Раб. просв.	Учрежд.	Раб. просв.
Наркомпрос . .	10	116	6	33	3	72	27	158	11	267	57	646
Цекультстрой . .	3	4					9	17			12	21
Цекультрап З. Ж. Д.	1	7			7	65	3	26			11	98
„ Ал. ж. д.					9	50		21			9	71
Горотдел Минск. .	1	33			81	741		57			82	831
Минский Уотнаробраз.	1	31			205	363	3	10			209	404
Бобруйский „	1	31			259	739	11	69	2	45	273	884
Борисовский „	1	31			231	536	9	41	1	25	242	633
Слуцкий „	1	31			201	487	8	38	1	14	211	570
Игуменский „	1	31			218	551	5	17			224	599
Мозырский „	1	31			198	437	8	27			207	495
Всего . .	21	346	6	33	1412	4041	83	481	15	351	1537	5252

БАЛАНС

состояния счетов Главной книги Финуправления Наркомпроса за январь, февраль и март 1922 г.

Название кредитов.	Январь.		Февраль.		Март.		Общий оборот.		Сальдо на 1-е апреля.	
	Дебет.	Кредит.	Дебет.	Кредит.	Дебет.	Кредит.	Дебет.	Кредит.	Дебет.	Кредит.
Счет авансов . . .	72071928	21369428	442273278	61091500	1249907176	548146075	1764252382	630607003	1133645379	
„ кассы . . .	660092481	424611603	525511382	745800269	313487609	308787633	1499091472	1479199505	19891967	—
„ Госбанка . .	—	—	157218513	156435577	1256650000	583506801	1413868513	739942378	673926135	—
„ Уотнаробраза .	—	—	1651147000	—	11647827355	1500000	13298974355	1500000	13297474355	—
„ расход универ.	—	—	150000000	—	484000000	—	634000000	—	634000000	—
„ невыпл. довол.	75858	10466020	4552040	8505418	2375900	9971989	7003798	28943427	—	21939620
„ сметн. ассигнов.	—	—	—	484000000	—	27220260531	—	27704260531	—	27704260531
„ разных лиц и мест	—	—	293616335	73913085	4470507357	3991934357	4764123692	4065847442	698276250	
„ разн. кредитор.	297769620	594674499	298083032	456519923	2484102	—	598336754	1051194422	—	452857668
„ баланса вход. .	—	20858132	—	—	—	—	—	20858132	—	20858132
„ переход. сумм .	—	72051	—	—	—	—	—	72051	—	72051
„ разн дебиторов	—	34021779	—	10146091	56500	413445319	56500	457613189	—	457556689
„ расх. по Академич. Ц. . . .	680000	—	63174080	—	172406220	—	236260300	—	236260300	—
„ расх. Главсоц.	2005000	—	1245357662	439250	1293853096	363500	2539215758	802750	2538413008	—
„ расх. Главпол.	35757875	—	284885567	—	750777699	100000	1071421141	100000	1071321141	—
„ расх. Наркомир	12880750	—	244712400	—	1084774117	7500000	1342367267	7500000	1334867267	—
„ расх. Главпроф.	2740000	—	734955226	—	3452076255	—	4189771481	—	4189771481	—
„ расх. по обмундир. мобил. .	22000000	—	9416500	1000000	—	—	31416500	1000000	30416500	—
„ Комфина . . .	72051	72051	485500000	4631854902	27793767332	19866762287	28279339383	24498689240	3780650143	—
„ запас. и матер. отд. снаб. . .	—	—	41303000	—	645113624	—	686416624	—	686410624	—
„ шк. хоз. район. комитетов . .	—	—	—	—	—	146993850	—	146993850	—	146993850
„ социальн. обесп.	—	—	—	—	35858000	—	35858000	—	35858000	—
„ учрежд. субсид. Вуз.	—	—	—	—	—	1556650000	—	1556650000	—	1556650000
Итого . .	1106145563	1106145563	6629706015	6629706015	55293326818	55293326818	73029178396	73029178396	30361188550	30361188550

Завед. Финуправлением *М. Эвенчик.*

Белорусская Государственная Библиотека.

В целях создания солидного Библиотечного Института в Советской Белоруссии в Минске учреждена Государственная библиотека чрез слияние библиотеки, организованной Белорусским Отделом НКП, и библиотеки Госуд. университета.

Государственная библиотека Белоруссии носит наименование „Белорусская Государственная и Университетская Библиотека“.

Белорусская Государственная и Университетская Библиотека, выполняя свои функции учено и учебно-вспомогательного Института при Бел. Гос. Университете, состоит одновременно в непосредственном ведении Ак. Центра Наркомпроса и имеет свой определенный бюджет, независимый от бюджета Университета. Ежегодная смета б—ки, составленная библиот. комитетом, представляется последним на утверждение Правления Университета и Академическ. Центра. В расходовании сумм в пределах и условиях бюджета биб—ка совершенно самостоятельна.

Правила пользования библиотекой утверждаются Правлением Университета и Акад. Центром.

Персонал библиотеки состоит из главного библиотекаря (Завед.), Завед. Отделами их помощников, Секретаря, научных сотрудников (старш. и младш.) и служителей.

Для рассмотрения вопросов, связанных с внутренней деятельностью биб—ки, учрежден библиотечный комитет, под председательством главного библиотекаря; в состав его входят Завед. Отделом, Секретарь и по одному представителю от других категорий научно - технического персонала.

Ведению библиотечного комитета подлежат: разработка плана библиотечной работы, обсуждение кандидатур на биб. должности, распределение работы между персоналом, подготовка материалов для отчета и утверждение его, пополнение библиотеки, составление правил пользования библиотекой, составление ежегодной сметы биб—ки со включением в нее сметы биб—ной комиссии и друг. вопросов библиотечной организации.

Состоящая при библиотеке биб-комиссия имеет главной задачей пополнение научных отделов и охраняет ученые и учебные интересы, как университета, так и всех лиц, пользующихся биб—кой для научных занятий. В этих целях комиссия составляет сметы на книжные приобретения, сообразуясь с пожеланиями факультетов, и учебно вспомогательных учреждений, поручает биб—ке приобретение изданий как по заявлению факультетов, так и по своей инициативе, рассматривает в двухнедельный срок списки книг, представленных биб—кой к отчуждению, разрабатывает совместно с биб. комитетом правила пользования б—кой, рассматривает доклады главн. библиотекаря о текущих книжных поступлениях.

Биб. Комиссия состоит из представителей факультетов Университета в той пропорции, которая предусмотрена положениями в отношении Правления и Факультетов ВУЗ. Кроме того в состав биб. комиссии входят представители Ак. Центра.

Бел. Гос. и У-ская биб—ка, являясь государственным книгохранилищем Белоруссии, хранит в одном экземпляре все поступающие в распоряжение биб—ки произведения печати. Библиотека принимает все меры к тому, чтобы сосредоточить в одном экземпляре все издания, касающиеся Белоруссии, изданные в Белоруссии или на белорусском языке, и имеет право из‘ятия из всех государственных библиотек Белоруссии 1 экземпл. книг, не поступивших в центральное книгохранилище.

Пользование книгами и друг. произведениями печати и письменности происходит в чит. помещениях библиотеки. Исключение допускается лишь для преподавателей Университета по отношению к печатным книгам, не представляющим из себя книжной редкости.

Пользование книгами в чит. залах Бел. Гос. и Унив. биб—ки открытое и свободное для всех.

В целях об'единения и координирования работы научных и просветительных биб—к и содействия развитию библиотечного и библиографического дела при Бел. Гос. и Унив. биб—ки, предполагается учредить Белорусское Библиографическое бюро.

Бел. Библиографическое бюро имеет своей задачей:

а) Об'единение работы по каталогизации произв. печати поступающих в центральное книгохранилище с каталогизацией книг распределенных по государствен. библиотечен. сети.

в) Организацию и ведение карточек по белорусск. библиографии.

г) Организацию и ведение каталога для библиотек Белор. библиотечн. сети.

д) Самостоятельную практическую и исследовательскую работу по всем вопросам, связанным с изучением книги, собирание и издание библиографическ. материалов и разработку материалов по теории и методологии библиотечного и библиограф. дела.

е) Выдачу справок и списков литературы учреждениям и отдельным лицам.

1) Бел. библиограф. бюро состоит из след. отделов:

а) Справочного.

б) Отдела Белорусской библиографии.

в) Каталографического отделения и

г) Организационного отделения.

В основу классифик. и каталографических работ бюро полагается система классификации и каталографии международного библиографического института.

Белорусское академическое кооперативное издательское товарищество „Адраджэньне“.

По инициативе Академического центра организовано в Минске Белорусское издательское товарищество Адраджэньне.

Бел Акад. Коопер. Издат. Товарищество является кооперативным т—вом Государственных и Общественных учреждений Белоруссии, а также литераторов, ученых, художников и сотрудников печатного и книжного дела, заинтересованных в издании и распространении книг на белорусском языке.

БАКИТ имеет своей задачей: а) издание и распространение книг и других печатных произведений на белорусском языке, а именно: 1) Ру-

ководств по всем областям знаний для школ и самообразования, 2) Научных и популярных изданий по земледелию и гигиене, кооперации и общим знаниям, 3) Изданий по Белоруссоведению, 4) Произведений изящной литературы и художества, картин, карт и т. д., 5) Календарей, справочников, сборников, альманахов, журналов и газет, 6) Об'явления конкурсов на издании и пр. Кроме этого, БАКИТ имеет право покупать и продавать книги и все печатные издания на любом языке.

Для осуществления своих задач БАКИТ может иметь собственную типографию, типо-литографию и цинкографию, конторы, склады, магазины, киоски, контрагенства заграницей и в провинции и пр., а также открывать свои отделения в России и заграницей.

БАКИТ предоставляется: а) вести от своего имени сношения с правительственными и общественными учреждениями, б) вступать с Государственными и Общественными учреждениями, с кооперативными организациями и с частными лицами в договоры по обязательствам и искать и отвечать на суде.

Членами БАКИТ могут быть: а) Правительственные учреждения б) Общественные, союзные и кооперааивные организации, в) работники науки, литераторы и искусства, г) частные лица, вкладывающие в т-во свои капиталы.

Право избирать и быть избранными во все органы управления и контроля т-ва, а также участвовать в собраниях его органов пользуются все члены т-ва.

Членом т-ва может быть каждое учреждение и отдельное лицо, внесшее не менее одного пая.

Каждый член т-ва несет ответственность по обязательствам т-ва всей суммой внесенных им паев.

Средства т-ва образуются из: а) вступительных взносов, б) паевых взносов (как денежных, так и натуральных), в) вкладов, г) займов и д) сумм кредитования.

Вступительный взнос определяется в один рубль в золотой валюте на члена т-ва, подписывающего до 25-ти паев. Каждые 25 паев лишних оплачиваются одним золотым рублем дополнительного взноса.

Размеры паевого взноса определяются в 10-ть золотых рублей; основное количество взносов устанавливается общ. собранием.

Примерный устав клуба, принятый Конференцией клубных работников Белоруссии.

Цель и задачи клуба.

Клуб преследует цель широкого культурного, политического и эстетического развития своих членов, направленного на выработку стройного и цельного социалистического пролетарского миросозерцания, способом пролетарского культурного творчества.

Для осуществления вышеуказанных целей при клубе организовывается целый ряд различных секций, которым поручается организация кружков, лекций, бесед, проведение различных агиткампании, литературных вечеров, спектаклей, концертов и т. п.

1. Членом клуба может быть всякий изъявивший на то свое согласие. В члены клуба принимает правление по заявлению, представляя вслед список вновь принятых членов клуба на утверждение ближайшего общего собрания членов.

Примечание: Члены, вновь принятые правлением, пользуются до общего собрания наравне с другими членами клуба всеми правами.

2. Каждый член клуба должен принимать активное участие в работе своего клуба, а потому обязан работать в какой-либо секции, при желании же член клуба может работать одновременно в нескольких секциях.

3. Общим собранием членов клуба избирается правление клуба.

4. Правление клуба не должно быть слишком громоздким, а потому в состав его необходимо выбрать на более семи человек.

Примечание: а) для выборов правления достаточным кворумом считается две трети общего числа членов клуба б) правление избирается сроком на 3 месяца.

5. Управление делами клуба принадлежит во-первых общему собранию, во-вторых правлению клуба.

Примечание: Общее собрание дает директивы правлению клуба, которое и проводит их в жизнь.

6. В ведении правления находится вся административно-идейная сторона клуба.

7. Деловое руководство работой клуба распределяется между членами правления клуба, кои и несут за нее ответственность. Во главе различных секций могут быть и не члены правления, но последние контролируют их работу.

Примечание: Правление имеет право кооптации с правом совещательного голоса.

8. Правление созывает общее собрание членов для решения всех важнейших вопросов, а также для дачи периодического отчета о своей работе не реже одного раза в три месяца.

9. Право изменения и дополнения пунктов или устава клуба в целом имеет общее собрание членов клуба с согласия соответствующего политпросвета.

10. Правление руководствуется в своей деятельности указаниями общего собрания и заданиями соответствующего политпросвета.

11. Правление исключает членов клуба.

Примечание: Причина исключения доводится до сведения общего собрания членов клуба и утверждается им.

12. Правление решает все вопросы большинством голосов и само избирает из своей среды президиум.

13. Заседания правления должны происходить не реже одного раза в неделю, где разбирается помимо текущих дел и доклады завед. секциями.

14. Для последующего контроля над хозяйственной и финансовой жизнью и успешностью культурно-просветительной работы клуба выбирается общим собранием ревизионная комиссия в составе трех членов, которые представляют отчет о своей работе общему собранию и имеют право при наличии дефектов в работе правления созыва экстренного общего собрания.

15. Наблюдение за общим порядком в клубе и проведение исполнений постановлений правления и общего собрания относительно внутренняго распорядка клубной жизни возлагается на заведующего клубом, который входит в состав правления с правом решающего голоса. На завед. клубом возлагается также обязанность по ведению хозяйственной отчетности и учету производственной работы, точного координирования работы клуба с планом соответствующего политпросвета, перед которым он является официально, непосредственно ответственным лицом за работу клуба.

16. При ликвидации все средства и имущество, принадлежащее клубу, передаются в соответствующий политпросвет.

В Советской федерации.

Сокращение и преобразование высших учебных заведений.

Главпрофобром постановлено преобразовать Ярославский университет в Педагогический Институт, Астраханский университет в Медицинский институт. Закрываются медицинские факультеты Петроградского и Самарского университетов, факультеты общественных наук в Крымском, Пермском и Томском университетах, физико-математические факультеты в Воронежском, Нижегородском, Томском и Иркутском университетах, агрономические факультеты в Смоленском, Уфимском и Крымском университетах, технические факультеты в Смоленском и Пермском университетах и педагогический факультет Уральского университета. Лесной факультет Казанского университета постановлено слить с агрономическим отделением Казанского Политехникума. Гидротехнический факультет Саратовского университета об'единяется с факультетом путей сообщения. Агрономический и педагогический факультеты Самарского университета преобразуются в самостоятельные институты.

Борьба с детской беспризорностью.

В виду роста детской беспризорностью и связанного с нею увеличения детской дефективности Наркомпросом отдано распоряжение во все Губсоцвосы о принятии мер к борьбе с этим явлением

Для надзора за дефективными детьми вблизи вокзалов, пристаней и т. п. должны быть созданы особые приемники. Члены детской инспекции несут беспрерывное дежурство на вокзалах для надзора за проходящими поездами и эшелонами беженцев.

Главсоцвосом НКП разослана инструкция всем Губсоцвосам, предлагающая принять меры к увеличению кадра братьев и сестер социальной помощи с привлечением для этой цели работников школы.

Обеспечение лиц, командированных на рабочие факультеты.

Советом Нар. Комиссаров от 13 марта постановлено:

1) Установить с 1 февраля 1922 г. выдачу стипендий командированным на рабочие факультеты в одинаковом для всех слушателей каждого отдельного рабочего факультета размере, прекратив выплату предприятиями и учреждениями разницы между получаемым слушателями от Народного Комиссариата Продовольствия пособием и заработком по месту последней работы.

2) Размер стипендии приравнивается к среднему размеру заработной платы (6 разряд 17 разрядной тарифной сетки) для предприятия III группы, устанавливаемому Губпрофсоветом по месту нахождения рабфака.

3) С момента введения указанных стипендий всякого рода выдачи, производимые слушателям рабфаков, как денежные так и натуральные, зачисляются в сумму стипендии по тем рыночным ценам, которые легли в основу вычисления указанного в ст. 2-й среднего размера заработной платы.

Вниманию читателей.

Редакция просит исправить опечатки в ст. проф. Ивановского. Вм. Bilding сл. читать Bildung, вм. Bill—Bild, вм Beie—Beil.

Беларускі аддзел.

Беларускае культурна-нацыянальнае пытаньне у Б. С. С. Р.

(*Канец*).

Да гэтага часу горад з вялікаю пяжкасьцью прыймаў да сябе моваўтвораных пралетарыяў - беларусаў. Найперш ад ўсяго слаба разьвітая прамысловасьць нашага гораду прыймала да сябе на работу вузка абмежаваный лік работнікаў. Апроч таго, утвораная царскім урадам «черта оседлості» сілком затрымлывала ў гарадох Беларусі еўрэйскага пралетарыя, атдаючы яго ў афяру нічым ня стрымываемай канкурэнцыі, і гуртуючы яго каля гарадзкіх прадпрыемстваў у такім ліку, каторы быў ўжэ занадта залішнім для работы ў горадзе. Гэтыя умовы жыцьця прымушалі пралетарызаваўшагося селяніна-беларуса разам з выжытым з гораду пралетарыем-еўрэем шукаць работы там, куды магчыма было прабрацца. І дзе толькі не працаваў пралетарый-беларус, каб зарабіць кавалак жорсткага, чорнага хлеба! Езьдзіў ён у Сібыр, Цэнтральную Азію і Прыамур'е. Бачыла яго і шаноўная пані Амэрыка і ставіла на самыя цяжкія і чорныя работы.

Зараз умовы зьмяніліся. Разам з царскім урадам распаліся са звонам ланцугі «черты оседлости» для еўрэяў. Перад ім раскрылася шырокая магчымасьць ініцыятывы і рассяленьня ў ва ўсе бакі. Зруйнаваньне «черты оседлости» найбольш зрабіць ўплыў на пралетарскія масы еўрэйства, бо для еўрэйскай буржуазіі «черта» амаль што не існавала. Вызваляный еўрэйскі пралетарыят раздасца, разамкне свае густые рады, каб уліць ў іх меньш энэргічнага і атсталага беларускага пралетарыя. Апрача гэтага, развіцьцё буйных дзяржаўных прадпрыемстваў, якое ўжэ пачалося у нашым савецкім горадзе, дасьць месца наогул значна большаму ліку пралетарыяў, каторые будуць будаваць свае новае жыцьцё.

Пры такіх умовах беларуская пралетарызаваўшаяся вёска пацячэ роўнай, эканамічна строга размяркованай рэчкай у пралетарскі горад. Яна пацячэ сюды са сваею вясковаю культураю і моваю, каторай цяпер ніхто не ставіць, як раней, прашкодаў, над каторай ніхто не пасьмее зьдзекавацца, каторая будзе розьвівацца і мацнець. Пойдзе так званая «паганізацыя» гораду. Горад афарбуецца ў вясковы культурны колёрыт. Само сабою разумеецца, што для нашай культурнай працы у новым горадзе трэба будзе цесна падыйсьці да новага пралетарыя беларуса на яго роднай мове.

Як мы сказалі вышэй, беларуская культура ёсьць культурай працоўных мас Беларусі; яна зьяўляецца культу-

рай значнай большасьці гэтых мас. Заданьні, як партыі, так і Савецкай улады ў адносінах да яе зусім ясны. Найперш ад ўсяго трэба зрабіць так, каб беларуская мова заняла ў дзяржаўных установах тое месца, якое яна займае у нашай вёсцы. Нам патрэбна разьвінуць і ўмацаваць суд, адміністрацыю, органы гаспадаркі, органы ўлады такіе, у якіх ужываньне беларускай мовы і веданьне беларускага быту і культуры адпавядала-бы патрэбам большасьці працоўных мас Беларусі. Апроч таго, трэба даць беларускай мове адпаведнае месца сярод нашых іншых мясцовых моваў у прэсы, у школе, у тэатру, у клюбна-асьветнае справе і ваогул у ва ўсех культурнаасьветных установах, як партыі, так і Савецкай улады. Дагэтуль намі яшчэ мала зроблена ў гэтым напрамку, але праца наша ўжэ ідзе пэўнаю дарогаю. Каб праца йшла барджэй, трэба як найхутчэй, не адкладываючы справы ў доўгую скрынку, падрыхтаваць не малы лік працаўнікоў для партыйнай, савецкай і культурнай працы на беларускай мове. Для гэтай мэты утвораны і утвораюцца адпаведальные курсы, як каротка-тэрміновые, так і доўгатэрміновые; беларуская мова і беларусазнаўства ўводзяцца ў ва ўсех школах, каторыя выпускаюць спэцыялістаў для Беларусі, не выключаючы Дзяржаўных Беларускіх вышэйшых учебных устаноў, як напрыклад, Унівэрсытэт і Політэхнікум. Вядзецца адпаведальная работа й сярод беларусаў-студэнтаў у межах Р. С. Ф. С. Р., напрыклад, у Маскве й Пецярбурзе. Працаўнікоў, ведаючых беларускую культуру і мову, трэба стварыць як найбольш. Зараз на іх ёсьць вялікая патрэба у нашай глухой вёсцы, а праз нейкі час будзе патрэба на іх і ў горадзе. Усё гэта нам трэба зрабіць для ўзмацненьня й паглыбленьня нашай камуністычнай і савецкай работы сярод працоўнай, пераважаючай этнаграфічнай большасьці па Беларусі.

Ёсьць сярод нашага грамадзянства на Беларусі два напрамка ў адносінах да нацыянальнага беларускага пытаньня. Гэтыя напрамкі часам пранікаюць нават і ў камуністычныя кругі. Гэтыя напрамкі—нахілы по нацыяналь-наму пытаньню істнуюць ня толькі у нас. Яны ёсьць і у другіх акраінах былушай Расійскай Імпэрыі. Вельмі ясна і праўдзіва вызначыў іх т—шч Сталін у тэзізах па нацыянальнаму пытаньню, прынятых Х-м зьездам Расійскай Камуністычнай Партыі.

Сутнасьць першага нахілу выяўляецца ў тым, што грамадзяне, вырасшые й выхаваные ў старых абставінах вялікарасейскай дзяржаўнай нацыі, ці блага бачаць, ці зусім ня бачаць асабліваасьцяў савецкай і партыйнай працы сярод беларускіх працоўных мас. Ім усё здаецца, што на сьвеце істнуе толькі велікаруская нацыя; што моцная велікаруская культура павінна скасаваць аслабленыя прэдыдучым эканамічна-палітычным укладам жыцьця культуры забітых і прыніжаных «инородцев», да якіх яны прылічаюць і беларускае сялянства і рабочыя масы. Гэты нахіл вядзе іх, ат нашага савецкага фэдэрацыйнага строю ў бок імпэрыялістычнай вялікадзяржаўнасьці, колёнізатарства і велікарасейскага шовінізму.

І цікава тое, што такімі шовіністамі і вялікадзяржаўцамі вельмі рэдка зьяўляюцца велікарусы, прыехаўшые да нас, каб тут працаваць. Найчасьцей гэта людзі тутэйшые, вышэдшые ў «людзі» з беларускай гушчы. Выходзячы ў «людзі», яны настолькі падпалі пад ассыміляцыённы ўплыў царскай расійскай школы, салдацкай вымраўкі і казармы, мяшчанскага, «квасскага» патрыятызму, што прывыклі ў ва ўсім нерасейскім бачыць нешто варожае ім, нешто недастойнае іх высокай увагі. У сваім мінулым яны былі лепшымі пастаўшчыкамі «истинно-русского» чыноўніцтва і царскай адміністрацыі. Зараз яны прыспасобіліся да сучаснага станавіска, прымазаліся да савецкіх установаў нашай Беларусі і ўносяць паўсюду з сабою дух ненавісьці і нецярпімасьці ў адносінах да ўсяго, што датычыць разьвітку і выяўленьня пралетарска-сялянскай «чорна-рабочай» культуры.

Ў адказ па першы нахіл сярод нашага грамадзянства зьявіўся другій нахіл у адносінах да культурна-нацыянальнага пытаньня. Ім хварэюць людзі, вырасшые і выхаваные у пяжліх

абостраных нацыянальна-сацыяльнаг-прыгняценьня нашага краю і вышоўшыя з беларускіх гушчаў. Яны бачылі на сваім веку ўціск, перажывалі зьдзек і нацыянальнае прыгняценьне царска-феўдальнага рэжыму.

Ім усё здаецца, што цяжкае мінулае яшчэ вярнецца, іх лякае прызрак мінулага, каторы ўжо ніколі ня вернецца на нашу бацькаўшчыну. Нацыянальныя асаблівасьці пралетарскіх і паўпралетарскіх масаў яны зьмешываюць з гэтак званымі «агульна-нацыянальнымі» адзнакамі ўсей беларускай нацыі, дзякуючы чаму астаюцца ў цені і ігнаруюцца клясавыя інтарэсы як беларусаў, так і усіх працоўных масаў. Гэты нахіл вядзе іх у бок буржуазна-дэмакратычнага нацыяналізму.

Абодва гэтыя нахілы у адносінах да нацыянальна-культурнага беларускага пытаньня павінны быць зьнішчаны сярод нашага грамадзянства, бо яны вельмі шкодзяць нашай працы. Асабліва трэба змагацца с першым нахілам, бо ён асабліва шкодны і асабліва апасны. З ім, к глыбокаму нашаму жалю, нам часта прыходзіцца спатыкацца ў сучаснасьці. Апроч таго, трэба адзначыць, што першы нахіл у большасьці выпадкаў, а можа і заўсёды, ёсьць прычына другога нахіла ў нашым грамадзянстве. Гэта ён выклікае зьнішчаны ўжо прызрак нацыянальнага прыгняценьня і штыркае грамадзянства да другога нахілу. Толькі пасьля зьнішчэньня першага нахілу—нахілу ў бок вялікадзяржаўнасьці, колёнізатарства і вялікарасейскаго шовінізму—можа быць зьнішчаным нахіл у бок буржуазна-дэмакратычнага нацыяналізму.

Наша лінія павінна быць простаю лініяю, каторая пройдзе паміж гэтых двух нахілаў. Яна добра вызначана ў тых тэзісах т-шча Сталіна, аб якіх мы ўжо гаварылі. Выяўляючы нацыянальнае пытаньне мы не перастаем быць інтэрнацыяналістамі ў самым праўдзівым сэнсе гэтага слова. Мы гаворым, што працоўныя масы ўсех нацыяў і ўсех культураў павінны злучацца, затым, што іх еднае прыналежнасьць да адзінага клясу пралетарыяў і полупралетарыяў. Абаронцы буржуазіі, да якой-бы нацыі яны ні належалі, хоць-бы нават і да беларускай, ёсьць нашы векавечные ворагі, з якімі будзем змагацца, шукаючы лепшай долі, але разам з тым мы будзем змагацца са ўсімі тымі, хто будзе ісьці проціў разьвітку рабоча-сялянскай беларускай культуры.

Праф. У. Ігнатоўскі.

Цені прошлага.

III.

Яшчэ за колькі гадоў да таго часу, калі мне давялося быць ў вастрозе, гэты астрог заўсёды пакідаў у мне сьляды цяжкага і моцнага ўражаньня. Калі, бывала, пазіраеш на Менск з раёну Брэскага вакзала, то гэты астрожны замак у першую голаву кідаецца ў вочы, засланяючы сабою горад. Едзеш на чугунцы ў Вільню, глядзіш на горад праз вакно вагона—зноў гэты ідал тырчыць перад тваімі вачыма. Нейкая сіла прыгнячэньня, нейкі цёмны вобраз людзкое пакуты адбіваліся і пазіралі з гэтых круглых цяжкіх вежаў, з гэтых панурых сьцен і муроў, з гэтых цёмных мартвячых вачэй—вакон. І нейкі жох авяваў тваю душу, калі перанасіўся думкаю ў нутро гэтых цяжкіх муроў і ўяўляў сабе становішча тых, хто воляю ці няволяю папаў туды. Варожы і страшны, ён гараваў, як які год, і як бы казаў: «Ты кружышся каля мяне, ты ненавідзіш мяне, а ўсё-ж такі ня выкруцішся табе з пад мае аблады».

Я памятаю адзін вечар. Сядзеў я на двары вучылішча сьляпых, адкуль гэты астрог выдзяляецца вельмі выдатна. Гэто было летам 1906 году. У той час астрог ужо быў повен «забастоўшчыкаў». У іх ліку быў адзін рэгент, нехто, калі ня памыляюся, Ва-

сілеўскі. Ён арганізаў ў вастрозе хор з нявольнікаў. Галасы знайшліся добрыя, і іх было многа. У тыя часы ў вастрозе жылося яшчэ вольна і не забаранялася сьпяваць песьні. Стройныя густыя, моцныя хвалі гукаў разьліваліся ў ціхім паветры ціхіх закраінаў горада. Тон, мэлёдыя гэтае песьні, як ня трэба лепей, стасаваліся і з цішынёю летняга вечара, і з характарам настрою самыя сьпевачоў, і з астрожным жыцьцём і рабілі вельмі моцнае ўражаньне, хвалюючы усю тваю істоту Тут было прогненьне волі, пратэст узбунтаванае душы, гнеў і жальба, і чуўся ў гэтай песьне нейкі пахавальны матыў.

«Там—пакута, там—загіна. Ніколі шчасьлівы сьмех не асьветліць у вастрозе твароў нявольнікаў, казала думка. Але псыхалёгія чалавека пабудована так, што самы факт і пераживаньні перад фактам рэдка калі супадаюць. Чаканьне пакуты вастрэй адчуваецца, чым сама пакута, страх сьмерці праўзыходзіць самую сьмерць. І нават на вайне ў гарачы момант збойства пад сьвістам пуляў і громам гармат ня так страшна, як страшны папярэднія перажываньні гэтага страхоцьця. І калі практыка астрожнага жыцьця паверала папярэднюю тэорыю яго, то прыходзілася ў гэтым праконвацца. Доўгія асеннія і зімнія вечары, калі камары запіраліся на ўсю ноч, часта праваджаліся такім радасным сьмехам, якіх ня кожны зазнае і на волі.

Сядзеў у нас у вастрозе адзін угалоўны, злодзей і разбойнік па прафэсіі і па прызваньню, малады, крэпкі, як дуб, поўны жыцьця чалавек. У перадзі яго чакалі блуканьні па астрогах, высылка і доўгія годы каторгі. Але на яго твару ніколі не адбівалася і цені пакуты. Ён ужо прайшоў суровую школу астрогу, меў вельмі стары арэстанскі стаж, карыстаўся у гэтым сэнсе ўвагаю і паважаньнем з боку звычайных абывацеляў астрогу і лічыўся адным з самых галоўных «Іваноў.»

Кожнае камара угалоўных мела свайго «Івана,» а то і некалькі такіх «Іваноў»: «Іван»—гэта начальнік заправіла камары, біч і страх арэстантаў. І званьне сваё і сваю пасаду яны набывалі самі. Але дзеля гэтага трэба было мець свайго роду цэнз.» Гэты «цэнз» складаўся з самае натуры... «Івана»: здаровых кулакоў, добрага горладзёрства і цьвёрдасьці і рашучасьці характару. «Іван» у каморы—Бог і цар, для якіх падзалежныя павінны былі служыць вераю і праўдаю і даваць падаткі. Угневаны «Іван» мог загнаць пад «нары» сваю ахвяру і аставіць яе там на ўсю ноч. Самым даходным матэр'ялам для «Іваноў» былі буржуі-купцы, або кожны больш-менш заможны чалавек, пасаджаны у вастрог. Такіе асобы дасьледжваліся «Іванамі» но конта іх маемасьці і гледзючы па палажэньню, накладаўся на іх падатак. Калі ў назначаны тэрмін гэты падатак ня ўносіўся, то «Іваны» білі сваю ахвяру, білі моцна бязьлітасна. Посьля гэтага даваўся новы тэрмін узносу падатку. Калі і у другі тэрмін «буржуй» ня нёс падатку яго білі яшчэ мацней, заганялі пад «нары» і не адступаліся да таго часу, покі падатак ня ўносіўся поўнасьцю. Ніякія жалобы і скаргі па чыннасьць «Іваноў» не памагалі, бо «Іваны» жылі ў добрай згодзе з адміністрацыей астрога і дзяліліся з ёю сваімі здабыткамі. З «палітыкамі» «Іваны» падтрымоўвалі добрыя адносіны і праз «Іваноў» можна было разабраць розныя кражы, учыняныя угалоўнымі. Было такое здарэньне. Праз «нарамі» ў нашай камары сталі мае новыя камашы. Радам была камара угалоўных. Трэба сказаць, што кожная камара злучалася з другою «тэлефонам.» Гэта была проста дзірка, прабітая ў сьцяне. Праз гэту дзірку-«тэлефон» вялася тая ці іншая пазычка, як, напрыклад, кубка чаю, цукру, тутуну і іншае; праз гэтую дзірку вяліся патрэбныя размовы з патрэбнымі людзьмі. Праз гэты-ж «тэлефон» шавец Сьвінкін украў і мае новыя камашы, ў часе гуляньня на дварэ астрога. Прышлося зьвярнуцца да «Іваноў» суседняе камары. Праз колькі мінут былі даны дакладныя справкі: Камашы украў шавец—Сьвінкін, які ўжо выйшаў на волю ўчора і вызваліў так сама і мае камашы. «Іван» нават памог мне набліжаваць і вельмі

шкадавау, чаму я не агледзіўся крыху раней.

І ўсеь алзін з гэтых «Івануў», аб якім ідзе гутарка, вызначаўся, як выдатны скакун. Бывала, на яго надыдзе такая мінута, калі чалавеку так хочацца разгарнуцца ва ўсю шыр свае натуры. Ня стрывае душа, нейкая бура надхопіць яе, і ён, расчысьціўшы сабе месца на камары, пускаецца ў скокі. Ногі закуты тоўстымі кайданамі, а ён скача, скача лёгка, мастацкі. Кайданы замянялі яму музыку. І ў гэтым была для яго асобная асалода і натхненьне. Ён так умеў падзвонімаць імі, падбіраць ужуры, што звон гэтых цяжэрных ланцугоў і уласны яго настрой зьліваліся ў адное цэлае. І калі ён скакаў, то скокі яго захоплівалі ўсіх. Разьмераны і нават музычны іх бразгат насіўся па карыдору, далятаў у другія камары. Самі астрожнікі—пазірачые сходзіліся да «ваўчка,» дзе адбываліся скокі, глядзелі, любаваліся скокамі аматара «Івана.»

Якуб Колас.

Бэтлейка.

(З нарысаў па гісторыі беларускага тэатру).

I.

Як рэлігійная містэрыя і школьная драма, так сама іхняя дачка - бэтлейка (ад слова Betlehem) нарадзілася ў Заходняй Эўропе. Да поўнага разьвіцьця бэтлейка дайшла ў Польшчы, скуль пранікла на Украіну і на Беларусь. У VII і VIII вякох гэтая драма, якая ставілася на Ражство, мела чысто рэлігійны зьмест.

Спачатку з бэтлейкай хадзілі па мястэчках і вёсках школьнікі—сэмінарысты. Потым ад школьнікаў бэтлейка перайшла да абыватэльства і ад абыватэльства—да няпісьменных сялян. Пры гэтым рэлігійны элемэнт бэтлеечнай драмы адсунулі на задні плян народныя бытавыя камічныя сцэнкі і сатыры на папулярных асоб і розных прадстаўнікаў грамадзянства таго часу.

Гэтакім чынам бэтлеечная драма перайшла ў чыста народную творчасьць. За ўсе XIX сталецьце бэтлейка ставілася ня толькі у мястэчках і вёсках Беларусі, але так сама па вялікіх месцох, як напр., Менск, Магілёў, Вільня Віцебск і г. д.

Бэтлейка гэта ёсьць маленькі тэатр-скрынка, дзе артыстамі зьяўляюцца марыянэткі-лялькі. Скрынка выяўляе сабой мініятурны тэатр з дахам. Пярэдняя сьцяна яго палатняная, якая падымаецца, як заслона ў тэатры ў час прадстаўленьня. На сцэне, пакрытай заячай скурай, рухаюцца (рукамі бэтлеечніка) лялькі - актеры. За іх гавора і пяе спэцыяліста-бэтлеечнік. Ён пры гэтым стаіць «за кулісамі» (за палатнянай заслонай) і трымае лялькі за дроцікі рукамі. Гэтых дроцікаў ня відаць, бо яны захаваны ў шчэлінах, прарэзаных на падлозе сцэна. Шчэліны так сама не прыкметны ў шэрсьці заячай скуры. Для рук бэтлеечніка ёсьць пад сцэнай спэцыяльнае пустое месца. Для ув'йсьці і выхаду марыянэтак, якія падае спрытна хлопчык-«сцынарыус», прарэзаны ў задней сьцяне сцэны маленькія дзьверцы. Паміж гэтымі дзьверцамі стаяць на сцэне дзьве лялькі, якія выяўляюць сабою матку Божыю і сьвятога Язэпа. Перад імі ў жолабе ляжыць дзіцёнак Езус. Часам да гэтай сям'і дадаецца вол і асёл. (Тут можна рабіць параўнаньне в стара-грэцкім тэатрам, дзе аўтар бога—Дыоніса так сама знаходзіўся перад сцэнай). У некаторых бэтлеечных скрынках гэтая група знаходзіцца ў спэцыяльным вышэйшым паверху за шклянаю шыбінай, супраціў сьвятога абраза, які вісіць на задней сьцяне. На даху бэтлейкі часам робіцца маленькая башня. У ёй з боку публікі ёсьць дзьверцы. Падлога ў маленькай башні круглая і круціцца на жалезным шкворне. Вакол башні прымацо-

ваны карагод дзяцюкоў і дзяўчат, якія трымаюцца за рукі. Гэта група называецца «Камароўскае вясельле.»

Архітэктура бэтлейкі наогул бывае рознае,—паводлуг фантазыі майстра і традыцыяў яго ваколіцы.

Пры ігры-прадстаўленьні, апроча маналёгаў і песьняў, у большасьці бывае і музыка: дуда, скрыпка, цымбалы і інш.

Бэтлеечная п'еса дзеліцца на дзьве часьці: першая часьць — рэлігійнага зьместу, а другая—бытавога-камічнага зьместу.

Першая частка выяўляе сабой сцэнічны твор пад назоваю «Цар Ірад.» Дзея пачынаецца перад групай, якая пастаянна знаходзіцца на сцэне (Божей Маці, сьвяты Язэп і дзіцё Езус). Два пастухі ў беларускіх вопратках падыходзяць да маці Божай і кланяюцца. Бэтлеечнік пры гэтым пяе пад акампанімэнт музыкі тропар Ражству Хрыстову. Пасьля пастухоў кланяюцца Хрысту два анёлы. Потым Адам і Эва жалобна прычытываюць аб сваім праступку перад Богам.

Другая сцэнка прадстаўляе Ірадаў пасад і ваякаў. Ірад прыходзіць у царскім адзяяньні. Бэтлеечнік пяе аб тым, як Ірад хоча забіць Хрыста, як зьяўляюцца валхвы. Далей прадстаўляецца гісторыя, як анёл загадаў Язэпу ўцякаць з сьвятой сям'ёю ў Эгіпэт. Потым—сьмерць Ірада: Д'ябал з целам Ірада правальваецца скрозь зямлю. Гэтым першая часьць бэтлейкі канчаецца.

Ёсьць яшчэ адна п'еса да бэтлейкі, якая часам замяняе першую. Яна называецца «Цар Максімілян». Складаецца з чатырох актаў. У першым акце, калі сын Максіміляна, Адольф, заяўляе, што верыць у Хрыста, бацька-цар загадае закаваць яго ў цяжкія кайданы са словамі: «Няхай адумаецца.» Але сын яго «Адольф, моцна трымаецца сваёй веры, за што кат забівае яго на сьмерць. У дальнейшых актах цар - Максімілян змагаецца з рознымі рыцарамі і цмокамі.

Гэтая першая галоўная часьць бэтлеечных прадстаўленьняў ня так падабалася публіцы, як другая часьць—дадатковыя сцэнкі бытавога-камічнага характару.

У канцы-канцоў першая частка, у большасьці была зусім зьнята з бэтлеечнага «рэпэртуару», асталася толькі, як пралёг, зьяўленьне пастухоў у сьвятую пячэру. Затое дадатачныя сцэнкі вельмі падабаліся публіцы і выклікалі шмат сьмеху і шчырага здавальненьня. Тут бэтлеечніку-артысту, апрача традыцыйнага тэксту, было багатае поле для імправізацыяў сьмяхатлівых куплетаў на тэмы дня. Ядранай калёрытнай творчасьці пры гэтым ня шкодзіла няпісьменнасьць (у большасьці) селяніна бэтлейшчыка. Як кажа праф. Карскі, ў бэтлеечным тэксьце цяжка нават выявіць, дзе канчаецца індывідуальны штучны твар і дзе пачынаецца народная калектыўная творчасьць (гл. артыкул праф. Карскага «Рождественская вертепная драма въ Бѣлоруссіи», беларуская часопісь» «Варта» № 1, Менск, 1918 г.).

У другой часьці бэтлейкі праходзіць цэлы цыкль камічных сцэнак, нічым ня зьвязаных паміж сабою: жыд, чорт, Іродыяда, Мацей і доктар, Мужык і яго сын Максім, Антон з казою і Антоніха, скамарох з мядзьведзем, цыган і цыганка, баба-варажбітка, доктар, купец (Вольскі), Кракавяк і Кракавянка, улан і уланка, казак і жыд, два рыцары, бэрнардынскі манах і, урэшце,—камароўскае вясельле.

Галоўная структура гэтых сцэнак складаецца з сьмешных маналёгаў і песьняў, пасьля якіх пары, у большасьці, цалуюцца і скачуць.

Мова ў большасьці мяшаная: беларуская, расійская, польская і украінская. Гэта залежыць ад таго, прадстаўнікі якой нацыянальнасьці выступаюць: Купец Вольскі гаворыць па польску, Мацей—па беларуску, жыд—блутанай беларускай мовай, казак—па украінску, а цыган—па расійску.

Нашыя вучоныя і этнографы—як напр.: праф. Карскі, Раманаў, Шэйн і інш.,—шмат пісалі аб нашай бэтлейцы. Ў іхніх працах ёсьць поўныя тэксты бэтлеечнага рэпэртуару ў некалькіх вар'янтах.

У часы друкаваньня газэты «Наша Ніва», так сама зьбіраліся матэрыялы па беларускай бэтлейцы, што відаць з розных артыкулаў памянёнай газэты, дзе друкаваліся спэцыяльныя прагра-

мы і анкеты аб зьбіраньні гэтых матэр'ялаў. У тыя часы (1910—1913 г.) бэтлейкай вельмі цікавілася вядомая беларуская пісьменьніца Цётка (памёрла ў 1916 г.), якая пазьбірала ў гэтым кірунку шмат матэр'ялаў.

Дзеля прыкладу даемо тут пару ўрыўкаў з бэтлеечнага рэпэртуару:

Мацей і доктар.

І-я зьява.

(*На сцэну выходзіць беларускі мужычок Мацей*).

Мацей. А ба! Як тут зелена, ясна, красна; не раўнюючы, як у касьцёле. Ага, тут і сьвяты Язэп ёсьць (*здымае шапку і кланяецца*).

Няхай будзе пахвалёны, Шапка сіня, верх зялёны. Ці ведаеце, паночкі, якая мяне бяда спаткала? Быў я у пана Бараноўскага па куцьлі,

Як аб'еўся я куці,
Ні сапсьці, ні дыхці,
Ні дамоў да маей жонкі Ульляны дайсьці.
Каб знайшоўся-б дахтарок,
Ды палячыў мой жыватоk,
Аддаў-бы яму торбачку ды мяшок.

2-я зьява.

(*Выходзе доктар*).

Доктар. Што ты, гад, тут разшумеўся ў панскіх пакоях?

Мацей. А паночак, Палячы мой жываточак.

Доктар. Што табе?

Мацей Бурчэньне, нястраўнасьць.

Доктар. Пакажы, гдзе пульс?

Мацей Так? (*дае руку*).

Доктар. Ня так.

Мацей. Бадай жа ты сьвету ня ведаў як!

Доктар. (*Бярэ Мацея за каўнер, б'ець яго аб сьцяну*).

Мацей—пацей! Мацей-пацей!

(*Доктар выходзіць, астаецца адзін Мацей*).

3-я зьява.

Мацей. Намацеў, папацеў і сам к чорту паляцеў. Гэтыя Менскія дактары

Выймаюць душу без пары;
Ня лечуць,
Ды яшчэ калечаць.
Казаў з патыліцы кроў пусьціць.
Напупе банкі паставіць
Казаў узяць моху, чарталалоху,
Гальлясу, купарвасу,
Мышыных вантробак,
Камарынага шмэльцу
І яшчэ нешта троху.
Зьмяшаў гэта я, збаўтаў,
Глынуў—не памагло,
Яшчэ горай прылягло.

4-я зьява.

(*Зьяўляецца жонка Ульляна. Мацей цалуецца з ёю і скача Лявоніху. Пры гэтым бэтлеечнік імправізуе розныя частушкі*).

Антон з казой.

(*На сцэну выходзіць Антон, які цягне на павадку казу. За ім ідзець яго жонка Антоніха*).

Антон. (Пяе):

Антон казу вядзе,
Тып-мыц, каза ня йдзе,
Антоніха падганяе,
На табаку зарабляе.
Антон на табаку,—
Яго лаюць, як сабаку;
Антоніха па муку,—
Яе лаюць, як суку.
А ты, каза, стой, стой!
(*Антоніха пачынае даіць казу*).
А я козу дой, дой,
А я козу кулаком,
Прападзі ты з малаком!

———

II.

Апрача чыста народнай бэтлейкі, былі спробы стварыць з гэтага сюжэту твор для сцэны. Пры выданьні каталіцкай беларускай газэты «Bielarus» у Вільні ў 1915 г. вышла з друку маленькая кніжачка «Betliejka.»—сцэнічны твор у пяці актах. Аўтар невядомы, але па ўсяму відаць, што гэта напісаў беларускі ксёндз. Сюжэт—раджэство Хрыста. Пэрсанажы-жыдоўскія рабіны, пастухі, анёл, Ірад, тры каралі, маці Божа, сьвяты Язэп і г. д. Мастацтвам гэты твар не вызначаецца, напісаны вельмі прымітыўна ў стылю школьных драм XVII веку.

А народная беларуская бэтлейка, якая болей ста гадоў забаўляла наша абывацельства і сялян, часткова замя-

няючы сцэну,—ў час вайны у 1915 г. зусім пазаўпала. Яе бадай нідзе не відаць было. Ў шмат мясцох нашага краю тэатры-бэтлейкі з сваімі трупамі —лялькамі спакойна спачывалі ў музэях пад тоўстымі коўдрамі пылу і павуціны. Рэжысэры-суфлёры-бэтлеечнікі,—розныя абывацелі з рамесьніцкіх цэхаў: шаўцы, краўцы, сталяры і інш, так-сама вясковыя сяляне,—у большасьці павымiралі. А калі ў каго з іх засталася ў спадчыну ад бацькі бэтлейка, дык ён ня ведаў як яе выкарыстаць, і бэтлейка ляжала ў яго на гарэ бяз жаднага ўжытку.

Але бэтлейцы суджана было перад самай сьмерцьцю яе выступіць у шырокі сьвет апошні раз, затое з такім посьпехам, як нікокі за ўвесь час яе векавога істнаваньня па Беларусі.

У 1915 г. ў самым разгары ўсясьветнай вайны, беларусы ў Менску, на манер іншых народнасьцяў краю, з'арганізавалі «Беларускі Камітэт дапамогі пацярпеўшым ад вайны.» Побач з дапамогай уцекачом ў памянёным камітэце, беларускія інтэлегянтныя сілы сканцэнтравалі культурнаасьветную працу беларускага адраджэньня. Ў розных памяшканьнях камітэту ўладжываліся вечарынкі, на якіх выпаўняліся беларускія песьні, дэклямацыі і скокі. Гэта зьяўлялася слабым працягам спыненага расейскім урадам беларускага друку.

Ня маючы, дзеля цэнзурных прычын, магчымасьці наладзіць праўдзівы тэатр, беларусы ў Менску ў час калядаў 1915 г. наладзілі бэтлейку. Арганізатарамі яе былі б. рэдактар Нашай Нівы» А. Уласаў і беларускі дзяяч У Фальскі.

Бэтлейшчыкі як раз знайшліся сярод менскага абывацельства з шаўцоў: Муравіцкі і Дэмбіцкі. Муравіцкі меў бэтлейку і ўсе прылады—лялькі, а Дэмбіцкі прадстаўляў сабой аркестра—акампанаваў на гармоніку. Гэта былі старыя бэтлеечнікі—прафэсыяналы, якія шмат гадоў падрад у Менску і ваколіцы ў калядныя сэзоны хадзілі з бэтлейкай да розных паноў, да шляхты: ў розныя вёскі і давалі спэктаклі.

З вялікім трудом удалося выхлапатаць дазвол у менскага губэрнатара, пасьля чаго часьць памяшканьня «Беларускага Камітэту» была нарыхтавана пад гэтае прадстаўленьне. Пакоі былі прыбраны ў беларускім стылю. Сьцены былі завешаны сялянскімі тканінамі, абрусамі, ручнікамі, аздоблены пекна каляровымі беларускімі паясамі. Апрача гэтага на сьценах віселі бяроставая пастырская труба, старыя цымбалы і цэлая калекцыя беларускіх абразоў маляра Сукоўскага. Былі выдрукаваны арыгінальныя афішы і расклеены па ўсяму гораду.

У пачакальнай салі аркестр музыкі граў беларускія народныя песьні. Так сама выпісалі з вёскі беларускага скрыпача з маленькім хлапчуком цымбалістам.

Пасьля таго, як прадстаўнік расійскай паліцыі праслухаў першую рэпэтыцыю» і упэўніўся, што ў бэтлеечным рэпэртуары няма нічога рэвалюцыйнага і крамольнага,—бэтлеечныя прадстаўленьні пачаліся.

Бэтлейка цягнулася цэлы месяц пасьля Каляд. Штодня адбываліся тры сэансы. У працягу месяца аўдыторыя заўсёды была поўная. Глядзець бэтлейку прыходзілі як звычайнае абывацельства, так сама і інтэлегэнцыя розных нацыянальнасьцяў. Гэта былі свайго роду этнаграфічныя вечары, на якіх публіка знаёмілася з нашым народным мастацтвам.

У гісторыі бэтлейкі гэта, бадай, адзінны факт, калі яна ладзілася інтэлігэнцыяй у рамках праўдзівага тэатру Посьпех беларускай бэтлейкі быў тады аграмадны: Пры адным і тым самым рэпэртуары бэтлейка ставілася дзень-у дзень па тры разы цэлы месяц—г. з. 90 разоў бязупынна. Ніводная клясычная драма на ўсім сьвеце такога шчасьлівага лёсу хіба ня ведае.

За гэты час адміністрацыя бэтлеечнага тэатру вывучыла на памяць увесь бэтлеечны рэпэртуар. Шмат хто з менчукоў пасьля гэтага дэклямавалі знамяніты маналёг «Мацея-Пацея». І сьпявалі старадаўныя песьні з беларускай бэтлейкі.

Але гэта быў апошні апофэоз нашай бэтлейкі, бо з тых часоў бэтлеечных прадстаўленьняў болей у нас ня відаць.

З. Бядуля.

Інстытут Беларускай Культуры.

У пачатку 1922 году пры Акадэмічным Цэнтры залажылася вышэйшая культурна-навуковая ўстанова на Беларусі—Інстытут Беларускай Культуры. Залажэньне гэтай культурнай навукова-дасьледчай установы выклікана самым жыцьцём. Няўхільным скуткам ўзросту нацыянальнай самасьвядомасьці зьяўляецца жаданьне ведаць тыя матэр'альныя й духоўныя скарбы, якія захаваны на Беларусі; бо быць нацыянальна сьвядомым—гэта значыць перш за ўсё ведаць культурнае багацьцё сваей нацы.

Але мы мусім заўважыць, што до самых апошніх часоў дасьледчая праца на Беларусі бадай што не знаходзіла сабе месца. Захапіўшы ў свае рукі і ўладу і навуку, расейцы з навуковага боку зусім не цікавіліся Беларусьсю, бо яна для іх, па выражэньню аднага рускага цара, была прыгожай нявестай, але без пасагу й, яна для іх навуковага дасьледаваньня давала мала карысьці. Толькі ад другой паловы мінулага сталецьця пачалася нейкая дасьледчая праца на Беларусі. Але й гэтая праца мела не сыстэматычны, а чыста выпадковы характар. Яна вялася зрусыфікаванымі ці спалянізаванымі беларусамі-вучонымі, якія ўбольшасьці глядзелі на беларускую культуру не як на культуру самастойную, а як на пабочную прыбудову да агульна рускай ці польскай культуры. Ня наша справа іх вінаваціць за гэта; у тыя часы сапраўднага нацыянальнага ядра ня было, й яны проста, быць можа, аддавалі даніну свайму веку.

Але мы павінны памятаць, што іх вывады заўсёды носяць характар тэндэнцыйны, і з гэтае прычыны часта трацяць сваю навуковую вартасьць.

Трохі інтэнсыўней дасьледчая праца вяддзеца ў 20 сталецьці. Над дасьледаваньнем Беларусі ўжо працуюць ня толькі рускія, польскія і нямецкія вучоныя, але й самі беларусы, якія ўжо цьвёрда стаяць на нацыянальным грунце і подходзяць да справы без усякай тэндэнцыйнасьці. Гэтыя лепшыя сыны Беларусі адразу зразумелі, што для нацыянальнага адраджэньня народу перш за ўсё патрэбна выяўленьня яго культурнага багацьця, і яны стараюцца адзяліць сваё ад чужого, просачыць у глыбі вякоў, як адбіваўся культурны ўплыў другіх народаў на беларускую культуру, яны стараюцца выявіць чыста твар свайго народу, і яго культурных здабыткоў.

Але трэба зазначыць, што і ў гэты час, як і раней, дасьледчая праца мае несыстэматычны, а выпадковы характар. Тады як некаторымі вучонымі зроблены паважныя дасьледаваньні па мове, этнографіі, гісторыі, праву,—ёсьць яшчэ цэлыя галіны навук, якія да гэтага часу зусім не закрануты. Вось унесьці сыстэматызацыю ў гэту працу й рэгуляваць яе можа толькі сталая установа, якою па сваім заданьням і зьяўляецца Інстытут Беларускай культуры.

Такім чынам, адна з асноўных задач Інстытута Беларускай культуры гэтае—дасьледаваньне па усіх галінах навукі, больш менш цесна зьвязаных з беларускай культурай, а разам

з тым і ідэёвае кіраваньне ўсімі навуковымі сіламі, якія працуюць на гэтай глебе. З гэтага боку Інбелкульт набліжаецца да тыпу тых дасьледчых інстытутаў, якія ў апошнія часы сталі закладвацца ў Расіі й на Украіне.

Але наш Інстытут посіць назву Інстытута Беларускай культуры і гэта назва абмяжоўвае круг яго дзейнасьці. Наш Інстытут павінен ня толькі тварыць беларускую культуру, ня толькі быць лябараторыяй гэтай культуры, а стаяць і на варце яе. З гэтага боку наш Інстытут ня можа замкнуцца ў сваіх кабінэтах і весьці толькі дасьледчую працу, але яму павінна быць дорага, і ён мусіць апякавацца аб кожнай беларускай справе. Адной з такіх галоўных спраў, бязумоўна, яўляецца ўтварэньне навуковай літаратуры на беларускай мове, а для гэтага перш за ўсё патрэбна навуковае апрацаваньне беларускай тэрміналёгіі і укладаньне падручнікаў для пачатковай і сярэдняй школы. Некаторыя могуць заўважыць, што укладаньне падручнікаў—гэта ня кампэтэнцыя навуковай інстытуцыі, якою зьяўляецца Інбелкульт, што дзеля гэтага мала патрэбна навуковасьці: аднак на такое запытаньне мы мусім адказаць, што даваць першы падручнік у беларускай мове можа куды трудней, чымся пісаць унівэрсытэцкі курс на рускай мове—пісаць першыя падручнікі па беларуску—гэта значыць працярэбліваць новыя шляхі. Апрача ўтварэньня навукі ў беларускай мове, Інбелкульт павінен рупіцца і аб ўсялякай іншай культурнай беларускай справе: усё роўна ці будзе гэта беларуская выдавецтва, ці школьная, ці тэатральная справа,—усё гэта, бязумоўна ня можа ня цікавіць Інстытут Беларускай культуры і павінна ўвайці у круг яго кампэтэнцыі. З гэтага боку Інбелкульт удзеляе шырокае месца культурна-грамадзянскаму жыцьцю, і вось гэта менавіта культурна - грамадзянская справа зьяўляецца другім абавязкам Інстытута Беларускай культуры.

Думка аб залажэньні Інстытута Беларускай культуры зарадзілася ў беларускім грамадзянстве ужо даўно. Блізка году таму назад на сходзе беларускага грамадзянства С. Некрашэвічам быў прачытаны на гэту тэму даклад. у рэзультаце якого была выбрана камісія для распрацаваньня статуту Інбелкульта. Апрацаваны гэтай камісіяй пад старшынствам З. Жылуновіча проэкт статуту Інбелкульта адводзіў толькі шырокае месца культурна-грамадзянскім пытаньням, надаючы, такім чынам, Інстытуту характар больш грамадзянскай, чымся навукова дасьледчай установы

Аднача́сна з працаваньнем камісіяй статуту ў Менску праўленьне Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў асобе яго рэктара В. Пічэты апрацавала ў Маскве статут Унбелкульт па тыпу дасьледчых інстытутаў. Каб не адчыняць двох навуковых інстытуцый, якія маглі весьці паралельную працу, прышлося гэтыя праэкты пагадзіць і апрацаваць адзін статут, які ў аснове сваей захаваў абодва прынцыпы—і навукова-дасьледчай установы і культурна-грамадзянскай.

Згодна свайму палажэньню, Інбелкульт падзяляецца на сэкцыі, а сэкцыі ў сваю чаргу на камісіі. Кожная сэкцыя яўляецца аўтаномнай адзінкай і самастойна вядзе працу па ўсім пытаньням, якія яе датыкаюцца. Прымаючы пад увагу запатта абмяжаванаміч супрацоўнікаў Інбелкульту, пры ім пакуль што заснованы толькі дзьве сэкцыі—народна—мова—знаўчая і прыродазнаўчая. Але з паляпшэньнем эканамічнага становішча Рэспублікі безумоўна штат Інбелкульта будзе павялічан і пры ім будуць заснованы новыя сэкцыі. Намечаны да адчыненьня гэткія сэкцыі: культурна-гістарычныя, грамадзянска-эканамічных навук, літэратуры й мастацтва.

Супрацоўнікі Інбелкульта падзяляюцца на ганаровых і сапраўдных членаў, навуковых супрацоўнікаў і членаў-карэспандэнтаў. Сапраўдныя члены і навуковыя супрацоўнікі займаюць штатныя пасады, а апошнія—няштатныя. Ганаровыя і сапраўдныя члены выбіраюцца з асоб, якія могуць кіраваць навуковай працай Інбелкульта і маюць асабліва вялікія заслугі перад беларускай культурай: ці гэта будуць заслугі навуковага зьместу, ці агульна-культурнага характару. Навуковыя супрацоўнікі выбіраюцца з асоб, якія выказалі асаблівую здольнасьць да на-

вуковай працы. Членамі-карэспандэнтамі Інбелкульта састаяць тыя асобы, якія сваімі карэспандэнцыямі ці іншаю працаю з месц дапамагаюць разьвіцьцю й замацаваньню Беларускай культуры.

У склад Інбелкульта назначены: старшынёй С. Некрашэвіч, сэкрэтаром У Чаржынскі, сапраўднымі членамі: Е. Карскі, І. Луцэвіч (Янка Купала), К. Міцкевіч (Якуб Колас) і Я. Лёсік; навуковымі супрацоўнікамі: М. Грамыка, А. Круталевіч, Ф. Бурак, В. Міхальскі, Ч. Родзевіч, М. Азбукін, М. Гуткоўскі, С. Плаўнік (З. Бядуля), М. Байкоў, М. Піотуховіч и Л. Більдзюкевіч.

У далейшым часе да памянёных працаўнікоў, бязумоўна, многа далучыцца яшчэ ганаровых і сапраўдных членах і членаў-карэспандэнтаў. Інбелкульт у першы чарод не вінен рупіцца аб тым, каб кадр яго членаў-карэспандэнтаў быў па мажлівасьці большы, каб да гэтых членоў карэспандэнтаў былі прыцягнены лепшыя культурныя працоўнікі зусей этнаграфічнай Беларусі і каб разам з тым члены-карэспандэнты былі жывымі нэрвамі, здольнымі адбіць і передаць усё культурная жыцьцё усіх нашых мясцовасьцяў.

Вышэй мы зазначылі, што Інбелкульт залажыўся на першы час у складзе двох сэкцый, народна—мовы—навучай і прыродазнаўчай. Як той, так і другой сэкцыі дасталася вялікая і няскончаная спадчына ад навукова-нэрмінолёгічнай камісіі. Гэтай камісіяй было прынята беларускіе 2.500 слоў—тэрмінаў і праэктавана 4.184 тэрмінаў. Дакончыць гэту пільную і вельмі патребную працу саставляе чарговую задачу Інбелкульта. Утвораныя пры абедзьвюх сэкцыях тэрмінолёгічныя камісіі робяць далейшы працяг працы і маюць на мэце поўнае апрацаваньне тэрміналёгіі па курсу сярэдняй школы і выданьне яе у бягучым годзе. Але праца Інбелкульту не абмяжоўваецца апрацаваньнем тэрміналёгіі. Пры народна-мовазнаўчай сэкцыі утворана слоўнікавая камісія, якая працуе над апрацаваньнем руска-беларускага слоўніка, і камісія па дасьледаваньню народнай тварчасьці, якая зараз апрацоўвае анкету для расшаўсюджваньня іх на Беларусі. Для тых жа самых мэт апрацаваны анкеты прыродазнаўчай сэкцыяй. Дзякуючы анкетам, Інбелкульт спадзяецца ўвайці ў зносіны з самымі глухімі куткамі Беларусі і атрымаць для сябе многа каштоўных матэр'ялаў. Гэтыя матэр'ялы будуць апрацоўвацца ў Інбелкульце і друкавацца у яго навуковай часопісі. Інбелкульт спадзяецца, што вясковая інтэлігенцыя—дактары, настаўнікі, аграномы не адмовяцца супрацоўнічаць у Інбелкульце і гэтым дапамагаць у яго вялікай працы.

У летку члены Інбелкульту рахтуюцца супольна з тутэйшымі навуковымі таварыствамі зрабіць некалькі навуковых экскурсый і гэтым ажыцьцівіць нашу дасьледчую працу, якая зусім спынілася у апошнія годы.

На агульных сходах Інбелкульта абгаварываюцца пытаньня агульна-культурнага зьместу, выдавецтва, школ і інш.

Члены Інбелкульта так сама працуюць на укладаньню і перакладу падручнікаў для беларускіх школ.

Гэтак на першых парах працуе Інбелкульт.

У далейшым праца яго бязумоўна пашырыцца. Першы крок да гэтага—выданьне навуковай часопісі, якая прымусіць кожнага члена Інбелкульта весьці больш інтэнсыўную працу і дзяліцца ёю з беларускім грамадзянствам. Прыходзіцца толькі пашкадаваць, што камісія па скарачэньню штатаў бязлітасна аднеслася да нашай галоўнай культурнай установы і пакінула так мала актыўных працаўнікоў. Нельга так сама ўспамянуць і аб тым, што члены Інбелькульта зусім не забяспечаны смешна сказаць, большасьць з іх атрымлівае па даваенным цэнам толькі па 1 руб. на месяц.

Але мы хочам верыць, што ўсё гэта часовае і ў далейшым Інбелкульт ня будзе пасынкам, якім ён яўляется да апошняго часу.

Треба берагчы і шанаваць нашу маладую установу, бо яна мозг і галоўны нэрв-кашага культурнага жыцьця.

С. Н.

Беларуская культурная праца на Усходзе.

Праца ў цэнтры—ў Маскве.

Адпавядая патрэбнасьці к адраджэньню, пашырэньню і ўзмацненьню Беларускае Культуры у межах этнаграфічнае Беларусі, якая яшчэ не далучана да галаўнага ядра дзяржаўнага арганізму Б.С.С.Р., пры Радзе на Асьвеце Нацыянальных Меньшынств у Маскве істнаваў у 1920 і першай палове 1921 г. Беларускі пададзел. Гэта быў перыяд рэвалюцыйнага перабудаваньня наогул ўсей Федерацыі, перыяд цяжкіх войн за самое яе істнаваньня. Весь чаму ня можна паказаць наглядных вынікаў культурнай працы Беларускага п'адзелу за гэты перыяд.

Больш поўная праца ў Цэнтры началася толькі з ліпеня 1921 г. калі Беларускі п'адзел быў пераарганізованы ў «Беларускае Цэнтральнае Бюро па Асьвеце» і на чале яго стаў сябра М. Лойка. Пры Бюро істнавала Калегія і Радакцыйная Камісія.

З важнейшых пастаноў Калегіі трэба адмеціць гэткія пастановы:

а) аб адкрыцьці ў Маскве клюбу для беларусаў студэнтаў;

б) аб арганізацыі радакцыйнай камісіі

в) зацьвержан плян па выдавецтву;

г) зацьверджан штаты Беларускіх адзелаў(сэкцый)у Ўсерасейскім маштабу;

д) зацьверджаны праэкт выданьня палітыка-літаратурнага часопісу на беларускай мове, з погляду адсутнасьці такога на тэрыторыі Р.С.Ф.С.Р. (не беручы пад увагу Б.С.С.Р.).

Редакцыйная Калегия выпаўніла наступнае:

а) пакіравала праз адпаведныя інстанцыі да надрукаваньня ў ліку 35.000 адбіткаў таблiцу метрычных мер на беларускай мове, а так сама послана для друку ў ліку 50.000 адбіткаў 1-ая і 2-ая кніга для чытаньня «Родны Край» Гарэцкай;

б) разпрацавала і правадзіць праз адпаведные інстанцыі сьмету на выданьне кніг (падручнікаў і педагагічнай літаратуры) на 1922 г. агульным лікам па Глаўсацвосу 36 назваў, 489 друкаваных аркушаў, 8.190.000 аркушаў паперы 920.000 сшыткаў і па Глаўпрафобру—38 назваў, 2.462.000 аркушаў папэры, 323.000 сшыткаў.

в) распрацавала і падала на зацьвярджэньне праэкт выданьня штотыднёвага палітыка-літаратурнага часапісу ў 4 друкованые аркушы, 5.000 сшыткаў, 1.040.000 аркушаў памеры;

г) устанавіла сувязь з Дзяржаўным Выдавецтвам Беларусі і заручылася яго згодаю, праз Наркомасьветы Беларусі, аб надасланьні 20% выпушчаямой літаратуры ў 1921 г.

Цэбюро распрацавала і зацьвердзіла штаты Беларускіх Адзелаў (сэкцый) у Ўсерасейскам маштабу на 141 чалавек але штаты былі скарочаны і выявіліся ў гэткім відзе: на Гомельшчыне—15 ч., на Віцябшчыне—12, і на Смаленьшчыне —5 чал.

За часы 1921 г. часткова пад уплывам недаўна скончыўшайся вайны, часткова з прычыны адсутнасьці досыць моцнага Цэнтральнага Беларускага воргана, беларускіх зьездаў і канфэрэнцый на Ўсходняй Беларусі не было. Дзеля развязаньня цэлага шэрага хворых пытаньняў, а так сама, наогул, дзеля разьвіцьця да найбольшасьці працы сярод Беларусаў, Цэбюро разпрацавала на 1922 г. ніжэйшы праэкт зьездаў і беларускіх канфэрэнцый, які павінен быць зацьверджаны Радаю Кам. Меньш.

№№ па парадку.	Якога рода зьезд альбо канфэрэнцыя.	Мейсца зьезду.	Час.	Лік сяброў на зьезде.
1	Губ канфэр. Бел-сэкцый	Гомель	Сакав. Трав.	35
2	"	Віцебск	—	30
3	"	Смаленск	—	25
4	Районы зьезд працоўнікаў Асьветы беларусаў	Полацк	Трав. Ліпень	100
5	"	Лепель	—	75
6	"	Невель	—	75
7	"	Орша	—	75
8	"	Магілеў	—	125
9	"	Горкі	—	75
10	"	Рагачоў	—	75
11	"	Мсціслаў	—	125
12	Абласны зьезд Беладзелаў і прадстаўнікаў Асьветы Беларусі	Менск альбо Віцебск	Ліпень	80

За паказаны час (1920—1921 г.) на Усходняй беларускай тэрыторыі па вышэйшым прычыпам не было ні водных чыста беларускіх курсаў для падгатоўкі настаўніцкага персаналу.

Дзеля адсуненьня гэткага ненармальнага зьявішча, а так сама групуючыся на вялікім ліку заяў з мест, якія выявілі жаданьня аб патрэбе пераводу у 1922—1923 г. выкладаньня ў школах на беларускую мову (напр., Пастанова Губэрскага зьезду працоўнікоў асьветы Гомельшчыны у чэрвяню 1921 г.) Цэбюро правяло праз Бюра Нацменьш Главсацвоса праэкт па арганізацыі вышэйшых курсаў. Гэты праэкт зацьверджаны хаця і ў скарачаным відзе але з абавязковаю умоваю, каб на агульных курсах, якіе арганізоўваюцца Павятовымі Адд. Асьветы на мейсцох выкладаліся пытаньня беларусазнаўства (Гісторыя Беларусі, Гісторыя Беларускае Літаратуры, Геаграфіі Беларусі). Аплата лектароў павінна быц аднесяна на сьродкі з смет Пав. Адз. Асьветы.

Вось якія зацьверджаны тымчасовые беларускіе курсы:

№№ па парадку.	Назва курсаў.	Пачатак.	Працягненьне курсаў.	Мейсца.	Лік слухачоў.
1	Дашкольн. пр.	1/III	6 м.	Вітабск	100
2	Школьн. пр.	1/V	3	"	50
3	Дашкольн. пр.	1/III	6	Смаленск	100
4	Школьн. пр.	1/V	3	"	150
5	Дашкольн. пр.	1/III	6	Гомель	100
6	Школьн. пр.	1/V	3	"	60
7	—	1/V	3	Магілеў	90

Вельмі дрэнна стаяла справа з беларускаю літаратураю. У часы 1921 г. трэба сказаць на тэрыторыі Р.С.Ф.С.Р. (апрача Б.С.С.Р.) на беларускай мове не выдадзена ні воднай кніжкі.

Зраней выдрукаваных на кніжным складзе пры Цэнтрадруку меліся кнігі:

№№ па парадку.	Назва кніг.	Аўтар.	Год выданьня.	Лік сшыткаў.
1	Курс Белоруссоведения . .	Сборник лекций	1918-1920	594
2	Истор. Нов. Белорусск. Лит. .	Янчука	1920	675
3	Сборник стихотворен. .	Я. Купала	1919	731
4	Сборник „Зажинки" . .		1918	319
5	Карта Белор. племени . .	Карский	1918	2000
6	Што такое Сав. Ўлада . . .	Карпика	1919	2000

Апроч гэтых пры Цэнтральным Беларускім Бюро меліся кнігі:

№№ па парадку.	Назва кніг.	Аўтар.	Год выданьня.	Лік сшыткаў.
1	Основные моменты истории Белоруссии. .	Любавский	1918	400
2	Белорусская речь	Ак. Карский	—	25
3	Конституция Р.С.Ф.С.Р. на бебелорусск.языке.	—	—	100
4	„Павукі і Мухі".	Лібкнехт	—	100

З давядзяных вышэй табліцаў ясна відаць, якімі нікчэмнымі запасамі ўладала Цэбюро і з якімі слабымі матар'яламі яно арудавала.

Вялікая недастача ў гэтым кірунку была пополнена Наркоматам Асьветы Беларусі, які за свой страх и рызыку пакіраваў у Гомельшчыну і Вітабшчыну школьнай літаратуры каштоўнасьцю больш за 100.000.000 р.

Трэба спадзявацца, што да пачатку вучэбнага году ў 1922 г. пры дапамозе выдавецтваў пры Р.С.Ф.С.Р. і ў Менску, а так сама праз закупку кніг, якія выдаюцца Беларускаю школьнаю радаю у Літве, удасца пабыць нейкі лік патрэбных падручнікаў і літаратурны і гэтым здаволіць гаручае пажаданьне мейсц Усходняй Беларусі аб адчыненьні Беларускіх школ.

Культурная праца сярод беларусаў ў Маскве глаўным чынам кіруецца прадстаўніцтвам Наркомасьветы Беларускае Рэспублікі.

Больш ўсяго захопляны культурнаю беларускаю справаю студэнты беларусы. У 1921 г. існавалі ў Маскве тэткія студэнтскія хаўрусы:

1) «Беларуская Нацыянальная Асацыяцыя» пры Пятроўскай Сельска-Гаспадарчай Акадэміі, з 135 чалавек.

2) «Беларускі Гурток» пры Межавым Інстытуце з 45 чалавек.

3) «Беларускі Гурток» пры Камуністычным Унівэрсытэце Свердлова—з 40 чалавек.

4) «Беларускі Гурток» пры Акадэміі Сацыяльнага Выхаваньня ў 50 чалавек.

Апрача гэтых пры Вышэйшым Літаратурна-Мастацкім Інстытуце зложылася ініцыатыўная група студэнтаў-беларусаў, якая робіц крокі да адчыненьня ў Маскве «Беларускага Літаратурна-Мастацкага Гуртка».

Паказаные беларускіе хаўрусы ставяць мэтаю усебаковае ізучэньня беларускай тэрыторыі. Для даданьня гэтай мажлівасьці ўсім беларусам-жыхарам Масквы, Цэбюро вынясло пастанову аб адчыненьні ў Маскве беларускага клюбу.

Трэба зьвярнуць асабліваю ўвагу на адчыняную ў Маскве ў палове 1921 г. па ініцыатыве Наркомасьветы Беларусі —Беларускую Опэрна - Драматычную Студыю. У складзе студзійцаў ёсьць ураджэнцы як Беларускай Рэспублікі так і Беларускай тэрыторыі ў межах Р.С.Ф.С.Р.

Кірують іх заняцьцямі знатнейшые артысты Маскоўскіх Дзяржаўных Тэатраў (Мастацкага, Малага, Корша). Напэўна можна спадзевацца, што праз некалькі часу Беларускае Тэатральнае Мастацтва атрымае новае кіраўніцтва праз маладые сілы высока кваліфіцыйных артыстаў.

У 1918 г. у Маскве было больш як 20 дзіцячых дамоў (прытулкаў), у якіх жылі і вучыліся выключна беларусы-бежэнцы. Лічылася іх каля 500 чалавек. Але ў працягу 1919—1920 г.г. гэтые дамы ці злучаліся, ці проста касаваліся і дзеці распыляліся па небеларускім прытулкам.

II. Праца на мейсцох.

Гомельшчына.

На Гомельшчыне Беларусаў жыве 80—90%. Гэтым тлумачыцца тое, што Губэрніальны зьезд працаўнікоў Асьветы у жніўеню 1921 г. пастанавіў з 1922—23 вучебнага году увясьці выкладаньне па беларускай мове ва ўсіх школах. Да арганізацыі беларускага адзелу ў Гомельшчыне прыступілі яшчэ у красавіку 1921 г., але дзякуючы пераконам русіфікатарскіх элементаў справа наладзіць работу зацягнулася да месяца лістапада.

Вось як піша Цебюро 17/х—21 г. за № 67 да Рады Нац. Меньш. Н.К.А. «27 травеня 1921 г. пры ўдзеле інструктара Цебюро з Шыповай ў гор. Гомелі арганізованы сход Беларусаў пастанавіў у развіцьцё інструкцыі Наркомасьветы адчыніць пры Губоно Беларускі Адзел паралельна з істнуючым польскім і жыдоўскім. Не гледзячы на тое, што Гомельскую губэрнію насяляюць чуць што не адны беларусы, не зьвярнута ўвага на пратакол вышэйпамянутага сходу ад 27/v-21 г. Губано не знайшоў патрэбным арганізаваць Бел. Адзел 22/vii-21 г. т. е. пасьля 2-х месяцоў са дню арганізацыі беларусаў у Гомелі. Рада Нац. Меньш. паслала за № 4076/19 прапазыцыю Губоно па таму самаму пытаньню, 9/ix за № 5276/29 запытаньне па № 4076, 22/ix ізноў запытаньне за № 5497/42 па № 5276 і на ўсе гэта Гобоно не знайшоў потрэбным даць адпаведзь. З даложанай выпіскі пратаколу пасяджэньня Калегіі Цебюро ад 1/х-21 г. можна ўбачыць, што Беларускі Адзел пры Гомельскім Губоно не арганізваны да гэтага часу па уплыньню 4-х месячнага тэрміну. І гэта пры істнаваньні ў межах губэрні павятова-гарацкой Беларускай сэкцыі, Беларускага хаўруса пры Гары-Гарэцкім Сел.-Гасп. Інстытуце, Беларускіх Колках ў гарадох і мястэчках. З погляда гэтага прыходзіцца сумлевацца, што катэгарычнае вымаганьне Рады Нац. Мен. якое послана 10/х за № 5793 і 5794 дасягне сваей мэты».

Усе-ж такі не гледзячы на такія

перашкоды на Гомельшчыне арганізаваны вось якія беларускія установы: 1) Гомельская губэрніяльная сэкцыя, 2) Гомельская павятова-гарацкая сэкцыя, 3) Магілеўская павятова-гарацкая сэкцыя. Апроч гэтых прыступлена да арганізацыі белсэкцыі ў г. Рэчыцы.

Усеж такі на беларускай справе на Гомельшчыне зроблена за 1921 г. наступнае:

1) Гомельскі педаг. тэхнікум увеў у курс выкладаньня Беларусазнаўства.

2) Уведзен курс Беларусазнаўства ва многіх школах II ступені (пэўных цыфраў няма).

3) Функцыянуе шмат школ I ступені з выкладаньнем на беларускай мове.

4) У Гомелі ісьць беларускі хор і трупа.

5) У Магілеве хор у складзе 40 асоб і артыстычная трупа ў складзе 20 асоб.

6) Амаль што ў кожным павятовым горадзе і мястэчку маюцца хоры і гурткі па ізучэньню беларускага пытаньня.

7) Блізка Гомелю ў с. Прасна, школьнымі працоўнікамі заложаны навуковы беларускі гурток.

Нармальнаму развіцьцю працы ў 1921 г. перашкаджала па першаму позьняя арганізацыя, адсутнасьць грашовых сьродкоў, а асабліва неразуменьне мейсцовымі адпаведнымі працоўнікамі усей важнасьці беларускага пытаньня. Нічым інакшым, як гэтым, можна тлумачыць тое, што за аддачу памяшчэньня для выступленьня беларускае трупы альбо хору, Магілеўскі Палітпрасьвет вымагаў платы значных сумаў, аслабаняя ад іх расейскія трупы.

Вітэбшчына.

Вітэбская Беларуская Губэрніяльная Сэкцыя была арганізавана 29/х 21 г., а Полацкая—3/хі 21 г. З погляду гэтага нельга многа сказаць а пастаноўце справы асьветы сярод беларусаў Вітабшчыны. Але ў Вітабску і у Полацку жыве пакалькі вядомых беларускіх дзеячоў, якіе значна падтрымоўваюць беларускі культурны рух. Пад іх уплывам у гэтых гарадох і ў другіх павятовых гарадох функцыянуюць тэатры і хоры. У Полацку, напрыклад, выступае дзіцячая трупа якая ставіць пьесы, напісаныя раней, а так сама напісаныя жывушчым ў Полацку вядомым беларускім пісьменнікам А. Пшчолкаю. Вынікі культурнае працы чакаюцца ў будучым часе.

Патрэбна адмеціць, што наогул становішча школьнае справы на Вітабшчыне выдзеляецца з шэрага другіх. Па афіцыяльнаму адчоту, школьных працоўнікаў у летку 1921 г. там было 15% агульнага ліку і то палавіна непадгатаваных; 40 настаўнікаў нанялося ў пастухі; 11 скончылі самазабіўствам; некалькі пайшло ў бандыты. Гэтых жалобных фактаў не прышлося-б давадзіць, калі-б яны ня мелі самае блізкае датычнасьці да асьветы беларусаў.

Досыць паказальны, па афіцыяльным ведамасьцям, факт к характарыстыцэ прадстаўнікам Асьветы. Стаячы на чале Губано Вітабск с. Храпкоўскі адмовіў прадстаўніку Цэбюро с. Шышовай, што ў Вітабскай губэрні няма ні воднага беларуса, што адзел арганізаваць ён не дазволіць, што пэнсыі супрацоўнікам ён выпісваць не будзе.

Смаленшчына.

З погляду адсутнасьці цэнтральнага апарату, у Смаленшчыне беларускіе адзелы не арганізаваны, але ў вамногіх мейсцах функцыянуюць хоры, гурткі й тэатральные трупы аматароў.

Адэса.

Для параўнаньня адносін Масквоўцаў на Гомельшчыне й на Вітэбшчыне за беларускае справы мы прыводзім выпіску з афіцыйнага адчоту а беларускай справе украінцаў, якія калісь самі былі нацыянальна-прыгнечаны і спачываюць свайму брату беларусу.

«Беларуская калёнія ў Адэсі налічвае больш як 20.000 чалавек, з якіх ⅔—бежэнцы імпэрыялістычнай вайны з района Гродненскай і Менскай губэрні. Працаю сярод іх кіруе Беларуская сэкцыя пры Адэскім Губкоме Р. К. П. Праца гэта, падзеляецца на 2 часьці: палітычную і культурна-асьветную. Дзеля разтлумачэньня беларускім працоўным масам ідэй камунізму і азнаямленьня з бягучаю Савецкаю палітыкаю. Беларуская сэкцыя арганізоўвае цэлы шэраг лекцый і бясед.

Пры Беларускім рабочым Клюбе засноўван гурток палітычнай граматы. Вялізная палітычная праца вядзецца сярод моладзі. У беларускіх школах плянова й сыстэматычна наладжваюцца лекцыі й праводзяцца размовы па палітычныя тэмы. У Адэсі маюцца ніжэйшыя беларускія установы: Беларускі Рабочы Клюб, Беларуская сэкцыя пры Губоно й 6 школ, з якіх 2 школы камуны. Па правядзеньню ў іх прынцыпаў едзінай працоўнай школы лічацца абразцовымі. Пры адной з гэтых школ заложан гурток камуністычнай моладзі, дзіцячы тэатр і хор. У школах вучыцца больш 400 дзяцей. Выкладаньне вядзецца па беларускай мове. Пры беларускім рабочым клюбе маецца гістарычна-літаратурны гурток хор і трупа артыстаў. Праца ў беларускай сэкцыі не абмежаўваецца толькі адною Адэсаю. З раёнаў Адэскай і Мікалаеўскай губэрній часта прыежаюць у Адэсу бежэнцы беларусы за спраўкамі, газэтамі й літаратураю, чым па сіле мажлівасьці забезпечваюцца».

Мы бачым, што на Ўсходзе Беларусі справа беларуская пашыраецца й патрабуе больш арганізацыйных культурных сіл, бачым, што беларускі рух на сваім шляху спатыкае й перашкады, асабліва ў апошніе часы нампішуць і кажуць, што становішча беларускае справы з 1921-га году значна пагоршалася.

Так у Гомелі ў студзені 22 г. была зачынена Беларуская сэкцыя, бышцам па адсутнасьці штатаў, тагды як Масква зацьвердзіла ў свой час толькі на губерніяльную сэкцыю 4 чалавекі беларусаў.

Так сама нязьмерная варажасьць Вітабскіх дзеячаў да беларускае справы зрабіла тое, што нават і камуністы беларусы зьявіліся, ці адкамандыраванымі ў ПУР, ці разасланымі на губэрніі. Па гэтаму становішчу на Вітабшчыне Рада Нацыянальных Меньшасьцяў пры Калегіі Наркомасьветы зрабіла 15/ııı—22 г. пастанову: «Паказаць на: 1) Неабходнасьць арганізацыі Рады (Совнацмена і 2) Воргана дзеля вядзеньня асьветнай працы сярод беларусаў на беларускай мове.

Беларуская грамадзянства павінна прыглядывацца к становішчу беларускае справы па Ўсходзе, каб ў свой час узмацніць пашырэньне беларускае нацыянальнай ідэі й даць адпор яе супраціўнікам.

Н. Г—скі.

Беларуская культурная праца у Заходняй Беларусі.

Кіраўвічым асяродкам беларускае культурнае працы ў Заходняй Беларусі зьяўляецца г. Вільня. Тутака згуртавалася найбольш беларускіх культурных сіл, тутака асталяваліся найвялікшыя беларускія культурна-нацыянальныя арганізацыі, адгэтуль распаўсюджваецца беларускі пэрыядычны і непэрыядычны друк. Адным словам, Вільня—гэта сэрца і мозг культурна-адраджэнцкае працы беларусінаў у Заходняй Беларусі.

Двама, галоўным чынам, шляхамі вядзецца гэтая праца: праз беларускую школу і праз беларускае друкаванае слова. Пашырэньне беларускае школы і беларускага друку—вось пад якімі лёзунгамі вялася й вядзецца ў апошнія гады там культурная праца.

Беларуская школа у Віленшчыне і Горадзеншчыне распачала сваё істнаваньне ў часы нямецкай там акупацыі. І трэба сказаць праўду, што якраз у тыя часы, г. зн. 1915—1918 гг., яна дасягнула найвышэйшага пункту свайго росквіту. Нямецкія акупанты, у чыіх інтарэсах было не допускаць, каб польская нацыя узмацнялася коштам Заходняй Беларусі,—стрымлівалі апэтыты і полёнізацыйную працу польскіх імпэрыялістычных колаў. Наадварот, немцы - акупанты даволі прыхільна пазіралі на беларускую школу, і калі не давалі ёй больш-менш значнай ад-

намогі, то і не перашкаджалі яе разьвіцьцю. А гэтага ўжо выстарчала, каб беларуская школа красавалася і пашыралася.

Нямецкая акупацыя зьмянілася з поўнымі перапынкамі новай акупацыяй —польскай. Нічым ня стрымліваная хваля полёнізацыі нахлынула і пракацілася праз Заходнюю Беларусь. Нахлынула і пракацілася, але не патрапіла заліць оазісаў нашае культурна-адраджэнцкае працы—беларускае школы. Нягледзячы на гвалтоўныя напасьці, не перастала істнаваць беларуская школа, —а наадварот, манілася нават пашыраць межы сваёй чыннасьці. І вось у гэты бок, у бок змаганьня за істнаваньне і пашырэньне беларускае школы, было найбольш накіравана дзейных беларускіх культурных сіл.

Якіх-жа скуткаў дасягнула гэтае змаганьне? Вялізарных. Ня ў тым сэньсе, што лік беларускіх школ шмат павялічыўся. Полёнізацыйная палітыка мясцовых уладаў такімі ўмовамі і перашкодамі абставіла адчыненьне кожнае новае беларускае школы, а з другога боку—гэтак старанна вышуквае якіх-колечы прычапак, абы толькі зачыніць тую ці іншую ненавісную беларускую школу, што ня надта можа разьвівацца і пашырацца там лікам гэтая школа.

Але затое яна пашыраецца іншым шляхам:—ідэёва. Калі нам прыходзіцца казаць аб ліку беларускіх школ у Віленшчыне і Горадзеншчыне, то мусімо прызнацца, што гэты лік даволі абмяжованы. Праўда, што няма бадай такой воласьці, дзе б не спатыкалася адна, а то й некалькі беларускіх школ, але ўсё гэта ў параўнаньні з запатрабаваньнямі толькі нязначная доля. Па падлічэньню Беларускай Школьнай Рады ў Віленшчыне і Горадзеншчыне на 1921—22 гг. мела істнаваць больш як паўтараста пачатковых беларускіх школаў, некалькі гімназіяў, настаўніцкіх курсаў і інш. Але і гэты лік значна скараціўся ў апошнія часы, дзякуючы прычынам, аб якіх будзе ўспамінацца ніжэй.

Аднак, ня гледзячы на гэтак абмяжованы лік, ідэёва беларуская школа на нашым Захадзе прыняла масавы характар і, магчыма, што ў найхутчэйшым часе выльецца ў нічым нястрыманую стыхійную сілу. Ідэя аб неабходнасьці беларускае школы гэтак глыбока запала ў беларускі грунт, гэтак моцна зраслася з імкненьнямі нашых сялян, што ўжо бадай мала знайдзецца ў Віленшчыне і Горадзеншчыне такіх вёсак і валасьцёў, якія-б не рабілі стараньняў у кірунку адчыненьня беларускіх школ, якія б ня выносілі на сваіх сялянскіх і валасных сходах пастановаў, ня пісалі просьбаў аб гэтым адчыненьні. Праўда, найчасьцей на ўсе гэтыя стараньні атрымліваўся і атрымліваецца лаконічны адказ: **nie pozwaliam**. Але беларускае сьвядомае грамадзянства не апускае рук, пішуцца паўторныя просьбы, паўторныя склікаюцца сходы, пасылаюцца дэлягацыі ў цэнтры, і не на хвіліну не мае польскае панства супакою ад прыхільнікаў і пашыральнікаў беларускае школы. У гэтым кірунку волю нашага селяніна можна лічыць нязломнай, бо ён ня лёгка адмаўляецца ад раз запаўшай у яго голаву думкі. Аб гэтым можа сьведчыць наступны вельмі характэрны і цікавы кавалак з карэспандэнцыі з м. Лаварышкі, Віленскага пав., зьмешчанай у віленскай газ. «Беларускія Ведамасьці»:

«...Але мы ўсё ж ня думаем цішшком злажыўшы рукі сядзець, мы будзем слаць прашэньне за прашэньнем, дэлягацыю за дэлягацыяй, а свайго даб'ёмся, даб'ёмся права для свае роднае мовы і ў касьцёле і ў школе і ўсюды, дзе толькі жывець наш сярмяжны беларускі народ.

Нашая родная простая мужыцкая мова мусіць стаяць нараўне з польскай бо яна нам такая самая добрая і харошая і над жыцьцё даражэйшая»...

Весь характэрны голас беларускага сялянства, вось яго погляд на адраджэньне беларускае культуры, на адраджэньне беларускае школы. Праўда, што польскія ўлады часта затыкаюць вушы, каб ня чуць такіх галасоў, і заплюшчваюць вочы, каб ня бачыць, як хваля адраджэньня беларускага народу падымаецца ўсё вышэй і вышэй, і вось-вось пагражае зьмясьці з твару зямлі беларускай катаў-чужынцаў. І заткнуўшы вушы і заплюшчыўшы вочы, польскае панства направа і налева размахвае бізуном,

пагражае стрэльбай і вастрогам тым, хто адважваецца да яго зьвяртацца аб адчыненьні беларускай школы.

У адказ на просьбу аб адчыненьні новай беларускай школы, зачыняюцца ўжо істнуючыя; а калі пад бязупынным націскам прыходзіцца даць дазваленьне на гэтую школу, то назначаецца ў ёй настаўнік—паляк, які зусім ня ведае беларускае мовы. Гэтак, напрыклад, у м. Крынках, Горадзенскае губ. і павету беларуская школа на 6-ым годзе свайго істнаваньня была зачынена польскаю ўладаю. Але жыхары моцна не давалі супакою павятоваму інспэктару. Аж нарэшце ён запрапанаваў, каб дзеці беларускія, якія жадаюць вучыцца пабеларуску, ішлі запісвацца да «**kierownika szkół powszechnych**» (кіраўніка людовых школаў), і калі запішацца ня меней, як 60 вучняў, будзе зноў істнаваць беларуская школа з беларускім настаўнікам. Дзяцей запісалася 120 і павятовы інспэктар прыслаў «беларускую» настаўніцу, чыстую варшавянку. Цяпер ідзе навука ў беларускай школе з польскаю выкладоваю мовай беларуская мова—як прадмет, па аднэй гадзіне ў дзень адсунута на 4 лекцыю. *На лекцыях беларускае мовы варшавянка говорыць памаскоўску.*

У воласьці Гальшанах, Ашмянскага павету ў 1920/21 г. было 6 беларускіх школ, з якіх сёлета зачынілі 4, а на іх месца пазакладалі польскія. Сялянства заявіла пратэст проціў гэтага гвалту і сьвядома байкатуе польскую школу, не пасылае туды сваіх дзяцей, а дамагаюцца, каб зноў былі адчынены беларускія школы.

Бываюць і такія выпадкі, калі сяляне просяць, каб ім дазволілі адчыніць беларускую школу, якая будзе ўтрымлівацца ня коштам ураду, а іх уласным, сялянскім. І гэта ня гледзячы на тое, што з іх ужо сабралі дзяржаўныя падаткі на школы, дзякуючы чаму ўсе польскія школы ўтрымліваюцца дзяржаваю.

Як мы бачым, у сфэру змаганьня за беларускую школу ўцягнены самыя вялізныя грамады беларускага сялянства ў Віленшчыне і Горадзеншчыне. Дзякуючы гэтаму беларуская школа, паўтараем, на нашым Захадзе носіць на сабе масавы характар. І калі лікам яна ў апошнія часы часта нават меншае, то ідэёва яна бязупынку пашыраецца і ўзмацняецца.

Другім шляхам, якім вядзецца беларуская культурная праца на нашым Захадзе, як мы ўжо вышэй адзначылі, —зьяўляецца пашырэньне беларускага друкаванага слова.

Беларускія выдавецтвы істнуюць ня толькі ў Вільні, але і ў Нямеччыне, і ў Літве. Галоўным іх заданьнем зьяўляецца выданьне падручнікаў для пачатковае і сярэдняе беларускае школы. У гэтай працы на першым месцы зноў стаіць Вільня. Тутака выдана найбольш. З паміж гэткіх выданьняў за апошні год трэба адзначыць дзьве часткі альгебры Кісялёва, пераклад А. Луцэвіча, карты - паўкулі, правапіс Станкевіча трэцяе выданьне граматыкі Тарашкевіча, хрэстаматыю «Родны Край» Л. Гарэцкай, гісторыю беларускай літэратуры Гарэцкага, другое выданьне «Гісторыі Беларусі»—Ігнатоўскага і шм. інш.

З паміж пэрыадычных выданьняў у Вільні выходзяць: Тыднёвы часопіс «Беларускі Звон», штадзенны—«Еднасьць», і тыднёвы—«Раніца». Да самага нядаўняга часу выходзіў яшчэ тыднёвы часопіс «Беларускія Ведамасьці»,—які зачыніўся польскімі ўладамі ў зьвязку з адчыненьнем Віленскага сойму. Гэтак сама ў канцы 1921 г. быў зачынены тыднёвы часопіс каталіцкага беларускага духавенства «Крыніца». З паміж пералічаных часопісаў «Беларускія ведамасьці» найбольш гуртавалі вакол сябе беларускіх культурных сілаў, вялі найбольш чыннае змаганьне за правы беларускае культуры. Спаткаў іх лёс, якога трэ' было й спадзявацца. У меншай меры выяўляе сабой беларускую думку, настроі і імкненьні часопіс «Беларускі Звон». Што-ж датыча «Еднасьці» і «Раніцы»—то гэта органы вядомага Аляксюка, якія стаяць на грунце аховы правоў і інтарэсаў не беларускага народу, а польскіх абшарнікаў. «Крыніца»—зьяўлялася даволі парадачным і дэмакратычным органам беларускага каталіцкага духавенства.

З паміж беларускіх культурных арганізацыяў, якія знаходзяцца ў Вільні, трэба адзначыць: Школьную Раду, Бі-

ленскі Беларускі Муз.-Драматычны гурток, Беларускае выдавецкае т-ва. Арганізацыю беларускіх студэнтаў пры Віленскім Унівэрсытэце, якая налічвае больш 60 асоб. і інш.

Нельга замаўчаць і аб тэй культурнай беларускай працы, якая праводзіцца ў Латвіі. Тутака кіруе ўсёй беларускай працай гэтак званае «Беларускае Культурна-Прасьветнае Т-ва «Бацькаўшчына». Пачатковых беларускіх школ у Латвіі налічваецца каля паўсотні. Маецца некалькі музыкальна-драматычных гурткоў, а ў Дзьвінску нават працуе сталая трупа беларускіх артыстаў, якая субсыдыруецца латвійскім урадам. Наогул аб мажлівасьці культурнае працы ў Летгаліі вось што пісалі ў свой час «Беларускія Ведамасьці»:

«У Летгаліі. часьці Латышскай рэспублікі. істнаваньне нашай школы, можна сказаць, залежыць толькі ад самых беларусаў. бо латыскі ўрад адносіцца надта прыхільна да разьвіцьця беларускае культуры. Праўда, што там цяпер беларусы шмат чаго зрабілі і робяць...».

Вось больш-менш агульны агляд нашае культурнае працы за рубяжом. Як мы раней пераканаліся, гэтая праца ні на хвіліну ня спыняецца і ўсё коціцца наперад. Найцяжэй працаваць пад польскай уладаю. Адчуваецца гэта асабліва ў апошнія месяцы, пасьля таго, як адбыліся выбары ў Віленскі сойм. Да выбараў яшчэ было сяк-так. Польскія ўлады баяліся надта дражніць беларускае грамадзянства, спадзяючыся, што гэтым яны нас прыцягнуць на свой бок у часе выбараў. Але як толькі пабачылі, што беларускія колы ад самага пачатку выбараў занялі найбольш варожае да палякаў становішча, як пабачылі, што беларускае сялянства пад уплывам пэўнае агітацыі і нацыянальнага ўсьведамленьня байкатуе выбары, у гэты момант палякі паказалі свой запраўдны твар, разграміўшы частку беларускіх арганізацыяў і выслаўшы некаторых беларускіх дзеячоў з межаў гэтак званае Сярэдняе Літвы. Пасьля гэтай буры, беларуская культурная праца яшчэ больш стала цяжкай. Але ня спынілася і ня думае спыняцца. Наадварот, беларускія культурныя працоўнікі цясьней толькі злучаюць свае рады і яшчэ бош упарта ідуць да сваёй мэты.

Дз-і.

Беларускі Аддзел Наркамасьветы Беларусі.

(Кароткі агляд працы).

Праца Бел. Аддзелу НКА можа быць падразьдзелена гэтакім чынам:

1) Агульнае кіраўніцтва працай па адраджэньню і пашырэньню белар. культуры.

2) Падгатоўка кадра кваліфіцырованых працоўнікаў для беларускіх культурна-асьветных установаў.

3) Заходы аб тэхнічным выданьні беларускіх падручнікаў, навуковых падсобн. і літаратуры; а так сама разьмяркаваньня іх паміж бел. школамі і іншымі культурна-асьветнымі ўстановамі і распаўсюджваньня бел. літаратуры паміж тых беларускіх культурна-асьветных устаноў, якія знаходзяцца на абшарах Р. С. Ф. С. Р. і іншых фэдэратыўных рэспублік.

Вядучы сваю працу ў установах НКА, якія знайходзяцца ў м. Менску, Беларускі Аддзел усё-ж такі лічыць, што галоўная праца яго—праца ў паветах, праца на вёсцы. Каб мець магчымасьць кіраваць гэтай працай у паветах і па вёсцы, Беларускім аддзелам былі арганізованы беларускія павятовыя п/аддзелы, якія будучы падлеглымі з аднаго боку, адміністрацыйнага і гаспадарчага пав. Аддзелам, з боку ідэйнага кіраўніцтва падлегаюць выключна Бел. Аддзелу НКА. Гэтакім чынам па сваей структуры быў зарганізованы беларускі п/аддзел і пры месным гарацкім Аддзеле Нар. Асьветы, якому было даручана вядзеньне беларускай культурна-асьветнай пра-

цы ў установах м. Менску. З самага пачатку праца гэтых п/аддзелаў на паветах была не зусім здавальняючай, бо кіраўнікамі іх былі асобы не вытрывалые, асобы якія не змаглі разам пярамагчы тую апазыцыю, якая была з боку адпаведных працоўнікаў і кіраўнікоў П. А. Н. А. супроць маладой, беларускай пралетарска-сялянскай культуры, адраджэньня якой знайходзіцца яшчэ толькі ў пачатковых формах. Гэта апазыцыя не ізжыта яшчэ й да гэтага часу, хоць і зьменшылася пасьля тэзісаў Сталіна па нацыянальнаму пытаньню, прынятых 10 конф. РКП и тэзысаў па бел. нац. пытаньню, надрукованых у «Известиях ЦВ КПБ.»

Ня гледзячы на ўвесь цяжар працы, ўсёж такі на паветах зроблена многа уведзена беларуская мова як прадмет у ва ўсіх першых групах школаў, каля 20% усіх школаў вядуць навучэньня выключна на беларускай мове, перайшлі на беларускую мову і ўсе дзіцячыя установы, якія ўкомплектованы дзецьмі беларусамі (дзіцячыя дамы, сады і г. д.). Пры скарачэньні штатаў у школах праведзен прынцып укамплектаваньня беларускіх школаў у першую чаргу тымі настаўнікамі, якія добра ведаюць беларускую мову і спачуваюць беларускаму культурна-нацыянальнаму адраджэньню. За апошні час інтэнсіўнасьць працы беларускіх павятовых п/аддзелаў зьменшылася ў зьвязку з зьменай штатаў. Па гэтым штатам беларускія п/аддзелы скасаваны і ўведзены інструктары беларускай культуры.

Гэтая ломка ўнесла дэзарганізацыю ў працу бел. павятовых п/аддзелаў, з прычыны таго што асоба інструктараў гэтых новых штатах не зусім выяўляна, як ня выяўляны і яго абавязкі. Беларускі аддзел лічыць гэтую зьмену вельмі шкоднай для свае працы на вёсцы і ў калегіі НКА будзе дабівацца аб захаваньні павятовых беларускіх п/аддзелаў.

Дзеля падгатоўкі кваліфіцыраваных культурна-асьветных працоўнікаў беларускіх школаў апрача заўсягдашніх педагогічных установаў (Беларускі педагогічны тэхнікум і пед. аддз. Б.Д.У.) існавалі беларускія курсы: 1-гадавыя дашкольныя, 10-ці месячныя настаўніцкія і 9-ці месячныя лектарскія. К вялікаму жалю за недахватам матар'яльных сродкаў дашкольныя курсы згодна пастановы ЦИК часова зачыняны, пакуль ня будуць знайдзены сродкі на іх сутрыманьне. Гэта вялікая страта для беларускіх дашкольных установаў, бо кваліфікацыя працоўнікаў гэтых установаў сутрымаецца, як відаць, на доўгі час. Беларускія настаўніцкія курсы працуюць вельмі добра. Выпуск новых маладых працоўнікаў для першых груп школаў яны зробяць к будучаму навуковаму году. Беларускія лектарскія курсы далі першы выпуск на 1 красавіка гэтага году. Яны даюць досыць падгатаваных працаўнікоў для поўных сямігадовых школаў. Вельмі шкода, што за адсутнасьцю матар'яльных сродкаў гэтыя курсы ня могуць істнаваць далей. Курсы гэтыя—тая ячэйка, той фундамэнт, на яком будзе будавацца далейшая праца па адраджэньню бел. пралетарска-сялянскай культуры. Захаваньне на далейшы час гэтых курсаў вельмі пажадана і НКА. патрэбна абавязкова знайсьці матар'яльныя сродкі дзеля сутрыманьня гэтых курсаў і набраньня новых слухачоў.

Акрамя курсаў, якія ужо пералічаны, Беларускі Аддзел мае на мэце адчыненьне летніх каротка-тэрміновых курсаў беларусазнаўства, праз якіяпавінны прайсьці ўсе настаўнікі як у цэнтры, так і на паветах. Курсы гэтыя павінны будуць даць той агульны напрамак працоўнікам школаў гораду і вёскі, які патрэбны дзеля правідловага і інтэнсіўнага разьвіцьця маладой пралетарска-сялянскай беларускай культуры. Яны так сама павінны будуць згуртаваць, аб'яднаць наша настаўніцтва, а можа нават і аддзяліць тую частку настаўніцтва, якая варажна настроена проціў гэтай культуры працоўных пакрыўджаных масаў. Гэтая апошняя частка пеўна будзе выдзелена і послана дзеля працы туды, дзе няма беларускай школы, дзе ня чуваць гэткай мужыцкай мовы, дзе працу можна будзе павясьці так, як гэта пажадана гэтай групе настаўніцтва. А тыя, якія застануцца ў нас для працы новым шляхам к новаму жыцьцю павядуць цёмныя працоўныя масы. Курсы павінны будуць адчы-

ніцца як у Менску, так і на паветах. Крэдыты на арганізацыю і сутрыманьне гэтых курсаў запрошаны: чакаецца толькі зацьвярджэньня каштарысу з цэнтру.

Для тэхнічнага выданьня беларускіх падручнікаў і літаратуры Бел. Аддзелам атрымана з цэнтру выключна на беларускае выдавецтва ў круглых лічбах 6000 пуд. паперы, якая цалкам передана як пай НКА Беларускаму каапэратыўнаму выдавецтву дзеля надрукаваньня белар. падручнікаў і літаратуры па указаньню А. Ц. Н. К. А. Б. Акрамя гэтага беларускія падручнікі друкуюцца ў Бэрліне, Лейпцыге і Вільні. К будучаму вучэбнаму году ўсе беларускія ўстановы будуць здаволяны як падручнікамі, так і літаратурай, а гэта адно ўжо гарантыруе нам тое, што беларуская школа выйдзе на шырокі шлях, а разам з ёю рушыцца ў народ і беларуская пралетарска-сялянская культура. Што датычыць здавольненьня беларускіх школаў падручнікамі і літаратурай, то агульным лікам разьмяркована паміж культурнаасьветнымі ўстановамі Беларусі ў круглых лічбах 150000 экз. кніг. Па тэхнічным умовам кнігі гэтыя дайшлі ў установы з запазданьнем. Прыймаюцца крокі к здавальненьню ўсіх культурнаасьветных установ з будучага вучэбнага году поўнасьцю і к пачатку навуковага году. Апрача кніг, распаўсюджаных па Беларусі паслана на запатрабаваньням ад устаноў, якія знаходзяцца на абшарах РСФСР., Украіны, Сыбыры і Тюркскіх Рэспублік, а так сама вайсковых часьцёх да 10000 экз. кніг. Аб высылцы кніг вайсковым арганізацыям часткай пісалася ў газэце «Савецкая Беларусь».

Беларуская культура жыва, мацнее; цікавасьць і прыхільнасьць да гэтай культуры расьце з кожным днём. Праца Бел. Аддзелу ў напрамку адраджэньня беларускай нац. культуры не прападзе марна, гэта яго надзея, гэта яго ідэал.

Ме—іч.

З жыцьця Беларускага Джяржаўнага Унівэрсытэту.

Урачыстае шанаваньне Я. Купалы.

19 сакавіка, ў нядзелю, аб першай г. д. у актавай залі Беларускага Джяржаўнага унівэрсытэту адбылося урачыстае пасяджэньне Рады унівэрсытэту ў прысутнасьці значнай лічбы беларускіх культурных дзеячоў і іншай публікі дзеля ушанаваньня вядомага поэта Я. Купалы.

Метаю Рады унівэрсытэту было адзначыць асаблівую вартасьць славутага паэты для разьвіцьця беларускай культуры.

Пасяджэньне адчыніў сваёй прамовай рэктар унівэрсытэту праф. Пічэта.

Адзначыўшы, што ў творчасьці Я. Купалы выяўлены ўсе рысы, па якім беларусы павінны лічыць яго сваім вялікім пісьменнікам, прамоўца правеў тую думку, што Я. Купала мае для беларусаў такую самую вартасьць, якую Т. Шэўчэнка для украінцаў, А. Міцкевіч для палякоў і А. Пушкін для расейцаў.

Посьле ўступнай прамовы праф. Пічэты прачоў свой даклад на расейскай мове «Я. Купала, как индивидуалист» доктар унівэрсытэту М. Н. Піотуховіч.

Дакладчык адзначыў, што Я. Купала зьяўляецца выдатным індывідуалістаю і у яго творах досыць выразна выступаюць рысы індывідуалізму: самаўглубленьне, імкненьне да самаасабовасьці, любовь да прыроды і г. п.

У параўненьні з расейскімі пісьменьнікамі—індывідуалістамі (К. Бальмонт, Ф. Салагуб і інш.) творчасьць Купалы знаходзіцца на больш жыць-

цёвым груяце з той прычыны, што адзначаныя расейскія індывідуалісты ў шмат якіх сваіх творах сталі на няпеўны шлях дэкадэнства, якое не расквітнеўшы, памерла. Купала-ж, на вялікую карысьць для беларускай літаратуры, зусім ухіліўся ад адзначанага шляху. Яго індывідуалізм, па думцы дакладчыка, знаходзіцца ў цеснай сувязі з агульна-грамадзянскім настроем. З адзначанага напрамку Я. Купала ня сходзіць у працягу ўсёй сваёй літаратурнай дзейнасьці.

Сымбалізм таксама займае, па думцы дакладчыка, выдатнае месца ў творах Я Купалы. Так, напрыклад, «Раскіданае гняздо» беднай беларускай сямейкі, апісанае ў драме пад тэй-жа назвай, зьяўляецца сымбалем шмат вякоў многапакутнай Беларусі. Адзін з гэрояў драматычнай поэмы «Сон на кургане»—Сам ёсьць ніхто іншы, як беларус, шукаючы сваё шчасьце.

Наступны дакладчык праф. У. М. Ігнатоўскі ў сваім дакладзе на беларускай мове «Соцыяльна-палітычныя матывы у творах Я. Купалы» правеў тую думку, што сацыяльна-палітычнае адраджэньне беларускага народу зьяўляецца адным з галоўных матываў творчасьці Я. Купалы. Яго нацыяналізм заўсёды грунтуецца на соцыяльных пытаньнях. Гэты нацыяналізм нідзе не выглядае ў песьняра, як нешта асобнае, а заўсёды знаходзіцца у цеснай сувязі з думкамі аб родным народзе і яго палітычна-соцыяльным становішчы. Вышэй за усё пясьняр ставіць працу, якая зьмяняе нават самы выгляд зямлі. Апісваючы ў сваіх творах жыцьцё беларуса з усіх бакоў, пясьняр бачыць прычыны яго цяжкага становішча ў нацыянальнай няволі, у безьзямельлі, у поўнай залежнасьці ад панскай ласкі у адміністрацыйным уціску, у нясьвядомасьці і цемры.

Нарэшце зрабілі даклады на расейскай мове, лект. універсытэту А. Н. Вазьнясенскі і член ураду унів. т.С. З. Кацэнбогін.

У сваім дакладзе лект. Вазьнясенскі зрабіў параўнаньне лірыкі Я. Купалы з народнай творчасьцю, а т. Кацэнбогін паказаў, што лірыка Я. Купалы зьяўляецца праўдзівым адбіткам пакутнага жыцьця беларускага народу, як сам паэта—выдатным ідэолёгам нацыянальнага адраджэньня Беларусі.

За дакладамі адбылася літаратурна-мастацкая часьць урачыстасьці, у якой прыймалі гарачы ўдзел артысткі і артысты Беларускага Дзяржаўнага Акадэмічнага Тэатру, а таксама і хор Тэатру.

Дэкламацыя і сьпевы—музыкі Ул. Тэрраўскага—складаліся выключна з твораў Я. Купалы.

У канцы літаратурна - вакальнай часьціны па просьбе арганізатараў урачыстасьці, Я Купала прачытаў свой уласны верш «Перад будучынай». Як толькі шаноўны пясьняр узыйшоў на катэдру, публіка зрабіла яму бурную авацыю.

Посьле гэтага студэнт Унівэрсытэту, малады пясьняр Міхась Зарніца, з шчырым пачуцьцём прадэклямаваз уласны верш, прысьвячоны ўслаўляемаму пясьняру, пад назвай «Вялікаму пясьняру Бацькоўшчыны».

Пела, гудзела чароўная ліра.
Гучна нясьліся кругом адгалоскі;
Струны жывыя даводзілі шчыра
Горкія мукі і радасьці вёскі.

Ясная ліхтарняй на вежы-званьніцы,
Зоркаю сьветлай маніў да сябе:
Бляскам агністым сьвіталі зарніцы,
Край абуджаўся, ішоў к барацьбе.

Помню—у садзе пад сьпеў навальніцы,
У цемнай альтанцы сярод гушчары
Пеў на «Жалейцы» і піў як з крыніцы
Сокі цудоўныя з раньняй пары.

Потым сьціхалі грымоты... Альтанкі
Жомчугам лісьце блішчэла ад сонца...
Стадак дамоў ужо гналі на ранкі...
Вёскі, маленства, малюнкі бязконца...

«Градам» забіла зусім бедака.
Быльнік па бацькаўскі гонях парос
З клічам тваім «Пажалей мужыка»!
Кожны ўздыхнуўшы надзеяй васкрос.

Волатам вёсак і пушчаў вяковых,
Сынам краіны і родных палёў
Квітні Купальнымі красками новых—
Сьветлых, нясьмертных, агністых вянкоў.

Урачыстасьць закончилася каля 5 гадз. в. пеяньнем беларускай марсэльезы «Ад веку мы спалі»...

Памяці А. Бурбіса.

Двацатага сакавіка памёр Намесьнік Камісара Замежных справаў Б. С. Р. Р. Александра Лаўрэнцевіч Бурбіс.

Нябошчык быў даўнейшым рэвалюцыйным дзеячом беларускага адраджэнскага руху.

Сябра Беларускай Социялістычнай Грамады, ён пачаў сваю рэвалюцыйную дзеяльнасьць яшчэ да рэвалюцыі 1905 г. Ён стаў працаваць ў беларускіх рэвалюцыйных кругох ў 1902 г.

У 1906 г. А. Бурбіс быў арыштованы Царскім урадам і папаў у турму, дзе ён адсядзеў каля трох гадоў.

Турма падкасіла фізычныя сілы А. Бурбіса; адгэтуль ён вынес сухотку—хваробу, ад якой ён і памёр.

Але турэмнае заключэньне не скасіла яго рэвалюцыйнага настрою. Ён ня спыніў сваей дзеяльнасьці на карысьць беларускага руху: ён прымае актыўны удзел у культурнай працы віленскіх адраджэнцаў; наладжывае беларускія культурна-асьветныя і музыкальныя установы, беларускія хоры й тэатральныя таварыства, сам працуе, як артыста, раз'еджджаючы з тэатрам Буйніцкага.

Рэвалюцыя 1917 г. застала А. Бурбіса за межамі Беларусі ў Петраградзе й Маскве, але гэтая рэвалюцыя адчыніла шырокі простор яго дзеяльнасьці на карысьць Беларусі. У Петраградзе ён сумесна з А. Чарвяковым і йншымі дзеячамі арганізуе беларускія рэвалюцыйна-вайсковыя гурткі, а ў Маскве зьяўляецца прадстаўніком беларускіх нацыянальных інтарэсаў ў Камісарыяце Замежных спраў. Як прадстаўнік Маскоўскага Камісарыяту, ён ў 1919 г. прыехаў у Менск, каб працаваць на роднай беларускай глебе. Але пачалося наступленьне палякоў і А. Бурбіс уехаў у Маскву. У 1920 г. посьле адходу палякаў ён зноў вяртаецца ў Менск і працуе з пачатку ў Камісарыяце Земляробства, калі-ж у 1921 г. быў з'арганізованы Камісарыят Замежных справаў, прымае на сябе яго кіраўніцтва на пасадзе намесьніка Камісара. Ён тут аддае свае апошнія сілы для працы на карысьць Беларусі й ні на словах толькі, а і на дзеле выяўляе сябе гарачым прыхільнікам роднай беларускай мовы—Камісарыят Змежных спраў быў адзіночным камісарыятам па Беларусі, які пачаў весьці ўсё дзелаводства *толькі* ў беларускай мове.

Палітычны й грамадзянскі дзеяч рэвалюцыянер-агітатар, мастак-артыста А. Бурбіс быў і літаратарам-пісьменьнікам у роднай мове.

Пісаць ён пачаў яшчэ ў «Нашай Долі» і «Нашай Ніве» у маладых гадох і не пакінуў гэтай працы да канцу свайго жыцьця, працуючы ў Менску іменна ў «Весьніке Наркамасьветы». У 1921 г. у 1-ым і 2-м нумерох «Весьніка» зьявіўся яго цікавы артыкул «Кароткі агляд Беларускага нацыянальна-рэвалюцыйнага руху» (псэўданім—«Стары Піліп»).

Працаваць над гісторыяй беларускага руху А. Бурбіс пачаў яшчэ ў бытнасьць сваю ў Маскве і там сабраў шмат матэр'ялаў, якія ўзяў для сваей кніжкі «Очерк истории национального и революционного движения белоруссов» праф. Белар. Дз. Унів. Хфедар Хфедаравіч Турук.

У сераду, 22-га сакавіка, адбылося пахаваньне Алеся Бурбіса. Вынас цела адбыўся а $5^1/_2$ гадзіне ўвечары з гасьцініцы «Парыж» на Старажоўскія могілкі. У пахаваньні прымалі ўдзел вайсковыя часьці мясцовага гарнізону, камуністычная партыя Беларусі, усе беларускія арганізацыі і інш. установы.

Перад вынасам цела з кватэры Беларускі Дзяржаўны хор, быўш. Тэраўскага, прапяяў пахавальны марш, марсэльезу і міжнародны гымн, а тав. Чарвякоў сказаў прамову, посьле чаго ўся працэсія пад гукі пахавальнага маршу пяцёх вайсковых духавых аркестраў пакіравалася на могільнік.

На могілках казалі прамовы прадстаўнікі ад розных арганізацыяў—т. Кнорын—ад камуністычнай партыі Беларусі, т. Ігнатоўскі ад Беларускага Чырвонага Крыжу, т. Лёсік ад Інстытуту Беларускай Культуры, т. Дыла ад Цэнтрабелсаюзу і інш.

З гэтых прамоваў найбольш за ўсе абрысована было асабовасьць нябошчыка і сэнс яго дзеяльнасьці і смерці ў прамове Я. Лёсіка.

«Таварышы і грамадзяне», казаў прамоўца, «Я прышоў сюды, каб ад імя Інстытуту Белар. Культуры прынесьці апошняе ўшанаваньне і перадаць апошняе прашчай найлепшаму сыну Беларусі, добраму грамадзяніну і дарагому нашаму таварышу Аляксандру Бурбісу. Як чорная хмара зьвісла над Беларусьсю пахавальная жалоба. Адзін за другім заходзяць у магілы найлепшыя людзі нашай многапакутнай старонкі, нашыя нацыянальныя прарокі. У самым пачатку рэвалюцыі зышоў у сырую зямельку наш слаўны паэт пясьняр хараства Максім Багдановіч.

Роўна цераз год пашоў за ім у халодную магілу так сама ад сухот другі наш паэта беларускі лірнік Каганец. А яшчэ цераз год за імі ўсьлед пайшоў у маладым 37 летнім веку рэвалюцыянэр, піанэр беларускага адраджэньня, публіцыст Іван Луцкевіч, памёршы гэтак сама ад сухот. А пазалетась увосень дзесь у далёкай Галіцыі пахавалі яшчэ аднаго нашага рэвалюцыянэра й слаўнага паэта, перажыўшага ў Сібіры вечнае пасяленьне да рэвалюцыі, Алеся Гаруна. У Галіцыі ён лячыўся ад сухот і памёр, пайшоў як сьвечка да неба і панёс з сабою свае «думкі-дыямэнты». А вось сёлета, яшчэ на прошлым тыдні заграднічныя газэты прынесьлі новую жалобную вестку а сьмерці найстарэйшага адраджэнца і пісьменьніка Ядвігіна Ш., Антона Лявіцкага і—гэтак сама ад сухот. А сёньня мы зышліся сюды, каб пахаваць у сырую зямельку новую ахвяру сухот—рэвалюцыянэра і слаўнага беларуса адраджэнца Аляксандра Бурбіса.

Як чорная хмара, зьвісла над Беларусьсю пахавальная жалоба.

Што-ж гэта за фатальная доля такая, што ўсіх іх скасіла сьмерць сухотамі? Дзе прычына таго, што беларускі пісьменьнік, беларускі грамадзянскі дзеяч, беларускі рэвалюцыянэр уміpae ад сухот,—ад хворасьці, што разьвіваецца толькі ў падвойна-цяжкіх, у падвойна ненармальных умовах жыцьця?

А прычына тут тая, што яны былі ня толькі паэтамі і пісьменьнікамі, ня толькі грамадзянскімі дзеячамі, ня толькі рэвалюцыянэрамі-сацыялістамі і камуністамі, а былі яны яшчэ і беларусінамі. Яны нясьлі на плячох сваіх падвойны цяжар, падвойны крыж, і гэтым другім крыжам за рамю іх была беларуская справа, нацыянальнае адраджэньне. У дарэвалюцыйныя часы, у часы царызму быць беларусам—гэта значыла наразіць сябе на ўсе няшчасьці сьвету гэтага. Арэштам, астрогам, кайданамі, Сібір'ю і катаргай карaў беларуса царызм, а насьмешкі, зьдзек, зьневажэньне і гвалт сустракаў беларусін збоку ўсяго грамадзянства, пачынаючы ад пана буржуя і канчаючы хамам пралетарам, Беларусін у дарэвалюцыйныя часы—гэта шалены, вар'ят, камэдыянт, апошні чалавек, з каторым ганьбавалі вітацца знаёмыя, а свае родныя выракаліся і праклінaлі, як адшчапенца і вырадка. Гэтага цяжару, гэтай пякельнай мукі ня мог вытрымаць ніякі, нават жалезны чалавечы арганізм. А цяпер? Хіба не абліваецца крывёю сэрца беларусіна, пазіраючы на тое, як яго маць і—краіна разрэзана на часьці, як жывое чалавечае цела? Хіба гэта не пякельная мука, хіба гэта не агонь, з полымем каторага ня можа супярэчыць ніякае чалавечае жыцьцё?!...

Вось гэтага падвойнага цяжару, гэтай мукі ня мог вытрываць і нябошчык А. Бурбіс,—захвараў ён на сухоты ды памёр. Ня выдзержалі сілі яго таго непамернага цяжару, каторы ўзлажыў ён на рамя свае і нёс аж да сьмерці з самага пачатку 900 годоў. Нябошчык вышаў на нацыянальна-рэвалюцыйную працу даўно, яшчэ маладзенькім хлапчуком, працаваў 22 гады і спачываў хіба толькі тады, калі царскі ўрад садзіў яго ў вастрог. Нябошчык быў першым сьвядомым беларусінам-сацыялістам; ён першы выступаў на мітынгах, на сходах з рэвалюцыйнымі прамовамі пабеларуску. У тыя дарэвалюцыйныя часы публічнае выступленьне пабеларуску было так неспадзявана, як гром у ясную пагоду. А што важней за ўсё, дык гэта тое, што нябошчык быў першым у ліку тых, хто ў 1902 г. прагаласіў лёзунг незалежнасьці Беларусі, хто беззяржаўнай незалежнасьці ня бачыў сацыяльнага

вызваленьня працоўных мас. Нябошчык Бурбіс быў першым закладчыкам першай рэвалюцыйна-нацыянальнай беларускай партыі «Бел. Сац. Грамады».

Апошнім часам ён стаў камуністам, але ані на момант не забываў, што не «едзіным хлебам жыў бывае чалавек», што ў царства сацыялізму ўвойдуць не пралетары краёў, а пралетары народаў, што сацыялістычны інтэрнацыянал гэта ня сума людзей без нацыянальнага твару, а грамада нацыянальнага твару, а грамада нацыянальна сьвядомых народаў. Коратка кажучы, нябошчык разумеў, што без нацыянальнага вызваленьня ня можа быць і сацыяльнага вызваленьня. А нацыянальнае вызваленьне ён мысьліў, як поўную непадзельную дзяржаўную незалежнасьць для свайго беларускага народу. Але не дажыў да гэтага шчасьця. Ён пакінуў свой народ, сваю Маці Беларусь яшчэ ў муках вызваленьня, падзеленую на часьці. Адну ён меў нагароду за сваю цяжкую працу беларусіна-рэвалюцыянэра. Перад сьмерцю ён ужо мог узайсьці на тую высокую гору, адкуль, як Майсей, пазіраў Абяцаную Землю Беларускага Народу. Ён ужо бачыў тыя шырокія сьветлыя прасторы, пад якімі запануе многапакутны беларускі народ, дзе ён будзе гэтак сама працаваць, жыць і бароцца за новае і яшчэ лепшае жыцьцё але барацьба яго асалодзіцца нявымоўнаю радасьцю свае ўласнай нацыянальнай творчасьці, каторай не адчуваюць і не разумеюць усе нацыянальна сытыя народы.

Сьпі-ж спакойна, беларускі прарочы Ты не дайшоў яшчэ да Абяцанае Зямлі, ня дойдзе яшчэ і шмат хто з нас, бо ўсе мы ў няволі радзіліся і мусім памерці, як тое жыдоўства, што вадзіў Майсей па пустыні.

Спачывай, найлепшы сыне Беларусі! Імя тваё не забудзецца ніколі! Чырвонымі, агнёвымі літарамі будзе упісана яно ў гісторыі нацыянальнага адраджэньня і рэвалюцыйнага руху Беларусі!

Тут у роднай зямельцы, у жоўтым пясочку, тут, быць можа, у грудзе знойдуць твае слабыя грудзі сабе пакой! А ты, родная... Ня будзеш цяжкая ты сыну свайму зямля!»

Т. Ігнатоўскі у сваей прамове адзначыў, что перад сьмерцю, калі нябошчык быў зусім бяз памяці, ён сказаў гэткія словы: «вясковыя настаўнікі», а пачакаўшы— «чырвоная армія». Гэтыя словы з першага погляду могуць паказацца, што яны нічога асаблівага не азначаюць, але калі мы праналізуем іх і возьмем пад увагу яго заўсёдную цяжкую працу, дык мы можам сьмела сказаць, што тав. Бурбіс заўсёды мысьліў і меў на ўвазе, што галоўная зброя вызваленьня працоўнага народу з прыгону капіталістаў і цемры, гэта Асьвета і Чырвоная Армія. Асьвета і Чырвоная Армія—гэта фундамант сацыялістычнай працы, без чаго працоўны народ ніколі ня зможа пабудаваць свайго шчасьця. Гэта нябошчык добрэ разумеў, будучы яшчэ здаровым, за гэта ён змагаўся, з гэтымі словамі пашоў і ў магілу. Наш абавязак—зразумець гэтыя словы і шчыра ўзяцца за тую працу, якую вёў нябошчык Бурбіс».

М. Байкоў.

Указатель статей,

помещенных в I–VI вв. „Вестника Нар. Ком. Просв. С. С. Р. Б.

Организационные вопросы.

Просвещение и партия.

Общие вопросы науки.

Педагогика, методология и история образования.

Высшая школа.

Проф.-техн. образование.

Библиотечное дело.

Белорусская литература и история.

Библиография.

Хроника.

Беларускі аддзел.

Літаратура, гісторыя, публіцыстыка.

Беларуская навуковая тэрміналёгія.

Культурная праца и культурныя установы.

Кнігаопіс і крытыка.

Хроніка.

Р. В. Ц. № 327. 1 Сав. друк. з. № 1471.